

Имба-Читальня

СБОРНИК СТИХОВ
лауреатов
Первого поэтического конкурса
«Пятая стихия»
Международной литературной премии
имени Игоря Царёва
(сезон 2013–2014)

2015

ББК 84
УДК 82-822

Сборник стихов лауреатов Первого поэтического конкурса «Пятая стихия» Международной литературной премии имени Игоря Царёва (сезон 2013–2014 гг.). – Клинцы: Издательство ГУП «Клинцовская городская типография», 2015 г. – 288 с.

«Искусство создавать новые миры с помощью слова, как и умение видеть за словом эти миры, деградирует и отмирает. За ненужностью. <...> Телекартинка, как и лапша быстрого приготовления, действительно облегчает людям жизнь. Но всё это вовсе не означает, что поэзия со временем исчезнет. Поэзия бессмертна. Сам Создатель, на мой взгляд, – поэт. Смена времён года и другие временные циклы – что это, как не рифмы на языке Вечности? Так что поэзия, независимо от конъюнктуры, всегда будет с людьми», – писал Игорь Царёв.

Избыточная информация, которую поглощает современный читатель, порой не позволяет вычленив из общей массы достойные поэтические произведения. И мы заполняем возникший вакуум именами из прошлого века или именами с голубого экрана, порой даже не подозревая, что в просторах виртуального пространства уже родились новые Поэты...

Эта книга – сборник стихов наших современников. Хочется верить, что среди них есть те, чьи имена когда-нибудь будут стоять в одном ряду с именами своих великих предшественников.

ISBN 978-5-88898-536-6

© Региональная общественная организация – Литературно-общественное объединение «Имба-Читальня», 2015

*...Так важно иногда, так нужно,
Подошвы оторвав натужно
От повседневной шелухи,
Недужной ночью с другом лепшим
Под фонарём полуослепшим
Читать мятежные стихи.
Хмелея и сжигая глотку,
Катать во рту, как злую водку,
Слова, что тем и хороши,
Что в них – ни фальши, ни апломба,
Лишь сердца сорванная пломба
С неуспокоенной души...*

*Игорь Царёв
«Недописанное»*

ПРЕДИСЛОВИЕ

4 апреля 2013 г. ушел из жизни замечательный русский поэт Игорь Царёв.

Уроженец Приморья, детство и юность проведший в Хабаровске, студенческие годы – в Ленинграде (Санкт-Петербург), свои последние 30 лет он прожил в Москве. Работал в «Московском комсомольце», «Труде», «Российской газете». Член Союза журналистов, член Союза писателей России, автор 12 научно-популярных книг, более 1000 публикаций в СМИ, он писал стихи, которые были высоко оценены мировым литературным сообществом.

Подборки стихов Игоря Царёва публиковались в российских и международных литературных журналах и альманахах, таких как «Поэзия», «Воскресенье», «Заблудившийся трамвай», «45-я параллель», «Зарубежные задворки», «Ковчег», «Сибирские огни», «Дальний Восток», «Каштановый дом», «Чайка», «Окна», «АКМЕ», «Лит-э-лит» и многих других.

Он был лауреатом и призером многих российских и международных поэтических конкурсов. Только за последние пять лет жизни стал победителем конкурсов «Споёмте, друзья – 2008», «Серебряный стрелец – 2008», «Заблудившийся трамвай – 2011», премии «Поэт года – 2012», Международного конкурса художественного творчества «По Чехову», Международного конкурса Всероссийского фестиваля авторской песни имени Валерия Грушина в номинации «Большая поэзия», обладателем Гран-при международного конкурса «45-й калибр», приза президента Союза писателей XXI века, приза литературно-музыкального салона «Дом Берлиных» (Лос-Анджелес) – 2013 год...

Игорь Царёв награжден «Золотой Есенинской медалью», медалью А.С. Грибоедова, дипломами «Золотое перо Московии», «Золотое перо Руси», «За верное служение Русской культуре и литературе», имени В.И. Вернадского, имени Александра Блока и многими другими.

В 2002 году вышла книга его стихов «Море камни не считает». В 2011 году был издан сборник стихов «Соль мажор». В 2013 году в сети выпущен сборник «Переводы с языков пламени». В 2014 году – сборник стихов «Любя и веря вопреки...»

В память о поэте Игоре Царёве, для сохранения его литературного наследия, а также в целях поощрения творчества граждан

России и иностранных государств по созданию литературных произведений на русском языке, для сохранения и приумножения традиций русской словесности **11 ноября 2013 года была учреждена ежегодная Международная литературная премия «Пятая стихия» имени Игоря Царёва.**

Учредителями премии стали: Ирина Борисовна Царёва – жена Игоря Царёва, член СП России, писатель; Вадим Петрович Могилы – отец Игоря Царёва, профессор; Марк Григорьевич Розовский – драматург, режиссёр театра «У Никитских ворот»; Людмила Николаевна Мережко – заслуженный работник культуры РФ, директор Московского литфонда; Международный поэтический альманах «45-я параллель»; Международный литературный журнал «Зарубежные задворки» (Германия); проект «Русское безрубье» (США); Южнорусский союз писателей (Украина); Межрегиональная общественная организация – Литературно-общественное объединение «Имба-Читальня».

В качестве информационной поддержки конкурсов Премии имени Игоря Царёва выступили: издание Правительства РФ «Российская газета», Издательский Дом «Книжное обозрение», литературный журнал «Дальний Восток», Международный поэтический альманах «45-я параллель», Международный литературный журнал «Зарубежные задворки», Международный литературный журнал «Сетевая словесность», Международный творческий ресурс соотечественников «Подлинник», творческая гостиная DILIGANS (Украина), литературно-художественный журнал «Гостиная», ОРЛИТА (Объединение Русских ЛИТераторов Америки), радиостанция «Старое радио», сетевые поэтические сайты.

Итоги Первого конкурса Премии имени Игоря Царёва (сезон 2013–2014) были подведены на Торжественной церемонии вручения премии и наград 11 ноября 2014 года – в день рождения Поэта. Финальный аккорд конкурса – выход в свет этого сборника стихов.

Сборник выпущен совместными усилиями жены поэта – Ирины Царёвой, предоставившей материал для публикации и согласовавшей его с авторами, и МОО «Имба-Читальня», принявшего на себя труд и затраты по его изданию.

«Имба-Читальня» на сегодня является одним из популярных русскоязычных литературных сайтов. Его фундаментальная основа – патриотическое мировоззрение как российских поэтов, так и поэтов других стран, понимающих и принимающих русский

язык как родной. Интернет-портал «Изба-Читальня» функционирует в тесном сотрудничестве с региональными писательскими организациями России и различными творческими союзами, предоставляя им возможность заявить о своей деятельности и успехах через сайт, имеющий многотысячную аудиторию читателей.

*Валерий Белов — главный редактор
«Избы-Читальни», одного из учредителей
Международной литературной премии
имени Игоря Царёва*

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

Первый конкурс Премии стартовал 21 декабря 2013 года под девизом:

*...слова, что тем и хороши,
что в них — ни фальши, ни апломба,
лишь сердца сорванная пломба
с неуспокоенной души...*

К участию в конкурсе были приглашены поэты, музыканты, исполнители авторской песни, а также критики, филологи, литературоведы и коллеги-поэты, пишущие о Царёве и его творчестве.

От участников конкурса в номинации «Поэзия» ждали безупречного владения русским языком, высокой техники стихосложения, благородства и честности личного мироощущения. Победителями стали Юрий Гладкевич (Беридзе) из Москвы и Владимир Квашнин из таежного поселка Саранпауль, Югра.

В номинацию «Музыкальные произведения» мы пригласили авторов песен на стихи Игоря Царёва, сумевших понять и прочувствовать авторский текст и на хорошем музыкальном уровне превратить стихи и музыку в единое целое. Победителями стали Ольга Кузнецова (Москва) и Владимир Зачепа (Харьков, Украина).

В номинации «Верность памяти» мы ждали тех, кто стихами, прозой, популяризацией творчества Поэта, созданием вечных ценностей, сохраняющих память о нем, а также материальной помощью конкурсу имени Игоря Царёва выразил свою верность его памяти. Победителями стали Любовь Сушко из Омска (проза), Владимир Литвишко из Ессентуков (стихи), Игорь Лукшт из Москвы (скульптор, бескорыстно изваявший бронзовый памятник Игорю Царёву), Николай Бурмистров из Москвы (организатор увековечения памяти Поэта на его малой родине в Приморье), Галина Пысина и Елена Крадожён-Мазурова из Хабаровска (инициаторы движения по сохранению наследия Поэта в Хабаровске), Анатолий Берлин из Лос-Анджелеса (США) и еще раз Галина Пысина из Хабаровска (за материальную помощь, оказанную конкурсу имени Игоря Царёва).

В сборнике — стихи тех авторов, которые обратили на себя внимание конкурсной комиссии.

Прежде всего, это стихи победителей и финалистов конкурса.

Но нельзя было оставить без внимания и тех авторов, кто на последнем этапе боролся за выход в финал. Порой уровень их произведений не уступал уровню финалистов, но... любой конкурс — в чем-то лотерея... И составители сборника посчитали справедливым включить в него стихи и этих поэтов.

И еще мы приняли решение включить в сборник и стихи лауреатов номинации «Верность памяти». Во-первых, потому, что они тоже лауреаты конкурса, хоть и в других номинациях. Во-вторых, люди, умеющие ценить поэтическое слово, обязательно и сами пишут стихи. И, в-третьих, среди них есть те, кто мог бы выйти в первые ряды поэтического конкурса, если бы в нем участвовал.

Наш поэтический конкурс сопровождал известный литературный обозреватель Владимир Гутковский (Киев, Украина). Владимир Гутковский — поэт, прозаик, критик, член Национального союза писателей Украины (НСПУ), лауреат премии Волошинского конкурса, премии НСПУ им Н. Ушакова, премии журнала «Радуга», литературный обозреватель портала Stihi.lv, автор работ по обозрению произведений современной поэзии.

Его ремарки, написанные еще до того, как было названо имя победителя, сопровождают подборку стихов каждого из авторов, участвовавших в поэтическом конкурсе сезона 2013—2014.

Литературному обозревателю и дадим слово, открывая этот сборник.

Оргкомитет конкурса

ОТ ЛИТЕРАТУРНОГО ОБОЗРЕВАТЕЛЯ

... На пройденном пути мы потеряли ровно две трети авторов, начинавших этот путь с первого шага.

Многие не преодолели заданный барьер вполне закономерно, некоторых, не прошедших дальше, искренне жаль. Но ведь это конкурс. А любой конкурс, возможно, в чем-то и несправедлив, но, точно, безжалостен.

И все-таки одна треть осталась! «...что тоже, как подумаешь, немало...».

И тут я не могу не упомянуть великодушные организатора конкурса Ирины Царевой. Пользуясь своим правом ПУ (помощь учредителя), она добавляла несколько баллов авторам, находившимся на грани прохождения во второй тур и тем самым приобщила их к этому славному сообществу.

И теперь нельзя не воскликнуть — сколько знакомых имен, сколько прекрасных авторов!

... Для начала попробую со своей колокольни осмотреть и охарактеризовать подборки, которые будут спорить за прохождение в финал. В общем и целом.

Их анализ еще впереди, а пока только предварительные соображения.

Внимательно просмотрев тексты, выработал для себя следующую их приблизительную классификацию.

Имеется достаточное количество подборок, которые я условно назвал бы «поэзией реальной жизни». Это примерно то же, что в девятнадцатом веке относили к «натуральному направлению» или же жанру «физиологического очерка».

Упаси Бог заподозрить меня в пренебрежительном отношении к подобным текстам. Хотя они бывают густо насыщены подробностями и приметами повседневной жизни, вместе с тем порою выходят на уровень высокого поэтического обобщения.

Совсем не удивлен, что, согласно оценкам жюри, подборки, относящиеся к этой группе, в настоящий момент занимают лидирующие позиции в конкурсе.

Следующая группа авторов предпринимает попытки (осознанные или бессознательные) наиболее полно соответствовать сверхзадаче конкурса, а именно: найти собственный эквивалент поэтическому видению мира, свойственному Игорю Царёву. При таком подходе имеются и явные достижения, и довольно сомнительные

подражания. Впрочем, последние, в основном, не выдержали напряжения борьбы уже в первом туре.

Часть авторов я бы отнес к эстетическому или артистическому направлению. Они знают себе цену и уверены в своих силах. Свободно владеют техникой стихосложения и не сосредотачиваются на выполнении заранее поставленных задач.

Как ни странно, во второй тур вышли и подборки, основную идею которых мне сформулировать не удалось. Но, скорее, это мои проблемы.

И, наконец, есть несколько «штучных» подборок. Их не втиснуть в общий ранжир и не причесать под одну гребенку..

Понятно, что будут «жертвы» и в финал выйдет лишь первая десятка. Самых удачливых.

Но, на мой взгляд, главное — не выход в финал. Важно, что поэтическое сообщество хранит память об Игоре Царёве. Представленные на конкурс подборки — это своеобразный венок в его честь. И пусть кто-то возложил корзину орхидей, а кто-то букетик скромных полевых цветов — все это свидетельство уважения к Поэту и любви к нему.

Конечно, победитель по праву сможет гордиться тем, что его признали самым лучшим. Что он увенчан итоговыми лаврами и получил все, что победителю причитается. Но, повторюсь, для меня важнее всего, что стольких поэтов собрал этот конкурс памяти Царёва. И, по большому счету, та поэтическая переключка, которая на этом конкурсе проходит — это дань его творческому наследию и его славному имени.

Владимир Гутковский

ПОБЕДИТЕЛИ ПОЭТИЧЕСКОГО КОНКУРСА

Первое место в поэтическом конкурсе Международной литературной премии имени Игоря Царёва разделили Юрий Гладкевич и Владимир Квашнин.

Юрий Гладкевич (Россия, Москва)

Победитель поэтического конкурса (сезон 2013–2014) Международной литературной премии имени Игоря Царёва.

Отзыв литературного обозревателя Владимира Гутковского (Киев, Украина)

Новый для меня автор. И настоящий поэт.

Сразу становится понятно, что поэтический материал, который он использует, самый что ни на есть доподлинный. Что он был не просто свидетелем, а непосредственным участником описываемых событий. И что он, пропустив их через свое сердце, нашел этим чувствам адекватное поэтическое выражение. То, что он испытал, через что прошел, стало фактом его и человеческой, и поэтической биографии.

Само название первого текста «Прими, Господь, по описи...» и задает тон всей подборке, и устанавливает для нее очень высокую планку, которая успешно преодолевается им и далее.

Лирический герой подборки — человек думающий и чувствующий. Пройдя все круги ада, он не огрубел душой. Артиллерийская канонада не лишила его способности различать самые тонкие оттенки звуков и нюансы цвета.

И вместе с тем лирический герой не страдает излишней рефлексией. И в данном случае это только достоинство. В разгар боя не до сомнений и колебаний. И в жизни, ставшей продолжением военных сражений, тоже.

И только в после—житии, представ перед Творцом, можно задуматься о пройденном и пережитом. И как после тяжелой контузии вернувшись к жизни, дорожить и ценить любую мелочь. И предостерегать, предостерегать, предостерегать... каждым своим стихом, каждой строчкой.

Репрезентирующая цитата:

*«...а это такая поруха, такое бездолье и тьма,
что стонет земля наша глухо —
и с нами же сходит с ума...»...*

Вывод.

Перед нами сформировавшийся поэт, представивший сильную и цельную подборку стихотворений. Причем на тему, где так не просто избежать излишнего пафоса и ура-патриотизма.

Юрию Гладкевичу (Беридзе) это удалось. Ему всё удалось.

В.Г.

Гладкевич Юрий Вахтангович

Прими, Господь

Из пламени да копоты —
в мир светлой тишины...
Теперь, выходит, Господи,
ты вместо старшины?
Тогда прими по описи:
«калаш», бронежилет,
рожок в кровавой окиси —
пустой, патронов нет.
А гильзы-колокольчики
усеяли поля.
Сперва патроны кончились,
а вслед за ними — я.
Пиши, Господь: солдатское
исподнее бельё,
душа моя арбатская
и тело — без неё...

Лежал он

Как он лежал, раскинув руки,
а взгляд бежал за облака,
где только встречи без разлуки,
где ни рубаки, ни стрелка,

где ни полков, ни эскадронов,
где ни графьев, ни босоты,
где не сорвут с него погоны,
не осмеют его святынь...

Как он лежал, раскинув руки,
в глазах истаивала синь,
а кто-то дико улюлюкал,
горчила в воздухе полынь,
а рядом конь стоял гривастый,
и звал былого седока...
Лежал он, шашкою распластан,
и взгляд бежал за облака...

Поминальное

...А где-то там, в больших глубинах,
ещё крепилась субмарина,
ещё держала пуповина,
ещё дышалось через раз...

Ещё держались там, в отсеках,
и человек был человеком,
а час последний длился веком,
но, наконец, и он угас...

...А как вас море поминало!
Катило в берег вал за валом,
дышало хрипло и стонало —
не откликаются на зов...

Ни слова нет, ни полнамёка...
И слёз солёные потоки
по скулам северной затоки
стекали, как по щёкам вдов...

Качает пасечник меда...

Качает пасечник меда
и головой седой качает:
да как же взятки захудал,
не чаял, милые, не чаял...

И вроде в силе медонос,
и в ульях трутней нет поганых,
а мёдом словно кто обнёс,
в недобрый час он будь помянут...
Какая, милые, туга
бездолит вас на травах тучных,
поди ж, таки не овсюга,
чего же вам еще сподручней?
Бормочет пасечник седой,
топорщит бороду сердито,
а мёд, янтарный и густой,
хотя его и не избыток,
так солнечно течет в бидон,
так пахнет жарко, духовито,
что старый, сам заморожен,
вдруг улыбается открыто:
— Ну что ж, что взятки небогат, —
он говорит, — зато не бросов...
И пчелы в лад ему жужжат,
и всё ещё
пойдет на лад
на тучных
наших медоносах...

Голоса

И

Сколько их, голосов незабытых,
до сих пор над страной звучит —
битых, выбитых и недобитых,
легших в землю, ушедших в зенит,
колокольцем звеневших хрустальным,
колокольню лупивших в набат,
голосов, как судьба, изначальных,
испытавших, что значит надсад...
И не связки в надсаде повинны —
просто сердце давила и жгла,
словно где-то в чужих палестинах,
неприятность родного угла,
неприветливость отчего дома
и нелюбящей мачехи взгляд...
Вот об этом теперь невесомы
голоса со страной говорят...

II

По мне на взлёт несутся голоса...
Для них я взлётная, быть может, полоса,
а может, заземлённый проводок,
по мне стекает наведённый ток
с опор высоких этих голосов
в песок.

Ты

Тыходишь в реку — белая, как свет,
и темная, как тайна вековая...
Писать сонет? Да что тебе сонет,
тебе нужна поэзия иная.
Какая — мне неведомо... Молчу -
беспомощны слова мои и строки.
Заря тебя укутала в парчу,
и небо смотрит взглядом синеоким,
какходишь в реку — белая, как свет,
и темная, как тайна вековая...
И у меня тебе названья нет,
а если есть, то я его не знаю.

Посмотри в мои глаза

Когда ты станешь маленькой
сгорбленной старушкой,
посмотри в мои глаза.
Ты увидишь,
как по солнечной площади Еревана
идет моя любовь.
У неё — золотые волосы,
на зависть Солнцу
и всем армянским красавицам.
Она идёт — и над каждым
из 2750 фонтанчиков
вспыхивает радуга,
и Ереван отзывается
добрыми улыбками стариков,
топотом детских ножек
по бульвару

и восхищением
всех мужчин
подростково-хулиганского возраста.
Когда ты станешь маленькой
сгорбленной старушкой,
не смотри в зеркала.
Они бесполезны.
Правду тебе скажут
только глаза,
в которых — любовь.

Вышивка

Там, где нынче в полях вышивают узор
не стежком, а свинцовыми швами,
там «Игла», и для ангелов тоже резон
для отмены полётов над нами...
Но с нелётной погодой не могут они
примириться — и гибнут без счёта...
И идут по стране окаянные дни,
и на небе зияют пустоты,
а узоры, кровя, покрывают поля,
прошивают навывлет живое —
и глядит в небеса мертвым взглядом земля,
и молчанье её — гробовое...

Утро

I

Старик уже прозрачен, как витраж...
Когда он у окна — не заслоняет света,
и законный утренний пейзаж
вплывает в комнату со свежестью рассвета,
как будто сквозь него,
сквозь бестелесность,
невещественность,
бесплотность...
А там, в окне, — огромный мир за лесом,
мир, уходящий так бесповоротно...

II

А что старик? А ничего... Стоит...
Стоит и дышит, улыбаясь неуместно...
Тому, что так распелись соловьи,
а может быть, тому, что слышит эти песни?
Тому, что лес вдали
подобен стражу,
караульному планеты,
и законный утренний пейзаж
вплывает в комнату со свежестью рассвета...

Вода времён

Времён текучая вода
так много смысла без следа:
мой детский след на мягкой пыли,
чуть уловимый запах лилий,
что украшали гладь пруда,
качелей скрип и скрип тележный,
твой взгляд, как мне казалось, нежный,
и взгляд другой — осколком льда...

Вода текучая времён
затёрла множество имён:
имён друзей, врагов и прочих,
имён дорог и их обочин,
глупцов и тех, кто был умён,
случайных, неслучайных женщин,
юродивых, пророков вещей,
тех, кто бескрыл, кто окрылён.

Но что пенять теченью вод —
таков времён коловорот...
Ничто не вечно под Луною,
меня когда-то тоже смоем —
достойным будет пусть уход...
Но память пусть хранит, что было:
все то, что было, ведь хранило
меня в плену текучих вод.

Владимир Квашнин
(Россия, ХМАО-Югра, с. Саранпауль)

Победитель поэтического конкурса (сезон 2013–2014) Международной литературной премии имени Игоря Царёва.

Лауреат специального приза конкурса «Родниковые души» от администрации сайта «Пятая стихия».

Отзыв литературного обозревателя Владимира Гутковского (Киев, Украина)

И с этим поэтом первое и приятное знакомство.

Когда такой автор, как Владимир Квашнин, обращается к поэзии в достаточно зрелом возрасте, то ее несомненными достоинствами является человеческая мудрость и панорамное видение действительности. А опыт прожитых не понапрасну лет и образ жизни накладывают свой дополнительный и внятный отпечаток на его творчество.

Но разве может быть иначе? И избежать подобного самовлияния невозможно, и делать этого не стоит. Тем более все это придает ему еще большую выпуклость и объемность.

Лирическая составляющая творчества поэта, его любовь к родному краю и непреходящая влюбленность в него не может оставить читателя равнодушным.

А стихотворная практика — дело наживное. Думается, автор покорит еще не одну творческую вершину.

Репрезентирующая цитата:

*«...Мои стихи, откуда вы берётесь
В краю болот и злощих комаров?
То шепчете, то плачете, то льётесь
Потоком из неведомых миров...»*

Вывод.

Владимир Квашнин очень достойный поэт.

Об этом говорит хотя бы то благожелательное внимание, которым его удостоили члены жюри.

В.Г.

Квашнин Владимир

Далёкая моя

Опрокинув ковшик над избушкой,
Плещут звёзды в млечных омутках.
Вьётся дым березовою стружкой,
Спят леса в серебряных мехах...
Вот и этот год опять встречаю
С лаечкой, среди сопок и зверья...
Кто бы знал, как по тебе скучаю,
Милая, далёкая моя!
У тебя проспект бежит вдоль окон,
У меня — бескрайняя тайга,
Закрутив метели белый локон,
Красит зорькой понизу снега.
По ночам вальсируют осинки,
Подчиняясь лунной ворожке,
И кружат полярные снежинки
Светлые, как мысли о тебе.

Мысли, что когда-нибудь на свете,
Пусть не в этой жизни, так в другой,
Не зимой, так летом, на рассвете
Встретимся, хорошая, с тобой.
Обниму, заштопаю все ранки
На душе иголочкой пихты,
Зацелую солнцем на полянке,
Окольцую лентой бересты.
Самою счастливою на свете
Сделаю, да мне ли не суметь!?
Главное, мечту свою в секрете
Сохранить, да золото на медь
Не пустить в размен с бродягой-ветром,
Да пореже ссориться со сном.
Завтра снова день — по километрам...
Ничего, пусть пишет за окном
Веточкой замёрзшею осинка
Золотое имя на снегу..
Ты — не часть моя, не половинка,
Ты — мой воздух, хлеб, костёр в пургу,

Мой хранитель, муза, вдохновенье,
Свет небес моих в закате дня...
Это ты — моё стихотворенье,
Песня лебединая моя...

Счастье

А много ли для счастья надо?
Да что ж вы сразу о деньгах?!
Я — об истомушке в прохладе
копны духмяной на лугах,
Когда весь день поёшь косою,
А он как звень — ни ветерка!
И видишь доченьку босою,
В ладошках крынка молока.
Едва глоток, как вдруг из сини,
Из белогрудья облаков,
Сверкнёт гроза с гудящим ливнем
И близким грохотом подков.
И ты за вилы — ох, замочит!
А он, возьми, — да стороной!....
За полчаса стоит стожочек,
Как та часовня за спиной!....
А вечером заглянешь к маме...
И с полотенцем на плече,
Как на Руси святой веками
К реке по розовой парче
Заката вниз по огороду,
Где баньки стайкой собрались,
Да в молоко парное — с ходу!
Да — в глубь!! А душенька-то — ввысь!!!...

Потом щекой прижмешься к бане
И будешь слушать, затаясь,
Как ивы шепчутся в тумане
И зорьку чмокает карась.

Рябина

Осыпая листвы позолоту,
куст рябины горит на ветру.
Тем и жив, что болею охотой;
Вот и завтра, дай Бог, поутру

притулю рюкзачишко за спину
с вертикалочкой, так — для души,
и, обняв у калитки рябину,
распахну в Божий храм камыши.
Не убить — настрелялся за жизнь-то —
посидеть, растворяясь в лесу,
наблюдая, как тучка сквозь сито
выжимает над речкой косу,
как бельчата легко и беспечно
на деревьях играют стропой,
а деревья о добром и вечном
рядом шепчутся между собой...
А вчера, только встав на коленце,
собирался обнять свой родник —
вдруг ударил под самое сердце
из холодных небес переклик.
И я вижу, как Божья невеста
надо мною снижает свой клин,
и пустое ...свободное место
между крыльями двух балерин.
Неужели пора?!... «Погодите!» —
Во весь голос я им закричал —
«Мне не нужен на солнечном Крите
ваш обласканный морем причал!
Даже там — на обрыве дороги,
где толпятся к Нему в небеса —
исцелю Всевышнему ноги —
отпусти мою душу в леса...»
Пронеслась белокрылая стая
на далекий свой пальмовый Крит,
а в окошке, всю жизнь согревая,
ясным светом рябина горит.

Совість

Вроде Русь и верстою не меряна,
И Всевышний незримо далёк,
Но у Бога и мышь не потеряна —
Всех согреет Его огонёк...
Нам бы только почаще беседовать,
Сердцем знаки Его понимать,
Чтить родителей, совести следовать,

Вот и будет в душе благодать....
 А ведь к маме всегда, как на праздники....
 Бездорожье? Так мы же домой!
 Что нам грязь-то на танке-УАЗике!
 Вот за горочку и ... Боже мой....
 Ни детей, ни собаки, ни курицы,
 Ни души.... Может, где разбрелись?...
 Окна выбиты, избы сутулятся....
 Эй, славяне!... Народ!... Отзовись!...
 Только ветер, напившись просторами,
 Хлопнет ставней да, как от стрельбы,
 Из деревни «бегут» мародерами,
 Спотыкаясь, кривые столбы.
 А крапивы – как сроду не кошена,
 Лебеда, та и вовсе – стеной...
 Все расхристано, вырвано, брошено,
 Словно немец добрался войной....
 И тут вижу я – женщина старая.
 Руку – лодочкой, палку – к груди:
 – Вовка, ты ль!? Ну, да как не узнала я!
 Ох, и вымахал!... К мамке, поди?
 Ой, сынок, мы ведь Дарью–то, сватьюшку,
 В прошлом годе, как раз на Покров,
 Схоронили. А что же ты матушку
 Проводить не приехал-то, Вов?
 Все-то заняты, все где-то свищете...
 Что стоишь-то, ужо, заходи...
 Ни звонка, ни письма не напишете,
 Вот для этого вас и роди...
 Я зашел. Под иконами в рамочке
 Фотографии. Тихо. Тепло.
 На комод по мужней тальяночке
 Тащит кот стрекозу за крыло.
 Пахнет ладаном, хлебом и старостью...
 Посадила за стол у окна
 И святою крестьянской усталостью
 Просветила до самого дна...
 – Что молчишь-то, касатик, рассказывай,
 Как живется, детишки, дела?
 Аль как мы – ремешочек подвязывай?
 Или вдел Горбунку удила?
 А деревня спилась да и вымерла.
 Веры нет, и хиреет народ.

Как война проклятушая вымела!
 Вон кресты-то – почти в огород...
 Да уж вижу, что здоров и удачлив ты,
 В Бога веруешь... То хорошо...
 И дела, вижу, добрые начаты,..
 Сын, смотрю, народится еще...
 Я сидел ошалелый, раздавленный.
 Что сказать? Что служу звонарем?
 Спросит: «Где же ты совесть-то, праведный,
 Обронил, что не сыщешь с огнем?
 Это ведь с твоего равнодушия
 Мать-деревня твоя умерла...»
 Так о чём же названивал в души я?!....
 Нет, родная, при мне та игла!
 Так кольнула, что силы покинули.
 Мне б с колен ей подол целовать,
 А сидел, словно сердце мне вынули,
 Камень сунув, – троим не поднять.
 А назавтра сходили на кладбище...
 Гладил травушку, плакал навзрыд.
 И свечу, и молитву... А камище
 Так с тех пор на душе и лежит.
 Звал: «Бабуль, а со мной бы поехала...».
 – Нет, Володюшко, я уж с котом...
 И пока видел в заднее зеркало,
 Осеняла Россию крестом...

И пить любовь из родника

Когда совсем неумогу,
 Я открываю томик Фета
 И погружаюсь в наготу
 Души прекрасного поэта.
 И все заботы до одной
 К ногам ложатся книжной пылью,
 И кто-то, складывая крылья,
 Мостится рядышком со мной...
 Когда в безвинный лик зари
 Стволами целится охота,
 Опять я слышу: плачет кто-то,
 Дрожит и мечется внутри

И бьётся крыльями, как птица,
И даже в дрёме праздных дней
Мне не даёт на ключ закрыться
Ни от себя, ни от людей.
Смеётся мне, и ей поётся,
А в горе самую родной,
Любимой женщиной прижмётся
И запечалится со мной....
Скажи, крылатое создание,
Какой ты памятью живешь,
И за какое наказанье
Меня чужою болью бьёшь?
Зачем в тот час, когда прилягу,
Читаешь Мандельштама стих
И, плача, ищешь по ГУЛАГу
Убитых родственниц своих?
Зачем, надев Христово платье,
Плотаешь пыль далёких стран,
Летишь обнять Его распятыё
И гвозди вытащить из ран...
То к старикам ведёшь и вдовам:
Кому — скосить, кому — колоть,
А потерявших веру — словом
Позвать, как нас учил Господь,
Войти сквозь чёрствости засеки
И равнодушья облака
В души таинственные реки
И пить любовь из родника....
И шепчет ранними часами,
Укутав шёлковым крылом,
О жизни, родине, о маме,
Заре, уснувшей за селом,
Друзьях, которых больше трети
Афган огнём своим скосил,
О лучшей женщине на свете,
Что дать мне Бога упросил...
Так и живём: грустим и пишем,
Поём и верим в чудеса,
И тихо плачем, если слышим
Друзей ушедших голоса...

Единоверец

Предназначение поэта —
быть врачом души.
Как миллионный лучик света,
пока мы живы, друг, спеши
учить других дивиться чуду —
мир видеть в капельке дождя...
Куда идём? Кто мы? Откуда?
Что оставляем, уходя?
Спеши найти единоверцев,
спеши связать словами нить
и, протянув от сердца к сердцу,
своим теплом объединить.
Зови других смотреть на звёзды,
качать ромашек облака,
расслышать в шёпоте берёзы
слова людского языка.
Тяни из сумрака бездушья
в туманы утренних полей,
пиши, спасаясь от удушья,
о малой родине своей.
Той, что успел закрыть собою
в разгул предательства и зла.
Ведь та, большая, что без боя
мы всё отдали, умерла.
Но мы крепчаем даже в горе!
Возьми калёные слова
и докажи заморской своре,
что Русь суконная жива!
Веди к деревне с русским небом,
чтоб каждый чувствовал нутром —
да, здесь и печи пахнут хлебом,
и избы ставят топором,
и свадьбы празднуют с Покрова,
и песни русские поют,
от Иванова до Чернова
в час испытания встают,
и самогонку пьют под сало,
и удивляют мир левши.
А это много или мало?

Вот ты, мой друг, и напиши.
Да так, чтоб строчки не пропало,
чтоб зацепило и достало
до самой глубины души!

И прошу – одевайся теплей

Здравствуй, мой ненаглядный сыночек,
шлю тебе материнский привет.
Извини меня, Вова, за почерк –
что-то зрение село на нет.
Как ты там? Всё-то грудь нараспашку?
Вся простуда, сыночек, от ног.
Ничего, я тебе и рубашку,
и носочки купила, сынок.
А деревня совсем опустела:
я да кот – вот и весь сельсовет;
это раньше до зореньки пела,
а теперь даже оклика нет.
Только мы и живём потихоньку:
хлеб жуём да в окошко глядим.
Помнишь ли почтальоншу-то, Тоньку,
Да отец-то – кузнец Некодим?
Вот она иногда забегает,
сам ведь знаешь, мага́зин-то где....
Что-то лампа весь вечер мигает,
керосина не купишь нигде...
Банька наша сгнила и упала,
Дом – живой, только крыша бежит..
Помнишь, в детстве-то с братом купала?
Вани...нет... уж полгода лежит.
Это я и жива, и здорова...
Только денег не надо, не шли –
у Смирновых осталась корова,
и грибы, говорят, подошли...
А наемднн вдруг блюдце разбилось,
будто знак, что заждались уже, –
и под самое утро приснилось,
будто Ваня стоит на меже,
улыбается, ручкою машет,
в рубашонке одной – на стерне,

а за речкою папка твой пашет
на последнем колхозном коне.
Тут и маменьку вижу, и сестры –
Зоя с Галею – сняли платки,
а в руках вроде серпики остры,
рожь рядками, сгребают в валки...
Если честно... болею я, Вова...
Ничего... ты справляй юбилей...
Ты... потом... телефон у Смирнова...
И прошу – одевайся теплей...

Золото Югры

Бурлит поток, зажатый тесно в скалы,
Ступи на край – и сгинешь ни за грош,
И вижу – корешок вцепился малый,
В морщину камня, рви – не оторвёшь!
Была б земля, хоть горсточка какая,
А тут? – Гранит! Да как же он живёт
На всех ветрах у самого-то края?!
А пригляделся... Боже, он... цветёт!
И вроде день, спустившись с перевала,
Дождём полощет платьвица осин,
И в днище тучи крыльями устало
С унылой песней бьётся птичий клин,
А мне – светло. Под лапой старой ели,
Сквозь слёзы затуманенных осок,
Смотрю, как воды кружатся по мели,
Выбрасывая мусор на песок.
Вот так и жизнь – уносится пустое,
А корень есть – и зорьке подмигнём,
И никакой бедой тебя не смоем –
На родине и камень – чернозём!
Ласкаю взглядом каждый кустик сопки,
И только чмокнул клюковку болот,
Как строки сами, словно зимородки,
Слетелись стайкой в старенький блокнот.
И вот стихи. О чём? Да всё о том же!
О самой лучшей родине – Югре!
О старой ели, что шершавой кожей
Ко мне прижалась, грея, на горе,
О красоте родного Приполярья,

О сосенках, завязанных узлом...
И пусть стократ теплее нас Анталья,
Любовь к земле не вымерять теплом!
Здесь – родина. Здесь – мама. Здесь – Россия,
Здесь жизнь прожить – подарок от судьбы...
Да где ещё, какая Никосия
В январской мгле над шапку избы
Согреет светом ясного сиянья?!
Звезду? – Любая! Радугу? – Бери!
И прямо в ноги – полог Мироздания,
Приподнимай – и с Богом говори...
Здесь Севера, здесь люд душой просторен,
Здесь стыдно быть двуличным и пустым...
Да что там люди, если даже корень
Над пропастью зовётся золотым!

Поезд

Глаза закрою – снова вижу поезд,
Земную даль под облачным крылом
И паренька, заткнувшего за пояс
Пустой рукав, напротив, за столом.
Тельняшка, белозубая улыбка...
– Никак, повоевать пришлось, сынок?
– Пришлось, отец, хотя не очень шибко,
Всего три дня, две пули – и в Моздок.
Там госпиталь, отрезали, зашили,
Да я-то что, а Лёху – на куски...
Так, бать, представь, из наших и садили
Подствольников по нам боевики!
Потом узнали – прапор, зам. по тылу,
Продал по тридцать долларов за ствол...
.....Он говорил, а я же через силу
Глотал комок, сжигая взглядом пол,
И слышался мне рокот вертолетный,
Афган, Саланга, горный перевал...
И шквал огня, и мой мотопехотный,
Который ту колонну прикрывал...
Костры «Уралов», трупы вдоль дороги,
И Мишка, с кем вот только что курил,
Прижав к груди оторванные ноги,
Молил глазами, чтобы застрелил.

И замполит, ещё живой, в машине,
И медсестра Ирина из Ельца
Ещё стоит... не зная, что на mine...
Мы умирали, веря до конца,
Что лучшая страна стоит за нами,
Не бросит нас ни мёртвых, ни калек.
А оказалось, что нужны лишь маме...
– Зовут-то как, сынок, тебя? – Олег...
Он засыпал, держась рукой за ножку
Стола, как ствол. И вздрагивал во сне,
И всё мостил под голову ладошку,
Оторванную пулей на войне...

Мы за ценой не постоим

Я и живу, как всякий русский,
Молясь, чтоб не было войны.
Чтоб день январский ли, июльский
Вставал с полей из тишины
На Рамадан, Купалу, Пасху,
Чтоб сын головушку свою,
Надев оранжевую каску,
Берёт в цеху, а не в бою.
Нам не нужны снега Аляски,
Ни европейцев мудрых сказки,
У нас свои в России пляски
И Вера в Бога, как в броню.
А есть ли что войны страшнее?..
И как забыть, что из родни
Лишь дед Степан дошёл до Шпреи,
Петра... в Освенциме сожгли.
И тот, что выжил, был пружиной
Взведён за тысячи смертей,
За мать, за брата Константина
Он жаждал мстить. Но вспомнив сына,
Найдя в развалинах Берлина,
Кормил с ладони ИХ детей.
Ты это знаешь, фрау Меркель.
И сколько жизней на счетах.
Уже полмира, Бог свидетель,
В могилах русских и крестах!

Ещё рыдают небосводы,
 И души мечутся в дыму,
 А вы и ваши кукловоды
 Вскормили новую чуму.
 Чего ж творите-то вы, братцы –
 Тарасы Бульбы – казаки:
 Какие кролики и наци
 Вам напрочь вынесли мозги?
 Кто не за «Вильну...», тех – из «Градов»
 Бьёт наповал фашистский сброд,
 Как можешь ты, скажи мне, Рада,
 ТАК ненавидеть свой народ?!
 Одесса..., «Боинг»... А не жутко?
 Донбасс... Да вы же все в крови!
 И президент ваш – проститутка,
 И вы – далече не ушли!
 За счёт России вечно жили,
 А как домой вернулся Крым
 Привычно, ж...заголили:
 «Хотим! Обамушку хотим!»...
 А Крым мы кровью отмолили,
 Мы – русский мир, мы есть и были,
 И кто прибегнет снова к силе –
 Мы за ценой не постоим.
 Остановитесь, братья! Люди,
 Заройте НАТОвский топор.
 Иначе вынуждены будем,
 Поднявшись, дать такой отпор
 Медвежьей лапою сурово,
 Что через сутки в центре Львова
 Европе
 С танка Иванова
 Махнёт российский триколор!

ФИНАЛИСТЫ ПОЭТИЧЕСКОГО КОНКУРСА

Евгения «Джен» Баранова (Россия, Крым, Ялта)

Финалист поэтического конкурса (сезон 2013–2014) Международной литературной премии имени Игоря Царёва.

Лауреат специального приза конкурса «Приз симпатии» от МОО «Изва-Читальня».

Отзыв литературного обозревателя Владимира Гутковского

Евгения Баранова – красавица, умница и стихи хорошие пишет.

Знаю ее достаточно давно. Ну, не настолько, чтобы утверждать, что носил ее на руках с пеленок.

Это я к тому, что автор совсем молод и с хорошими возможностями для роста.

Считаю, что участие в финале, да еще на таком высоком месте, для нее несомненный успех.

Но при всей симпатии к Евгении не могу сказать, что ее стихи меня чрезмерно впечатлили. Иногда они слишком общи, порою чересчур перечислительны.

Интересные поэтические находки существуют как бы сами по себе, без достаточной увязки друг с другом и с общей тканью текста. Что придает им известную вычурность.

И вместе с тем поэтическая одаренность автора несомненна.

Потому и творческая перспектива у нее, безусловно, есть.

Только «не прекращайте стараний...».

Репрезентирующая цитата:

*«...Ноябрь в Крыму не то чтобы замок:
 он ключник и замок одновременно...».*

Вывод.

Евгения Баранова – поэт с перспективой. И с будущим. И мои пожелания ей этого вполне искренни.

В.Г.

Евгения «Джен» Баранова

Ноябрь в Крыму

Лишь горы позвоночником Земли.
Лишь оттепель, пристегнутая к лужам.
Никто не свят. И пустота внутри
куда больней, чем пустота снаружи.

Лишь акварель. И сосен корабли.
И крыши, обветшалые некстат.
И что бы ты кому ни говорил,
одной души по-прежнему не хватит.

Один замлок, соседний занемог,
одна бутылка выжата об стену.
Ноябрь в Крыму не то чтобы замок:
он ключник и замок одновременно.

Какая тишь! Хоть ласточкой об лед.
Размыло дни на стареньком планшете.
Никто не свят. У осени пройдёт.
И ты пройдёшь — как не было на свете.

Спокойнее

Внутри себя спокойнее. Там лес.
И попугая розовые перья,
и поцелуй в 2007-ом
(какая малость, а хотелось плакать).

Внутри себя есть порт, аэропорт
и кукол приснопамятные кельи,
и аромат смородины во рту,
и туфельки, подернутые лаком.

Внутри себя уютно, хорошо,
коробкой спичек управляет лоцман,
и пахнет утро «Красною Москвой».
И снегопад, и санок торжество.

Какая глупость — локоть ободрать.
Идёт бычок, качается, смеётся.
Идёт, уходит, мало ли — вернётся.
Чего там только не было,
чего.

1913

Мне нравится глагол «выпрастывать».
Он жил во времени, когда
неделю шли из Химок в Астрахань
передовые поезда.

Скромные сменялись постными.
Крестьяне выбирали квас.
— В Америке, ну право, Господи,
не то что, батенька, у нас.

— Ты глянь, Егорий, там искусники...
— Сережка, к гильдии гони...
— А Маркс я говорю вам...
— Мусенька!
Как вы прелестны, мон ами!

— У Елисеева собрание...
— Париж несносен, entre nous.

И сумерки сгорали ранние,
почуяв, кажется, войну.

И, поддаваясь аллегориям,
грустил на столике Вольтер,
что всё закончится историей
в четыре миллиона тел.

In Exile

Душа моя, душа моя, душист
последний вечер, пахнувший игристым.
Мы так давно не виделись, что лист
стал выглядеть не Ференцом, но Листом.

Мы так давно не виделись, топ шер,
что здесь сменилось несколько прелюдий.
То памятник расколют, то торшер.
То флаги изменяются, то люди.

Мне кажется, я дряхлая швея —
усталость рук, осколок Эрмитажа —
Трещит костюм на несколько, а я
его пытаюсь пластырем и сажей,

улыбкой, уговором — сколько бит!
А за спиной лишь сплетенки да зависть.
Душа моя! Душа моя болит.
И, кажется, я больше не справляюсь.

* * *

Не уповай на ближнего. Не спеши.
Внутренняя Монголия подождёт.
Ближнему хватит бледной своей души.
Ладные души нынче наперечёт.

Не доходи до сути, не щупай дна.
Перекрестился в омут — да не воскрес.
Омулем-рыбкой пляшет твоя струна
в солнечном масле, выжатом из чудес.

Ты себе лестница,
лезвие да стекло,
редкий подарок,
изморозь,
ведьмин грех.
Ближний спокоен — ближнему повезло.
Не заслоняй пространства! Послушай всех.

Жадным камином совесть в тебе трещит:
Хватит ли дара? Хватит ли дару слов?

Не уповай на ближнего. Сам тащи
светлую упряжь невыносимых снов.

Не смотришь

Не смотришь в зеркальных карпов.
Не желай себе лисёнка,
вкус крапивы, стук черешен,
солнце — море — каравай.

Потому что память снится,
потому что память — плёнка,
под которой остывает,
облетает голова.

Не играй с героем в шашки.
Не купи себе журналчик.
Не кривляйся,
не ломайся,
спи спокойно, как Бальзак.

Вырастает даже репка,
папа, мама, одуванчик.
Вырастает даже кожа,
из которой шьют рюкзаки.

Не смотришь в зеркальных карпов!
Не проспи. Не будь занудой.
Не приглядывайся чаще
к отражениям простым.

А иначе сам увидишь
пол-колоды, четверть чуда,
треть коробки, часть рисунка
и разбитые часы.

* * *

Один уехал на Чукотку,
другой в израильской глуши
вгоняет теги-блоги-сводки
в репатриацию души.

Знакомый в Риме,
друг в Бангкоке
(но ждет билетов в Хошимин).

Как рыбу, глушат нас дороги,
не приводящие в один

из тех краёв, где солнца муха
гуляет в чашке голубой...
Ползет История на брюхе,
переминая под собой.

Вожди сияют перламутром,
у поданных – стальная грудь.
Боюсь, боюсь однажды утром
на пражском кладбище уснуть.

Ходасевичу

Где я? где я? где я? где я?
Кто из этих – точно я?
Диктофон, афиша, плеер,
Мила, Машенька, Илья?

Где та девочка-листочка
(не боли, болиголов),
что вскрывала жизнь отмычкой
свежевыструганных слов,

чётко мерила и знала,
где вершок, а где аршин?
Почему-то стало малым
то, что виделось большим.

Затерялось в панораме,
скрылось Чеховым в саду.
Где же Женя та, что к маме
шла с пятеркой по труду?

* * *

Адам уходил на службу к семи утра,
читал Кортасара,
с другом делился пловом.
А Ева любила сына. Её дела
приистекали меж прачечной и столовой.

А Ева любила сына, любила и
сушила молочные зубы в смешной шкатулке.
Неважно, где они жили и чьи огни
не освещали улицу с переулком.

Неважно, чем они жили и сколько зим
сбивалось в снежинки снеговиком мохнатым.
Сразу – малина. Позже инжир, жасмин.
Осенью – грузди, дождевики, маслята.

Красивая Ева. Долгий, добротный брак.
Красивый Адам собирает пластинки Брамса.
«Ты будешь хорошим, очень хорошим, так?»
И маленький Каин радостно улыбался.

Лариса Подистова (Россия, Новосибирск)

Финалист поэтического конкурса (сезон 2013–2014) Международной литературной премии имени Игоря Царёва.

Отзыв литературного обозревателя Владимира Гутковского

Поэзия Ларисы Подистой отличается выразительной живописностью, чуткостью к подробностям и деталям вещного мира, умением воплощать их во впечатляющие и цельные картины.

Но поэт никогда не пишет «просто пейзажи», какими бы запоминающимися они ни были.

В каждом из них присутствует ощущение и хода времени, и гармонии мира, и животворящей силы Творца. Что делает их многоплановыми и глубокими.

Репрезентирующая цитата:

*«Так вот зачем прощаешь нам вину Ты
И в смертном мире даруешь минуты
Такой неизречённой красоты!..»*

Вывод.

Поэзия Людмилы Подистой душевно необходима читателям.

И она, естественно, сама нуждается во внимательном и неравнодушном читателе.

В.Г.

Подистова Лариса Николаевна

* * *

Выпьешь кофе из любимой чашки —
Пусть слегка горчит на языке.
И какой бы день ни выпал тяжкий,
В путь выходишь словно налегке.
В сонме дел, где ни моста, ни брода,
Ни границ, ни края, ни межи,
Вспомнишь: полдень, яркая природа,
Детство, лето, впереди — вся жизнь...

Прошлого сияющие нити,
С радостью доверчивая связь,
С чем опять меня соедините,
Чтоб судьба моя не прервалась?..
Город жарко, беспокойно дышит.
Но спасают, только позови,
Как рука, протянутая свыше,
Ясные мгновения любви.

* * *

Радость негромкая сердце полнит.
Ласковый, как атлас,
Сладостным зноем лучится полдень,
Зреет Медовый Спас.
Плод кропотливой слепой работы
Множества пчёл — взгляни:
Мёдом гречишным сочатся соты
В ясные эти дни.
Солнечный август. Глазам услада
В буйных цветных кострах..
«Что собираешь усердно, чадо,
То, что истлеет в прах?
Мёртвые князи бедны и голы.
Истинный клад — в ином...
Что углебаеши, яко пчёлы,
В улье своём земном?»
Птичий псалом в синеве погожей
Чистой звенит рекой:
«Сладок Твой мёд, всемогущий Боже,
Бремя Твоё легко!»
И в вышине над гречишным полем
Реет медовый свет..
Этот ли мёд моё сердце помнит
С детских невинных лет?

* * *

Это лето течёт куда-то,
Как сквозь пальцы песок. Июль.
Пахнет хвоей, грибами, мятой,
Пьяной ягодой на краю...

Это море и небо это,
Пряди ветра в густой листве
Замирают чеканкой света
На чувствительной плёнке век.
И в груди ощутимо ноет,
Словно в зале, где шло кино, —
В сером ливне и ярком зное
Задержаться нам не дано...
Жизнь, которую лето дарит,
Проходя, оставляет след:
Новый гриф на твоей гитаре,
Жар вишнёвый в стеклянной таре,
Фотоснимки, где нас не старит
Роковое течение лет.

* * *

Время обесмысливает жизни.
Прошлое затягивает мгла.
Редко солнце позолотой брызнет
На былые судьбы и дела.
Ничего не строится навеки
На земле. Но снятся мне порой
Залы вековой библиотеки
И томов необозримый строй.
Воздух пахнет странно, горьковато,
Стеллажи врезаются в зенит.
Тишина стерильна, словно вата,
И в ушах настойчиво звенит.
Ни шагов, ни голоса живого,
Только слабый ветер на лице...
Может быть, вначале было Слово,
Но грядёт безмолвие — в конце.
Радости, печали и заботы
Всех, кто был, столетия подряд
Под тяжёлой крышкой переплёта
Книги в изобилии хранят.
Жутко думать, сколько в этих строках
Тайн, давно потерянных во мгле,
Горьких и возвышенных уроков
Для ещё живущих на земле!

Обводя пустые залы взглядом,
Понимаешь: близится тот час,
Когда наши книги встанут рядом,
Чтобы тоже рассказать о нас.
Будут ли внимательные дети
Разбираться, где и чья вина?
И вообще, прочтёт ли кто-то эти
Некогда живые письма?

* * *

Весна — восторг! Весна — печаль...
Весна — труды, страда.
Стучат по рельсовым лучам
Шальные поезда.
Прорехи в небе — синева,
Внизу прорехи — грязь.
Идёт весна, во всём права.
Она идёт смеясь.
Сметает прах с любой судьбы
Бестрепетной рукой,
И перед ней пасует быт,
И рушится покой.
Она ж не ведает о том.
Её ступни узки,
Но где проходит, сквозь бетон
Прострелами ростки.
Конец безмолвию! И вот
Вокруг галдёж, и гам,
И льдинок звон, и шелест вод
По тающим снегам.
...В судьбе, зачитанной до дыр,
Где всё предрешено,
Весенний ветер в новый мир
Вдруг отворил окно.
И под дыханием весны
Безудержно живой
Руины вновь оплетены
Цветами и травой.

Письмо

Снова белая мгла, будто в небе перина распорота.
Солнце, если проглянет, безжалостно лупит в глаза.
То и дело метели на улицах этого города...
Я не знаю, что можно ещё про него рассказать.
Автострады и крыши декабрь замедляет, не ленится.
Круг зимы — лишь одна из возможных на свете неволь.
Этот город мостами стянул свою реку, как пленницу.
Я не знаю, что можно ещё рассказать про него.
Узкоглазо луна вечерами над площадью жмурится,
В искрах снежного крошева звонко блестя фонари,
И потоки огней проливаются в зимние улицы...
Что тут долго рассказывать? Сам приезжай, посмотри.
В белом сквере от холода — яркая зимняя радуга.
По дорожкам озябшие голуби вдаль семят...
Ничего у нас нет, чтоб тебя удивлять или радовать.
Ничего невозможного, кроме, возможно, меня.
Можешь думать, что хочешь: что я безнадежно изнежена,
И какая мне блажь, и куда там попала вожжа...
Я живу в белом круге зимы. Этот город заснеженный
До зевоты обычен. Но ты всё равно приезжай.

* * *

Нить за нитью вытягивать смыслы
Для стихов, как для новых рубаш.
Привкус крови и привкус кумыса
На запёкшихся помнить губах.
И на нижней поверхности века
Перед тем, как впустить в себя свет,
Различать силуэт человека
И крыла белоснежного след...

* * *

Берег молочный,
Шорох полночный,
Серпик луны.
Лиственный ропот,

Узкие тропы,
Смутные сны.
Хмурые клёны,
Блеск отдалённый
Липких теней.
Шелест ковыльный,
Мягкие крылья,
Хищный полёт.
Сломанный колос,
Гаснущий голос,
Стынувший след.
В омуте лета
Два силуэта,
Были — и нет.

Спираль

Круги, круговороты, кружева,
Пути по серпантинной круговерти.
Непросто выживать-переживать,
А подниматься, уходя от смерти,
Всё выше вверх, неистово руля,
На поворотах не сбавляя газа,
И не смотреть туда, куда земля
Уходит, как проваливаясь, сразу.
И там, где тихо, гулко и темно,
На самом дне небесного колодца,
Как та принцесса о веретено,
О неизбежность остро уколоться.

* * *

Голос отца в телефоне.
Тысячи вёрст между нами.
Жизнь за минуты проходит —
Я вспоминаю...

Детство — в тумане, как небыль.
Грусть мне приходит на помощь.
Дом отчий солнечным не был.
Папа, ты помнишь?

Память бредёт косолапо,
Ищет без прежнего пыла...
Были и радости, папа,
Я не забыла.

Что-то с годами простилось,
Что-то горчить ещё будет.
Нам величайшая милость —
Близкие люди.

Сердце от бед, погребённых
В памяти, больше не ноет.
Я ведь давно не ребёнок.
Что же со мною?

Дни как понёсшие кони...
Горьких предчувствий не слушай!
Голос отца в телефоне
Дальше и глуше.

Валерий Рыльцов (Россия, Ростов-на-Дону)

Финалист поэтического конкурса (сезон 2013–2014) Международной литературной премии имени Игоря Царёва.

Лауреат специального приза конкурса «Переводы с языка колокольцев» от международного поэтического альманаха «45-я ПАРАЛЛЕЛЬ».

Лауреат специального приза конкурса от музыкально-поэтического салона «Дом Берлиных».

Отзыв литературного обозревателя Владимира Гутковского

И еще одно новое и примечательное (замечательное) знакомство.

Прежде всего, привлекает неуёмный и незаёмный темперамент поэта. Никаких излишних в данном случае полутонов. Всё от сердца и наотмашь.

Своей отчаянной незащищённостью и полнокровной насыщенностью стихи явно не теряются на общем фоне конкурсных работ. А, пожалуй, что и выделяются. В них и предчувствие большой беды, и мудрое понимание происходящего. Стихи человека, не склоняющего головы ни перед чем.

Все стихи подборки об этом. Вся подборка об этом.

Репрезентирующая цитата:

«Давай наговоримся всласть, покамест не пришли за нами...»

Вывод.

Творчество Валерия Рыльцова — это самостоятельное, независимое и значительное поэтическое явление, которое делает честь его автору.

В.Г.

Рыльцов Валерий Александрович

* * *

Сергею Лукину

Когда ты выберешь такую тропу, которой сам не рад,
Никто тебе не растолкует, что жизнь творится невпопад.
А мы витийствуем, пророчим, с картонным прыгаем мечом —
Всё впопыхах и между прочим, и вовсе даже ни о чём,

Пока любовь и нежность в сумме дадут лишь приступы тоски
И станет ясно, что безумен вступивший в чёрные пески,
Где бедовать ему отныне, не подымая головы.
Какие пастухи в пустыне, какие дошлые волхвы?
И так непрочно и плачевно вплоть до скончания веков
Твоё невзрачное кочевье — сосредоточье сквозняков.
В шкафу — знакомые скелеты, в стакане — кислое вино,
На мутных окнах шпингалеты уже заклинены давно.
Но погляди — намного ль лучше ползти, катая смрадный ком,
За злобным выводком заблудших, вскормлённых сучьим молоком?
А шар Земли, пронзённый осью, с тяжёлым сердцем заодно.
Так пусть умножится в колосьях надежд мизерное зерно.
Угрюмей сделает, добрей ли счёт обретений и потерь...
К идущим за твоей свирелью не оборачивайся. Верь.
Ведь мы с тобой бредём донныне и клятвы юности храним
Не для того, чтобы в пустыне стать сталагмитом соляным.
Сердца терзающим глаголом не жертвуй скачкам и бегам
И стерегись на месте голом, где виден мстительным богам.
Но, не сумевши разминуться с тем, что грохочет за спиной,
Когда посмеем оглянуться, то станем солью рассыпной.

* * *

Сгибались деревья, и грохотали крыши —
Над городом в ту ночь свирепствовал Борей,
И влажной линзой слёз был тротуар приближен,
Ристалище теней для ртутных фонарей.

Окрест гремющий ад ты измерял шагами
И было не понять в абсурде ледяном:
Проекции ветвей метались под ногами,
Или сама земля ходила ходуном.

И, видимо, затем, чтоб ты верней ошибся,
Искрили сгустки туч на сотни киловатт...
Разбитые сердца срastaются без гипса,
А в том, что вкось и вкривь, никто не виноват.

Циклон загнал в дома людское поголовье,
И ты твердил один на улице пустой,
Что слишком мало слов рифмуется с любовью,
Гораздо больше их рифмуется с бедой.

Рифмуется с тоской, с изменой и разлукой
Гораздо больше слов. Угрюм и одинок,
Бреди по тем теням и в темноту аукай,
Смиряться, что весь мир уходит из-под ног.

* * *

И вновь среди руин и развалин, на сердце оставив надрез,
я знаю, что Бога распяли, и вижу, что он не воскрес.
Здесь нет ни предела, ни правил, и некто, прокравшись в ночи,
от имени Господа правит, копытом по трону стучит.
Здесь каждый Пилат и Иуда, здесь властвуют подлость и лесть.
Что, кроме надежды на чудо, нас может поддерживать здесь,
где мира устройство срамное диктует беду от ума?
Туман над моею страной, то красный, то чёрный туман.

* * *

Безобразен и однообразен, тиражирован зимней страной
лёд ноябрьский, рождённый из грязи,
истекающий слизью дурной
под твоей полустёртой подошвой, обесценившей прежнюю пруть.
Лучше всё же о грозном, о прошлом, а о будущем что говорить...
Сжался, Боже, над чадом ледащим,
над скользящим из праха во прах.
Разреши моей родине дальше отражаться в Твоих зеркалах,
не захлопывай в гневе скрижали, хоть немного ещё погоди,
и дозвошь одержимой державе поблажить на неправом пути.
Я же вижу с тоской и печалью, как тяжки временные слои.
Может, выскочит как-то случайно из своей круговой колеи,
вдоль которой всё круче и выше стрёмный гребень
ноябрьского льда.
Пассажирам с поехавшей крышей не впервой кочевать в никуда
и под грязью имперского грима, не желая дороги иной,
дождаться трубы серафима между фановой и нефтяной.

* * *

Чем весомым, oprичь Зодиака, ты по надолбам жизни ведом?
Иероглиф дорожного знака искажён наслоившимся льдом.
Чем земным утешаться поэту, чуя лёд вдоль спинного хряща,
В холода, когда недра планеты остывают, твердеют, трещат?

Так глотай на потухшем вулкане валидол, седуксен, цитрамон...
Не успевший расплавиться камень станет прахом к исходу
времён.

Тот, ночной, кто единственно вправе сдвинуть грань между злом
и добром,

Твою пьесу бессовестно правит воронёным вороньим пером,
Чтоб ни гурий тебе, ни валькирий — только эхо чужих голосов...
Не с его ли подпиленной гирей ты хлопчешь у чаши весов?
Арендатор дырявых скворешен, твой приют замечает пурга,
Ты давно уж измерен и взвешен, «признан лёгким» —
и вся недолга.

Возомнивший себя Одиссеем, пешеход от столба до столба,
Бестолково бредущий доселе, оскользаясь при слове «судьба»,
Производное низких сословий, слов заветных увёртливый тать...
Кто посмеет ему прекословить, кто решится тебе подсказать —
В ересь ввавшему, сиру и нагу — направленье к земному ядру,
Круглой льдинкой дорожного знака обречённо торча на ветру.

* * *

Юнец влюблённый грезит об одном.
Он урождён, стена без устатку,
Безликим, надоедливим пятном
Перегружать подкорку и сетчатку
Объекту страсти. Лох и селадон,
Судьбою не обласканный нимало, —
И ты подруге говорила: «Он»,
А та без промедленья понимала,
Кто обречён не лечь в твою кровать,
Но в речь облечь печаль свою велику,
А имени не стоит называть,
Чтоб демонов голодных не накликать,
Взыскующих диеты кровяной,
Пикирующих злобно и отвесно.
Любимая, не я тому виной,
Что некий слог приотворяет бездну.
Тогда ещё дремал подземный гром,
Весельем завлекали карусели,
А ты, как зверь, почуяла нутром,
Что сера истекает из расселин.

И если огонь гудит со всех сторон,
И если жезл Господень беспощаден,
Лети по ветру, повторяя «он»
И образ мой составь из давних пятен.

* * *

Всё тот же расклад и глаголы всё те ж:
Была, увлекала, глядела...
Добавим в реестры убитых надежд
Ещё одно имя и тело.

Без точки опоры бессилён рычаг,
Душа твоя — дело второе.
Как прежде, рубаха хрустит на плечах
Белёсою, ломкой корою.

А что до свершения воли Небес,
Она не промедлит с расплатой,
И ночь настанет, и заряжен обрез
Серебряной пулей заклётой.

* * *

Леониду Григорьяну

Срезает времени фреза азарт лица и плоти порох, как ни дави
на тормоза, не избежать краёв, в которых свирепствует пора ут-
рат, нас обрекая на забвенье... Каким люминофором, брат, на сте-
нах третье поколение начертит знаки, наш типаж уничтожая без
вопросов. Что им, глумливым, эпатаж трубящей эры паровозов?..

Воздав хвалу за право врать былым громам, былым опалам,
мы помним ужас потерять себя в блужданиях по шпалам. Когда
не видно ни кия, темны слова придворной прозы, куда вела та
колея, где надрывались паровозы? Хотя теперь цена — пятак и
машинистам, и мытарствам, да всё не попадаем в такт с медвежь-
им шагом государства. С царапинами вместо ран мы светлячки, а
не светила, нам, чтобы выйти в мастера, адреналина не хватило.
Мы жизнь прогрезили впотьмах, мы так и не дождались света, но
в исторических томах страницы выдраны про это. Где мировой

Клавдия Смирягина (Россия, Санкт-Петербург)

Финалист поэтического конкурса (сезон 2013–2014) Международной литературной премии имени Игоря Царёва.

Отзыв литературного обозревателя Владимира Гутковского

Клавдию Смирягину я хорошо запомнил по «балтийским» конкурсам.

Поэт она очень неочевидный и своеобразный. И сумевший во втором туре подняться на несколько ступенек вверх по турнирной лесенке. Точнее, жюри к ней более внимательно пригляделось.

Представленная на конкурс подборка впечатляет своим пронзительным разнообразием. От трагически панорамной исторической картины предпетровского времени до куда более современной, но от этого не менее трагической, зарисовки реальности близких всем лет и апокалипсических видений.

Поэзия, привлекающая внимание и прочно запоминающаяся.

Репрезентирующая цитата:

«Куда податься, кто возьмёт внаймы?...»

Вывод.

Стихи Клавдии Смирягиной, без сомнения, внесли свой достойный вклад в общий очень высокий уровень конкурса.

В.Г.

Смирягина Клавдия Валентиновна

Про деда...

Подумаешь, каких-то двести лет — три жизни... ну, не три, пускай четыре — прошло с тех пор, как мой безвестный дед любил жену, сидел хмельной в трактире, пахал. Да-да, конечно же, пахал! Не зря меня весной на грядки тянет. Встав затемно под пень петуха, шёл к озеру с рыбацкими сетями...

Всё было так. Дрожит тугая нить
длиной в четыре выгоревших следа.
И мне сегодня шага не ступить,
не отозвавшись эхом песне деда.

Вон он сидит у Бога на виду,
устало свесив жилистые ноги,
на облаке, как сиживал в страду
на смётанном любовно пышном стоге.
У нас одна небесная стреха,
и шар земли, катящийся по блюдцу.
А двести лет — такая чепуха,
пройдут — и не успеешь оглянуться...

Стрельчиха

Стрельчиха караулила зарю, синицею застыв оцепенелой: ей
утром обещали выдать тело, подвешенное в пыточной на крюк,
обрубленное катом неумелым и брошенное сверх сырых дерюг.

Соколик, разве был он виноват? Опутали царевнины посулы,
она их, горемышных, всколыхнула...

Мол, каждый будет волен и богат. Да дух стрелецкий требовал
разгула... Вот сдуру и ударили в набат.

Детишки на подворье у кумы. Наплакались, меньшому только
годик, одела впопыхах не по погоде. Куда податься, кто возьмёт
внаймы? Всё сгнуло, беда одна не ходит. Увидим ли теперь конец
зимы?

Стрельчиха караулила зарю. Но кровью напоённое светило,
упавшее за кромку, как в могилу упившийся до чёртиков бирюк,
на небе появляться не спешило — оно давало выпастись царю.

А царь не спал. Зарывшись с головой в лавандовую немкину
перину, всё видел и не мог прогнать картину: Матвеева на копьях
над толпой, за матушку убитого невинно, разъявленные рты да
бабий вой.

Сестра. Змея. Родная кровь. Сестра. С тяжёлыми мужицкими
шагами, искусно раздувающая пламя, забывшая про бабий стыд
и срам, играющая пешками-стрельцами. Так выжечь зло! Пора.
Давно пора.

И Софья в Новодевичьем не спит, последние надежды прово-
жая. Навек замкнулась клетка золотая. Какой позор? Какой девичий
стыд? Повисла жизнь на ниточке у края. Монашеский кло-
бук и мрачный скит.

Она ли затевала эту прю? А братец рвался к трону, как волчонок, настырный и припадочный с пелёнок. Пригрел вокруг себя рваньё, ворюг.

А ей смотреть из окон на казнённых...

.....

Стрельчиха караулила зарю...

Про пианино

«Стану царём — первым делом... так, что первым делом?

А, пианину! А то что это за жизнь, без пианины?»

(м\ф «Падал прошлогодний снег»)

А и правда, как без пианино,
если ходит девочка в кружок.
Доченька, единственная, Нина...
Доченьке двенадцатый годок.
Вот в многотиражке на заводе
дочкин напечатали портрет.
Пишут, что талантливая вроде.
Жалко, инструмента в доме нет.
Клавиши рисует на газете
да играет в полной тишине.
Пальчики испачканные эти
видятся родителям во сне.
А девчонке снятся песни Грига,
Сольвейг на заснеженной лыжне.
Толстая растрёпанная книга
дремлет рядом с ней на простыне.
И однажды утром на рассвете
в доме появился наконец,
перебудоражив всех соседей,
новый удивительный жилец.
В Стрельне, у немецких колонистов
куплен и доставлен, как хрусталь,
вымечтанный, красно-золотистый
беккеровский сказочный рояль.

Мне бы вас порадовать, да нечем.
В сорок первом, где-то в декабре

выменяли «Беккера» на гречу,
слёзы мимолётно утерев.
Пальцы огрубели от работы,
ссадины, мозоли, волдыри...

А без пианино в доме, что ты!
Всё мечтала внукам подарить...

Не плачь, мама...

Когда от глухой канонады подрагивал воздух густой, и с запада шедшее стадо мычало, топча хлебостой, когда вы вгрызались упрямо в суглинка горячую твердь, тогда ты боялась ли, мама, в шестнадцать свои умереть?

Держа неумело лопаты,
на лужском сквозном рубеже
вы были ещё не солдаты,
и были не дети уже.

Когда в недорытых окопах от бредущих травы атак вы прятали лица, а попы укрыть не умели никак, и белый от страха инструктор кричал про измену и долг, кто именно этим маршрутом направил ободранный полк?

Ощерившись зло и шербата,
сипел почерневший комбат:
— Паскуда, погибнут ребята!
Немедля назад в Ленинград!

Когда пробиралась болотом навстречу голодной зиме, буржуйке, цинге и налётам, и штампу на сером письме, когда, поседев за неделю, навстречу подкинулась мать, как свято вы верить умели, надеяться, верить и ждать...

Тебя не касается скверна
журналов, сетей, передач?
На небе не плачут, наверно...
Пожалуйста, мама, не плачь...

Тише, девочка

«Мёрзнет девочка в автомате»

А. Вознесенский

«Простите, Вы не могли бы позвонить и позвать к телефону одного человека?»

(реальная встреча на улице)

Что ты, девочка, не дрожи, не ломай голубые пальцы. Это просто старуха-жизнь полотно небелёной лжи растянула на старых пальцах. Он тебе, говоришь, не лжёт, просто вас разлучили люди. Ах ты, милая, знать бы брод, ломок первый осенний лёд, а тепла до весны не будет.

Кто его караулит? Мать? Ну, давай телефонный номер. Как назвать его, как позвать?..

Мне сказали:

– Исчезни, ***, он для вас, потаскушек, помер.

Тише, девочка, не дрожи. Это поле – не поле битвы. Значит, больше не ворожи, спрячь подальше свои ножи, иглы, игры, таблетки, бритвы. Умер, стало быть – хорони! Проживи эту боль, как ломку. Знаешь, годы летят, как дни. Ты за шкирку себя возьми, ты – сама для себя соломка.

Ты – сама для себя вокзал, самолёт и дорога в небо. Ты забудь всё, что он сказал, губы, руки, его глаза. Ты реши, что он просто не был. Слезы, девочка, не в цене. И цена у любви иная.

Он придёт. И не раз. Во сне.

Ты поверь, дорогая, мне. Потому что я знаю.

Знаю.

В чём сила, сестра?

– Сильнее, чем она есть, я не могу её сделать.

Не видишь разве, как велика её сила?

Не видишь, что ей служат и люди, и звери?

Ведь она босая обошла полсвета!

(Снежная Королева. Андерсен)

Горчит во рту вчерашний разговор,
с утра запитый кофе и бравадой.
Расстрелянная зеркалом в упор,
она шпаклюет тушью и помадой

входные раны. Ей не привыкать.
Надев очки, улыбку (чао, милый!),
выскакивает в темень. Ей опять
пяти минут на сборы не хватило.
Маршрутка. Лифт. Бумаги. Перерыв.
Бумаги. Лифт. Маршрутка. Снова вечер.
Но неизменны правила игры.
И, кроме ссор, заполнить вечер нечем.
А между тем по лужам зимних дней,
кляня сквозь зубы мокрые задворки,
шагает Новый Год, шагает к ней,
взвалив подарки в торбе на закорки.
Ах, Боже мой, чего там только нет!
И нежный взгляд, и радость без причины,
и хризантем растрёпанный букет
в руках того сердитого мужчины,
с которым тесно вроде бы вдвоём,
а врозь – никак, и оба это знают;
румяный день, упавший снегирём
в сугроб зимы, и тропочка лесная,
примёрзшей двери судорожный всхлип,
огонь в печи, еловый дух настила
и много всякой прочей чепухи,
которая должна придать ей силы.
Но только – тихо! Пусть поспит пока,
во сне скитаясь в поисках, босая.
А на плече её лежит рука,
горячая рука бродяги Кая.

Про кота

Детей у них не было, видимо, Бог не дал,
а может, не больно хотели, хотя сначала
она колыбельку частенько во сне качала.
Потом перестала. Устала. Прошли года.

Он стал ей и мужем, и сыном, но вышел срок,
и он не проснулся обычным осенним утром.
Она на поминках не плакала почему-то.
Друзей проводила, защёлкнув дверной замок.

Отчётливо зная, что утром к нему уйдёт,
легла на кровать, примостившись привычно с края.
И вспомнила вдруг, окончательно засыпая,
что завтра голодным останется рыжий кот.

С тех пор миновало двенадцать протяжных лет.
И кот вечерами на кухне мурлыкал звонко.
Когда схоронила кота, принесла котёнка.
Зовёт его мальчиком. Гладит.
И в сердце — свет.

Грудень*

Ночь легла подмокшим брюхом на пригревшиеся крыши,
подобрала зябко лапы клочковатых облаков.
А за печкой тихо, сухо, пахнет высушенной вишней,
затаился старый тапок рядом с парой голиков.

Печь гудит тепло и сыто, и в светце чадит лучина,
разукрашивая сажей брёвна рубленых углов.
В тапке Дрёма домовитый, отхватив клочок овчины,
из кудели тянет пряжу шерстяных осенних снов.

Про диковинные страны, про железные повозки,
про коробочки, в которых притаились голоса...
В чугунке — кисель овсяный. Запали свечу из воска —
скоротаем в разговорах о чудесном полчася.

Говорят, за морем синим тоже есть живые люди,
сеют рожь, овёс и гречу, пчёл гоняют дымарём.
Ночь скулит замёрзшей псиной, на дворе холодный грудень.
Обними меня покрепче, мы вдвоём не пропадём.

О баловстве

Я балую подросших моих сыновей,
потому что не знаю, надолго ли это.
В сизом небе рудой отливают рассветы,
и темнеют кресты златоглавых церквей.

---

* грудень — ноябрь (старослав.)

В жёлтый дом сентября угодила земля,
но шныряет по лоджии та же синица,
и пруду за окном в страшном сне не приснится,
как горят под Донецком ржаные поля.

Дышит дом за спиной, половицы скрипят.
Слышен девичий смех, рокот кофемашины.
А в окне монитора — мундирчик мышинный
и седого ребёнка затравленный взгляд.

Как сложить это в бедной моей голове?
Рассыпается мир на осколки и фразы.
Я сметаю их в синюю мамину вазу,
я свой мир вышиваю по старой канве.

Где цветущая роза, живой соловей,
где в Каспийское море вливается Волга.
И не надо пенять мне за то, что так долго
я балую подросших моих сыновей...

Про рассаду

Семечки сажаю на рассаду,
платья не из ситца, но крою.
Верю я, что делать это надо,
чтобы удержаться на краю.
Это не шаманство, не молитва,
это под бомбёжкой новостей
вот такая маленькая битва
за кусочек родины моей.

Хочется проснуться. Да не спится,
ночи беспросветны и тихи.
Как перед грозой смолкают птицы,
так теперь не пишутся стихи.
Дни короче, чем стволы обрезов,
спутанные думы нележки,
но в прицел окна упрямо лезут
свежие зелёные ростки.

Значит, будет май, и будет лето,
и плодов осенних благодать.
Я так безоглядно верю в это,
что оно не может не настать...

Майя Шварцман (Бельгия, Гент)

Финалист поэтического конкурса (сезон 2013–2014) Международной литературной премии имени Игоря Царёва.

Отзыв литературного обозревателя Владимира Гутковского

И этот автор мне знаком.

Впечатления от стихов неизменно были самыми благоприятными. Они всегда выглядели весомо и значительно. И очень своеобразно.

Одни тексты звучат скорбно и величественно, это своеобразный итог и пантеон и отдельного человека, и всего человеческого рода.

В других – интересные изобразительные детали и звуковые находки, в их многословии развернутая предыстория происшедшего с лирическим героем и вместе с тем начало его существования на новом витке и в очередном поколении.

В этом смысле композиция подборки представляется хорошо продуманной и достаточно оригинальной.

Зрелая и убедительная поэзия автора заслуживает высокой оценки.

Репрезентирующая цитата:

*«...Александрийская душа,
сгоревшая библиотека...»*

Вывод.

Встречи с поэзией Майи Шварцман всегда интересны. Они сулят неизменные сюрпризы и неожиданности и не оставляют читателя равнодушным.

Будем ждать новых.

В.Г.

Майя Шварцман

Ночной путь

Едешь с концерта полями на велосипеде – пар изо рта, за спиной не крылья, а скрипка. Там, где люцерна курчавилась цвета камеди, ныне цвета ноября, земляная присыпка.

Как монолитна окраска осенних предместий – ржавчина почвы, дома с черепицей чепрачной... Листья раkitника цвета горчицы и жести авиапочтой летят на суглинок прозрачный.

Лужи под корочкой, неба ночного зевота, гланды луны и белёдые пасмы в зените. То ли оборочкой туча легла, то ли кто-то мир с вышины пеленает в морозные нити,

то ли, всерьёз утомившись, над Фландрией всеу пряжу во сне растрепали уставшие мойры, то ли мороз индевеющим дымом рисует Китежа свет, Атлантиду, мираж, Лукоморье.

Нет ни души, только холоду в поле не спится, дремлют коровы в коровниках, лошади в стойле. Обод шуршит, и мелькают колёсные спицы. Путь зачарован, и странно, ты едешь – домой ли?

Близко ли дом, и попутный ли кружится ветер, воя в колёсах, крутя тополей веретёна? Только вопросы, а в небе никто не ответит, тропку кивком не укажет, клубка не уронит.

Этих минут колдовство только крик петушиный мог бы протестом взорвать, но по будкам дворовым носом клюют петухи, прижимаясь брюшиной к теплым насестам, и спят – не заступятся словом.

Флюгерный кочет, и тот наваждения шалость трусит прервать, бесполезный скрипучий посредник... Все мы хлопочем, чтоб слово за нами осталось, но не узнаем, какое же станет последним.

* * *

Приятно туристом бродить наугад, как палец блуждает страницами книжными, идти, попирая имбирь и мускат опавшей листвы на холодном булыжнике.

Держа на уме, как просфору во рту,
возлюбленных строк стихотворные святцы,
на Гиссельбергштрассе свернуть в темноту,
но всё ещё медлить и не приближаться.

Согреться отсрочкой свечи за столом
и чашкой «Высоцкого». Выйти из чайной
и дрожью инстинкта найти этот дом —
обитель тоски его мемориальной.

«Здесь жил...», разгораясь поэзией впрок,
снимавший мансарду ли, комнаты угол,
сожжённый смятением и сам, как ожог,
скуластый философ с губами как уголь.

Кто б знал этот адрес, кто чтит бы теперь
невидного дома карнизы и плитусы?
Когда бы отсюда, расплавивши дверь,
не вырвался русский грохочущий синтаксис?

Не всё ли равно нам, столетье спустя,
была, не была ли у чаеоторговца
на выданье дочка, — причины пустяк
ушёл в примечанья и лёг, как придётся.

Сто лет миновало, как здесь пронеслась
чума разоренья любви невзаимной,
триумфом несчастья насытилась власть
и вдребезги всё разнесла в мезонине.

Под крышей вскипев, как под крышкой котла,
сглотнула ступенек суставы артрозные
и вынеслась вон, раскалясь добела,
любовная первая страсть студиозуса.

Любовь разрасталась и, расколыхав
рыданьем гортань, поперхнулась приличьями
и хлынула в город горячкой стиха,
бруски мостовой превращая в горчичники.

Добротным декором его окружал
квартал, досажая своими услугами,

тарачился оком совиным вокзал,
ворочались лавки со снедью упругою.

Под тёплой корицей коричневых крыш
качался кондитерской вывески брецель,
процентные банки сулили барыш
и высился корпус университетский.

От зноя бульвары свернулись в кольцо,
а кирхи и кухни до ороговенья
застыли под облачным душным чепцом
в апатии средневековой мигрени.

На свет фонарей, как на зов ночника,
бросались секунд бестолковых капустницы
и падали вниз. Их глотала река
толчками течения в гранитном напульнике.

Он шлялся до ночи. Как псы, допоздна
калитки лениво засовами клацали
на звук его бега. Болталась луна
латунной медалью у неба на лацкане.

Всё рухнуло топливом в глотку костра.
Летела в огонь сантиментов безвкусица,
лузга восклицаний, частиц кожура,
пылали треща устаревшие суффиксы.

Всё было им смято и уценено.
Минувшее было захвачено смерчем и
скручено в узел, и умерщвлено,
и душу хлестало жгутом гуттаперчевым.

К утру миновал наваждения вихрь.
В испарине звуков, очнувшись от приступа,
он вынырнул из помрачений своих,
собрал на пожарище угли — и выстоял.

Он взял этот город, затерянный среди
других, словно крестик на вышивке фартука,
и запер его в стихотворную клеть
бесценным трофеем под именем «Марбурга».

Цветной слух

Сойдя с велосипеда, он решил передохнуть и, обогнув подмости, свернул на луг. Шуршанье крепких шин он слышал сизым. Воротник матроски промок в траве, когда он навзничь лёг, до синевы черничного напитка. Он сунул в рот горчащий стебелёк и, опершись на локти, стал следить, как медлительный и важный махаон описывает сложную орбиту вокруг вьюнков, как будто посвящён в гроссмейстерские тонкости гамбита. Наперерез его ходам вилась капустаница и билась, не взирая на правила, за белых, горячась и собственную партию играя. С цветка перелетая на цветок, две бабочки в полуденной нирване собой являли цветовой подлог, не совпадая с собственным названьем. Ни розово-фланелевого «м» не виделось в окраске махаона, ни золота от солнечных фонем в капустанице, ни жестяного тона от «ц»...

Как странно выглядят слова в недостоверно выкрашенном мире! Всё это обнаружилось, едва он азбуку узнал. Лишь в кашемире на материнской шали был узор, похожий приблизительно по цвету на краски букв: оранжевый повтор ворсинок «е», чернильные пометы густого «а» сквозь палевое «и»... А как цвели в гостинной разговоры, пока он, лежа на полу, бои солдатиков устраивал и фору давал любимцам! Помнилось ему название «Цусима» с баритонным и влажным блеском, спуском в полутьму и шоколадно-тёмным обертоном...

Пора домой. Там ждут к обеду двух гостей, а после чая будет теннис. И по площадке карий сладкий дух от земляники, что, кипя и пенясь, в варенье превращается, пойдёт, и девочка с соседней белой дачи мяча увидит упоённый взлёт от крепкой каучуковой подачи... Так грезит он в траве, хмельной от пут звенящих слов, кружась в их хороводе. И слышно издалёка, как зовут из-за ольховой рощицы: «Воло-одя!..»

* * *

В тот день кормушка за окном качалась от возни синичек, через стекло смотревших в дом, как через лупу — увеличить событие в комнате твоей и уяснить его причину: хотя ещё среди людей ты был, но всех уже покинул.

Они смотрели со двора, чирикать громко не осмелясь, на то, как хмуро доктора тебе подвязывали челюсть, попутно объясняя, как всё подписать, в какой конторе собрать пакет каких бумаг, чтобы пробиться в крематорий.

...Твой мир остался только на поблёкшем чёрно-белом фото, где ты у зимнего окна запечатлён вполоборота в неяркий день, в обычный миг — вблизи стола, где вечно набор кренилась стопка толстых книг, газетных вырезок и папок.

Тогда из груди книжных тел
твоё издание было взято,
как будто некто захотел
прочсть тебя, забрав куда-то
за кромку звёздного ковша,
за бездну чёрного парсека.
Александрийская душа,
сгоревшая библиотека.

* * *

Сдвинув тучи, как чуб, набекрень,
кряжевые насупивши брови,
над заливом нахмурился день,
толи дождь, толи бурю готовя.
Из-за дымчатых рваных зубцов
духота накатила с востока,
и над морем возникло лицо
патриарха — колосса — пророка.
Словно махом сорвался с орбит
и повис на воздушных оглоблях,
упираясь затылком в зенит,
необъятного облака облик.
Испареньем восстал из пучин,
отразился в подсоленном йоде,
и на меди небесных пластин
проявил его мокрый коллодий.
На секунду к туману прилип
и исчез, растворившись от зноя,
гипнотический дагерротип —
допотопная карточка Ноя.

* * *

Не возместить неприметной утраты,
неуловимого не подстеречь.
Не доведётся, как раньше когда-то,
рядом услышать волшебную речь.

Русской наивной, замороженной
присказки не заплести бахрому.

Омут молочный, *сорока-ворона*,
пальчик в ладошку ныне — кому?

Дети на улице вертят скакалку,
в прятки играют, и перед игрой
хором взахлёб тараторят считалку,
только не слышно «*сапожник, портной...*»

Светлых, льняных, по-некрасовски милых,
сколько их наш разукрасило сад!
Лезут на горку, висят на перилах,
но, ушибаясь, «ouch» кричат.

Память младенчества, горло, ангиною
сжатое, сгинувшей речи купель!
Детское слово непере译имое,
невъразимое — где ты теперь?

Травку сорвёшь: *петушок или курочка?*
Кто тут ревёт — дурачок или дурочка?

* * *

*В Израиле был объявлен сбор волос для женщин,
больных раком. Число пожертвований превысило
ожидаемый результат в сотни раз.*

Из газет авг. 2013

Пристально глядя в зеркало, от потолка до пола
ею любующеся, губу закусив, стоит
и выпускает на волю пряди волос тяжёлых,
медные водопады смуглая Шуламит.
Шпильки, заколки, гребни и остальные цапки
вынуты, и по груди и лопаткам, вьась, текут
волосы, *стадо коз, сходящих с горы Галаадской*,
царственной красоты полновесный пуд.

Рядом на мраморной полке среди капель влаги
серьги, браслет, мобильник, флакон духов,
связкой ключей прижатый листок бумаги —
снимок на нём и надпись в несколько слов.

Лысою моной лизой, режуще синеока,
девушка с фотографии твёрдо глядит, без слёз:
наша сестра, что ещё мала, и груди нет у неё, как
после химиотерапии нет теперь и волос.

Губы бескровно сжаты, шея — сухой былинкою,
взгляд её глаз запавших, тёмных в себе таит
древнее *«заклинаю вас, дочери иерусалимские»*.
В эти глаза, как в зеркало, смотрится Шуламит.
Семеро нас должно быть, чтоб в утешенье силу
женственности утраченной, которую отнял рак,
иллюзорно вернуть тебе. Чтоб на парик хватило
только один — должно быть семеро нас, сестра.

Сплю я, а сердце бодрствует: я отопру возлюбленному
стриженная, а милый повернётся мой и уйдёт,
как мне решиться?.. Ножницы выбирает она с зазубринами
и запускает лезвия в рыжий водоворот.
Пусть непрозрачны стены, и Шуламит не видно:
в сотнях и сотнях комнат, косы, что гибче лоз,
высвободив, расправив, шеи с натугой выгнув,
сотни и сотни женщин режут снопы волос.

* * *

М.Б.

Нынче за семьдесят той, что кренясь бредёт
в магазин возле дома купить угощение внукам,
отмолчавшейся на водопад многословных од,
посвящённых ей, четверть века бегущих цугом
из тиража в тираж. Прозрачная, как *вода*,
и никакой косметики, и лицом и в строфах,
вброд переходит лужу, стара, седа,
та, на которую, столько страстей угрожав,
он обозлился в изгнании. В инициалах
вечно читаясь как некое «может быть»,
в них и осталась; в желчных и запоздалых
истолкованьях — звёздочкой сноски рябит.
(Всяк, присоседившись, утешается: праздноу
славу свидетеля!). Выцветя добела,
та, что была когда-то гитарообразной
вещью, в Келломяки в носках спала,

ненаглядным пособием филологам и славистам
стала, распавшись в фасеточных их глазах
на дифтонги, икты и флексии. В серебристой
спутанной паутине теперь размах
корпий для диссертаций. Тропой окольной
скользя, уклоняясь от вспышек, разъята на
тропы, литоты, в гербарий программы школьной
против воли, похоже, так и войдёт она:
скрытными буквами, волокном фитиля
для глагола, храня молчанье, в томах твердея,
в доме пустом, где ни фиников, ни люля,
ни по апостолу эллина, ни иудея.

* * *

Молодую рассаду прищипкой
выправляя, ненужный побег
хладнокровной рукой без ошибки
удаляет садовник-стратег.
Я стою зеленеющей стрелкой
под навесом суровой горсти,
угрожающей мне переделкой,
и стремлюсь незаметно расти.

«Кем ты станешь?» — склонясь над куртиной,
вопрошают, готовя привой,
досаждая опекой пчелиной,
сбором проб, подслащённой водой.
Я учусь с осторожностью лисьей
выставлять запасённые впрок
безмятежные гладкие листья,
лишь бы скрыть утаённый росток.

Из листка сбережённого стебля
разрастётся когда-нибудь сад.
Но когда, прорастая сквозь дебри
новой зелени, зашелестят
ответвления бывшего вопроса,
листопадом ложась на траву,
я подумаю тихо и просто:
«Чем я стану, когда отживу?»

Не проснувшись, без мысли, без цели
потянусь сквозь тяжёлый подзол,
через глину впитаюсь в мицелий,
через корни — в течения смол.
Потеку холодком в междуречьях,
прорасту на поляне простой
для бесхитростных трапез овечьих
белым клевером, тонкой травой.

Стану лютика запахом кротким,
остью ржи, шелухой от овса,
разбужу клокотание в глотке
у большого пастушьего пса,
что учует меня в предрассветном
сквозняке и, стряхнувши росу,
встрепенётся во сне; стану ветром...
Лай, собака, а я понесу...

* * *

Неуловимый шанс, забравшись на стропила,
взирает с высоты пронзительным зрачком
на суету внизу. То чешет свой затылок,
то холодно зевнёт, да так, что ходуном
идут и прочный пол, и крепкие строенья,
которые ты так усердно возводил.
В попытке подманить полезешь по-тюленьи
неловко — лишь качнёшь расшатанный настил.

А фарта нет как нет. Он потянулся сыто
и канул в темноту с надменностью божка,
брезгливо обогнув разбитое корыто
и прочий смутный хлам в развалах чердака.
Тебе остались: тень в тенётах паутинных,
обманчивый прищур, скупая теплота,
зависшая во тьме, водоворот пылинок
да остальная жизнь — мешок вокруг кота.

Олег Сешко (Беларусь, Витебск)

Финалист поэтического конкурса (сезон 2013–2014) Международной литературной премии имени Игоря Царёва.

Отзыв литературного обозревателя Владимира Гутковского

И этот автор мне известен.

Отчасти иронический, а потому, возможно, и более трезвый и реальный взгляд Олега Сешко на окружающий мир и отражающую его действительность оставляет впечатление зрелого их восприятия.

Автор ничего не идеализирует, он предельно честен и правдив.

Таковы и его стихи. Доза здорового скептицизма не только не лишает их предельной эмоциональности, но, наоборот, стократ умножает её.

Репрезентирующая цитата:

«Остался только привкус торжества!..»

Вывод.

Нужный для современной поэзии автор.

В.Г.

Сешко Олег Витальевич

Семья

Осень, она — постоянный дождь,
Слякоть, ангина и даже грипп.
Лето и зиму, бывает, ждёшь,
В осень влипаешь, вот я и влип!

Вышел из мороси и — в леса,
Под ноги листья, а в них — грибы,
Белки с грибами — под небеса,
Лисы за белками — на дубы.

Птица синица — пискля писклём,
Лис увидала и ну звонить!

Ветер не целясь метнул землёй,
Лопнула с треском паучья нить.

Бах! На душе моей до-минор,
В маленькой речке кусочки льда.
Вылезли зайцы из тёмных нор,
Водят носами туда-сюда.

Пахнет зимою — пора белеть.
Скоро под лапами хрустнет снег.
Ельником робким ржавеет медь,
Сонная утка берёт разбег.

Нет, не лечу я сегодня с ней,
В мокнуший город иду опять.
Скоро неделя погожих дней,
Можно отлипнуть и не влипнуть.

Зайцы давно победили дрожь.
Лисам за белок бы дать ремня...
Свет не гасила на кухне. Ждётся?
Значит, мы снова с тобой — семья.

В тучах

В тучах ни печали, ни ласки вам.
Без вина виной захмелев,
Месяц души в небо вытаскивал -
Что им прозябать на земле?
«Если тело к жизни негодное,
Дело есть на небе — свети.
(Кто это ко мне огородами?
Кажется, пацан лет шести).
Люди стали льстивыми, стадными,
На сто вёрст не видно лица.
Коли не война, то и ладно бы...
(Нет, ну, несомненно, пацан).
Звёздам в землю больше не надобно,
Что земля? Разбег для броска.
Ходят в небе звёзды парадными,
От соска Пути до соска».

«Небо на котельную стелено.
Всё равно тебя не отдам.
Мне твоя иконка нательная,
Будто в сердце песенка, мам!
Что же ты не стонешь, не охаешь,
Прожита да выжата жизнь?
Если ты уйдёшь, будет плохо мне.
Я найду отца, не спеши!
Баба Маня ляпнула давеча:
— В среду ты — к нему, не позжей!
У меня душа-то не заячья.
Сколько в той трубе этажей?
Небо нынче низкое, целое...
Бате одиноко здесь, да?»

В тучах Месяц бреши заделывал,
Мало ли сорвётся звезда.

Рождественский беспорядок

А во мне опять рождественский беспорядок,
Никто не заглядывал в меня долго.
С краю души кожура и пустые дольки,
Мандаринами завтракал кто-то со мной рядом.
Кто-то безликий, чёрный, в лебяжьей шкуре.
Нет, не лебедь чёрный в земельной нови
Брызгал сок мандариновый — капли крови,
Но не своей крови, а крови гурий!
Это значит, праведник слопал сад райский,
Или нет, не праведник, лучше — демон
Или Бог ... закрылся от всех совсем он,
Вот теперь как хочешь, так к нему добирайся!
Я на всякий случай спрятал в карман дольку —
Часть былого, живого (тогда) рая.
И по-тихому начал себя изнутри драить —
Мыть себя для себя, для себя только.
Чтоб не стать самому для себя адом.
Нет, быть может, проспал, пропустил, может...
Ну откуда вот этот ожог на коже?
Всё же ты проходила по мне взглядом!

Остаться...

Остаться на стадии скрытого счастья,
 Дыша переливами звёздного света,
 Чертить звездопадом на сердце приметы,
 На радуге лунной с любовью качаться.
 Хрустальную сказку с опаской рассеять,
 Вздыхая: «Взойдёт, расцветёт, одурманит».
 Цветной поцелуй обнаружить в кармане,
 Из тех, что дарил в понедельник тебе я.
 Сменить на луну в середине Вселенной,
 Забраться в окошко весёлым рассветом,
 Луну положить у подушки монетой,
 Надменно холодной, голодно разменной.
 Поправить упрямый, улыбчивый локон,
 Угадывать сны по движениям тела:
 «Ах, как ты могла так! Ах, как ты посмела
 Со мной изменить у меня же под боком!»
 Касанием губ разбудить, разлететься.
 Проснёшься, подбросишь монету повыше,
 Сойдутся луна с поцелуем на крыше,
 Польётся горячая музыка в сердце.
 Закружится мир суетой откровений,
 На каждый вопрос вызывая торнадо.
 Тогда ты поймёшь, я по-прежнему рядом,
 И даже теперь обнимаю колени!

Кирпичные линии

Поизносились кирпичные линии,
 Улицы вынули город из вечности,
 В них откровение бесчеловечности
 Рвётся навстречу немому унынию.
 Детские страхи сгорают в эмоциях,
 Пламя вливается в воду монетами,
 Ангел во тьме промышляет билетами,
 Глупо ведётся обманутой социум.
 Очередь выгнулась, скорчилась очередь,
 Хватит, не хватит, остались мгновения,
 Стоимость выше к моменту старения,
 Платно для сына, бесплатно для дочери.
 Демоны шоу возводят в религии,

Переплавляя в таланты бездарности.
 Шумно глотая коктейль элитарности,
 Парятся в саунах солнечноликие.
 Что им сознание девочки-школьницы,
 Если затворы уже передёрнуты.
 Есть у мечты потаённые комнаты,
 В коих содержатся мысли-невольницы.
 Всем незаметны. Без рода, без имени.

Освобождаясь на волю из плесени,
 Мысли взрываются строчкой поэзии,
 Уничтожая собою уныние!

Только для меня

Всё, что живое, только для меня,
 В моей душе рождает океаны,
 Себя я узнавать не перестану,
 Цвет мысли примеряя к фону дня.
 Мне нравится искать себя в чужом,
 А находя, ловить зерно восторга,
 Печь новый хлеб и грызть сухую корку,
 Я есть во всём, чем нынче окружён.
 Мне мало мира, мне нужны миры,
 Вселенной завитые повороты,
 Её морей неведомые гроты,
 Далёких звёзд забытые костры.
 Мне нужно всё, я в это облачён,
 Я должен знать карманы и застёжки,
 Хотя пиджак ещё велик немножко,
 Когда-нибудь мне впору станет он.
 Рвану тогда сквозь чёрную дыру,
 Роняя на пол пуговицы-звёзды...
 Здесь доктор в белом тихо скажет: «Поздно»
 Когда для всех я будто бы умру!
 Но всё не так... нет, всё – наоборот,
 Не плачьте по ушедшему кумиру,
 Я просто улечу к другому миру,
 Где ближе цели будущих высот.

В сонных каштанах

В сонных каштанах бессонные аисты
 Дни отмеряют по сердцебиению,
 Будни из памяти вычистив начисто,
 Если не начисто, более-менее!
 Молами скалятся лица портовые.
 Пенятся волны, шумят, ерепенятся.
 Ждут на причалах печали пудовые,
 Скоро придут их новые пленницы.
 Засуеются салатные перчики,
 Ветром солёным с утра отутюжены.
 В дикой охоте за ниточкой жемчуга
 Кто-то найдёт дорогую жемчужину.

Хлебные мякиши, чёрные корочки,
 Полные чарочки, солнышко, ракушки,
 Отполированы нежные створочки,
 Ищем жемчужинку? Нетушки! Датушки.
 Перебираем. Ура им – находочкам,
 Нервы срываются, пик возбуждения.
 Море. У моря дырявая лодочка.
 Чей-то, возможно, второй день рождения.

Песня рыбака

Железную банку, едва дыша,
 Ножом открываю на раз, два, три.
 Четыре сардины лежат внутри,
 Четыре сардины – моя душа.
 Одна, воздыхая, зовёт восток,
 Где девочка в белом роняет сны,
 Где люди сердцами красным красны,
 Где спелой земли собирают сок.
 Вторая к себе призывает юг,
 Где скалы хранят серебро любви,
 Где тянутся к небу цветы глубин,
 Пестрит мотыльками подводный луг.
 На западе, кажется, будет бал.
 Там сыну принцессе нашёл король,
 В мечтах у принцессы другой герой,
 Но принцев нечасто дарит судьба!

Вот эта сардина пророчит власть.
 О западе сказки ещё свежи,
 За ними легко не заметить жизнь,
 Гранёным кристаллом на дне пропасть.
 На жёлтые лилии наших дней
 Слетают разлуки длиною в смерть,
 От старой собаки осталась шерсть,
 Которая тысячи солнц сильнее.
 Хотите живыми войти в рассвет?
 Четвёртая рыба малым-мала,
 Судьбу мою в север она вплела,
 Вы слышите: «Се-вер, всё вера, все!»
 Кто в море бывал, тот на небе свой.
 Мы с морем и небом – одна семья...
 Четыре сардины ведут меня
 Туда, где о доме поёт прибой!

Австралия

Собака лежала на грязной проталине
 Под серой трубой, уходящей в Австралию,
 Где пьют кенгуру за собачье здравие,
 Не зная, что зимы здесь плохо проварены.
 Что кости в кастрюле до варки обглоданы,
 Что в этих костях ни единого запаха.
 Что лютый февраль вроде старого лабуха,
 Не ценит желудок свой уксусно-содовый.
 Глотает пургу, барабанит по клавишам.
 Танцуйте и войте, скулите, пожалуйста.
 Лежишь под трубой? На похмелье не жалуйся.
 Ни крохи любви от судьбы не достанешь там.
 А нужно ли? Жизнь полиняла каштаново
 Внутри не стучало, не билось, не цокало,
 Ушли донжуаны за свежими соками.
 Смешно называть кобелей донжуанами,
 Они бессердечны и злобны, как правило.
 С чего это вдруг размечталось о нежности?
 Собака лежала. В слепой неизбежности
 К ней белым огнём приближалась Австралия.

Время

Мне время подчиняется с трудом,
Рычит и пыжится, заходится от злости,
То лезет вверх, выламывая кости,
То виснет, наполняя болью дом,
И я иду на ощупь до стола...
Пустые письма, от кого, не помню.
Тупым ножом солёный воздух комнат
Меня перерезает пополам.
Смеётся время, торжествует, бьёт,
В лицо бросает белые перчатки,
Но я-то знаю — всё у нас в порядке,
Не повторяй мне, что наоборот.
Ты не сбежала двести лет назад,
Я не уехал, я остался дома...
Ты где-то рядом, вещи говорят,
Иду по ним.... Из комы снова в кому.
Я не был здесь? Неправильный ответ.
Стена, кровать, стена, кровать, обратно...
Мне время неуютно, неприятно,
Когда ты есть, а вроде бы и нет...
Когда стекает век по волосам,
И памяти становится всё меньше,
Я в прошлой жизни знал одну из женщин,
Но я не помню, жив ли был я сам...

Геннадий Миронов (Россия, Санкт-Петербург)

Финалист поэтического конкурса (сезон 2013–2014) Международной литературной премии имени Игоря Царёва.

Отзыв литературного обозревателя Владимира Гутковского

Геннадий Миронов (Петраков) — это настолько мощная поэзия, что вполне соответствует высокому уровню финала нашего конкурса.

Она хорошо заметна на фоне других соревнующихся подборок именно своим зрелым разнообразием и скорбной мудростью. За стихами автора, за вязью их словесного воплощения не просто следишь. В них погружаешься, растворяешься в них и разделяешь с поэтом его поэтическую судьбу.

Искренне рад такому знакомству.

Репрезентирующая цитата:

*«Бесконечная радость любви и добра,
воплощаясь в торжественный звук,
из источника веры рекою текла
и срывалась с порхающих рук ...»*

Вывод:

Поэзия Геннадия Миронова (Петракова) не просто завершает финальную часть конкурса. Она закольцовывает её и подводит её в высшей степени успешный итог.

В.Г.

Миронов Геннадий Владимирович

Невоград

Игорю Царёву

Невоград священный стал Альма-матерью
для умов великих российской нации.
Вот и ты прошёл здесь, хвала Создателю,
по ступеням высшей версификации.

Оркестранты ей вторили, дух затаив, и от страха дрожал дирижёр,
повторяя в душе этот грустный мотив
как расстрельной статьи приговор.

Звуки Моцарта тихо являлись на свет, шелестели,
подобно дождю.
Лишь к утру записав этот слёзный концерт,
отослали пластинку вождю.

Он всё слушал её и три ночи не спал, — Ахиллес,
поражённый в пятю,
то, как бес, хохотал, то надрывно рыдал. Видно,
с совестью был не в ладу...

Пианистка играла, и виделось ей, что еврейскую дочь сам Христос
через залы искусства ведёт в Колизей по ковру из нарциссов и роз.

На трибунах гудел возбуждённый народ.
Выступали с речами жрецы.
У арены, заполнив широкий проход, ждали казни святые отцы.

Тихо пели они, чтобы страх победить, чтобы муки их были легки,
и молили Христа милосердно простить
неразумным врагам их грехи...

Сотни тысяч священников в алой крови
на арене лежали ничком, —
над телами стоял беспощадный раввин
и махал ритуальным клинком.

«Сколько будет ещё человеческих жертв? —
прошептала Мария в слезах, —
Я боюсь, что теперь не увижу Твой свет в этом мире,
где царствует страх».

«О Мария, не плачь! — ей сказал Иисус, —
Мы едины в несчастье земном.
Славя Бога за всё, утоляй свою грусть
белым хлебом и красным вином...»

На прокатном рояле цветы и конверт, —
из Кремля приезжал воронок.
Двадцать тысяч рублей за прощальный концерт
пианистке прислал полубог.

Но Мария, живущая вечно в долгах,
помогавшая ссильным «врагам»,
не пеклась о квартире, болящих ногах
и была равнодушна к деньгам.

В благодарность она написала тогда меценату Иосифу так:
«На ремонт старой церкви я деньги отдам.
В этом вижу особенный знак.

Истребляя народы за ложную власть,
тьма царила в грузинской груди.
Я просить буду денно и ночью за Вас.
О Господь! Просвети и прости...»

Бесконечная радость любви и добра,
воплощаясь в торжественный звук,
из источника веры рекою текла и срывалась с порхающих рук.

Говорил литератор в шутку

Александр и Маргарите Беляевым

Говорил литератор в шутку перед смертью своей супруге:
«Заверните меня в газету. Я был верным слугой газет».
А супруга сидела рядом и его целовала руки.
Неужели они с супругом вместе прожили двадцать лет!

Сын священника жил в постели при безбожной советской власти.
Параличного все жалели. Видно, Ангел его хранил.
Маргарита ему открыла, что такое земное счастье,
что такое семья и дети... Александр ей открыл свой мир.

Фантастический мир иллюзий он творил, сочиняя прозу:
с Ихтиандром нырял в пучину, с Гуттиэре роман крутил,
с Ариэлем летал по свету, силой мысли взмывая в воздух,
и главу оживлял без тела, чтобы к Богу найти пути...

Литератор лежал в исподнем, лишь прикрытый простышкой белой.
От голодного истощенья возвышался горбом живот.
За окном подвывала вьюга, погребальные песни пела.
Грохотал, точно бил в литавры, вдалеке ленинградский фронт.

Параджановские мотивы

– Да удвоится, утроится прекрасное, –
многократно повторял я в час заката, –
чтобы стала смерть красна, как семена граната,
тайне воскресенья сопричастная.
– Да низвергнутся в сосуд, – шептал я в час рассвета, –
градом бриллианты и жемчужины.
Может быть, когда-то за богатство это
брачные чертоги отворятся суженым.
Я не знал, что тени предков мне дороже жизни,
до того, как не постиг своё ничтожество,
отбывая срок за мужеложество,
оклеветанный судом моей отчизны.
Пенитенциарное чудовище,
извергавшее проклятья, липкие от пота,
вышибало из груди моей сокровище –
мой творящий дух – четыре с лишним года.
Я вкраплял свои воспоминания
в шляпы и коллажи, фильмы и костюмы.
В каждом кадре, как роса, мои искрятся думы
и журчит ручьём свирель исповедальная.
Образы любимых в этой музыке...
Вот тифлисский антиквар и соблазнитель женщин.
Это мой отец, ни больше и ни меньше, –
карие глаза и чёрной щеткой усики.
Он целует мать, она его целует,
круглолицая кавказская красавица.
По моим щекам бегут серебряные струи,
лёд тюремных лет от грусти плавится.
В доме антиквара только тени.
Нет могильных плит на старом кладбище.
Родина моя напоминает капище,
не Христос в умах людей, а Сталин или Ленин.
Лики идолов с уродствами по Дауну
в душном сумраке двоятся и троются.
Их нукеры голову скандальную
запихнут в большой сапог и чуть отрежут сальца.
О, душа, актёр или актриса ты?!
Жизнь твоя прошла на сцене вечного искусства.
Бог простит тебе актёрские безумства.
Предки ждут в тиши под кипарисами...

Да удвоится, утроится прекрасное, –
многократно повторял я в час заката, –
чтобы стала смерть красна, как семена граната,
тайне воскресенья сопричастная.

Баллада о бесланских заложниках

Сентябрьским утром в Беслане дети
пришли с цветами на школьный двор,
с мечтой о счастье на всей планете.
Но вынес мир им приговор.

Когтистой лапой кровавый коршун
загрёб всех агнцев в спортивный зал.
Сдирал с них платья, костюмы, кожу...
насиловал и истязал...

И двое суток алели скальпы.
И чья-то выла у школы мать.
Но вот подняли орлов из Альфы.
Был дан приказ им: «Штурмовать!»

Как метеоры, они летели,
ломаю стены огнём гранат.
Но разве можно в когтях шрапнели
понять, кто прав, кто виноват?

Кричал им коршун, взрывая своды:
«За гибель лучших моих птенцов
все ваши куклы и кукловоды
ответят мне в конце концов!»

Что было после в подлунном мире?
Тянулось горе, как сериал:
тела сличали и хоронили,
и строили мемориал.

За что же Бог дал такие муки? –
За то, что к войнам привычны мы? –
Рыдали люди, ломая руки.
На них взирал безумный мир.

Послания мёртвых детей и взрослых
руинам школы дано хранить.
У матерей есть к стране вопросы,
хотя вокруг — полынь да сныть.

Сентябрьским утром в Беслане дети
придут с цветами на школьный двор,
с мечтой о счастье на всей планете
и вспомнят всё, потупив взор.

Сон о мёртвом брате

*Памяти жертв
братоубийственной
войны в Украине*

Мой брат пришёл ко мне, но был он неживой,
с простреленной насквозь, поникшей головой.
Холодная ладонь легла в мою ладонь.
Меня сквозь сон пронзил его смертельный стон:

«Что сделали со мной, ты видишь, милый брат?!
Война тому виной, хотя я не солдат.
Я мирный человек, пришедший на майдан,
где ангел, почернев, застыл, как истукан,
а люди, озверев, забыли о любви
и утопили мир в пылающей крови.
Там в снайперский прицел на миг попал и я,
в затылок или в лоб ужалила змея.
И яд проник в меня стальным веретеном,
и радость бытия забылась мёртвым сном.
Скажи мне, добрый брат, что делать мне теперь,
когда внутри меня семиголовый зверь?!
Я за грехи людей проказой поражён, —
за слёзы матерей, сестёр, детей и жён.
Моя душа горит и в клочья рвётся плоть,
и змеями из дыр, шипя, струится злость.
Но это не конец, а дальше будет взрыв,
и выплеснется ад сквозь лопнувший нарыв,
и многорукий бес войдёт в сердца людей,
чтоб башню до небес создать из их костей,

и кровь из ран рекой текла, текла, текла,
и, злобою горя, взрывались их тела,
и матери рожать отказывались впредь,
и мудрые отцы обожествили смерть...»

Сквозь сон я отвечал: «Христос — наш поводырь!
Он нас с тобой ведёт в свой горный монастырь.
Ты для меня — и крест, и истина, и жизнь.
Прошу тебя, мой брат, на спину мне ложись.
На небо побредём по мукам бытия.
Мы вместе обретём свободу, ты и я.
Войдём под светлый кров Небесного Отца,
там ангелы печать тебе сотрут с лица...»

И тёплая рука легла на спину мне,
как будто наяву, как будто не во сне...

Ни крови, ни слёз нам больше не надо

Андрею Зубову

Повержены ниц враждебные страны,
и множится Русь до южных широт,
и кажется всё таким лучезарным,
и славой вождя гордится наш род.

Но башни Кремля внушают нам ересь,
что Бог будто был распят на звезде.
Хранит мавзолеей священную прелесть:
Москва — Третий Рим всегда и везде.

Святые с икон взирают с укором
на наш Третий Рим — мир лжи и вражды.
Имперская спесь чревата позором,
когда победят иные вожди.

Отдался Христос сам в руки Пилата,
хотя мог призвать небесную рать.
Ни крови, ни слёз нам больше не надо, —
нам надо себя в НАРОД собирать!

Великий народ – собор златоглавый,
несущий свой крест во имя Любви,
сквозь бури веков, в сиянии Славы,
над тёмной водою, как Спас на Крови!

Гипердактилический канон

Когда святым ставят памятники
и те становятся идолами,
которым молятся праведники,
руководимые риторамии...

Когда цинизм проповедуется,
войну народов развязывая,
и цель благая преследуется:
всем тварям – камера газовая...

Когда вокруг толпы верующих
в божков и листики фиговые,
найдешь ли к Господу ведающих
пути сквозь догматы фриковые?!

Когда же гроздь рябиновые
затмят все звёзды рубиновые?

Рефлексия в будущее

Каким я буду в шестьдесят?
Полувенцом седым отмечен,
Как Первый Лорд, пропивший печень,
Весьма вальяжен и пузат?..

Во мне Уинстон оживёт,
И мы пройдем по кабинету
Из ванной прямо к президенту,
Не пряча свой нагой живот..

И синий якорь на плече,
Мечту английского премьера...
И президент в костюме сером
Мне вдруг покажется ничем.

Каким я буду в шестьдесят?
Каким ты будешь в девяносто?
Проникнуть в будущее просто,
Когда оглянешься назад.

Литературный обозреватель Владимир Гутковский

Подведем итоги.

Что и говорить, участники финала порадовали высоким уровнем поэзии, разнообразием тематических направлений и изобразительных решений, присутствием многих очень ярких поэтических индивидуальностей.

Похвалы и признания заслуживают все.

Участие в таком конкурсе, безотносительно к турнирным успехам, и честь, и сама по себе награда для каждого автора.

Тем более хочется надеяться, что многочисленные дополнительные и специальные призы позволят отметить широкий круг поэтов.

В.Г.

ЛАУРЕАТЫ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПРИЗОВ В НОМИНАЦИИ «ПОЭЗИЯ»

Виктория Измайлова (Россия, Чита)

Лауреат 2-х призов «Приз симпатии» от литературного обозревателя Владимира Гутковского и члена конкурсной комиссии Галины Булатовой..

Безоглядно, безжалостно, беспощадно. Запредельная концентрация поэтической боли. Возможно, даже превосходящей боль реальную. Но ведь одно из главнейших предназначений поэзии — служить увеличительным стеклом...

Характерные и характеризующие цитаты:

*«Братья слепой распутицы, жухлой ботвы!
Кто за нее заступится, если не вы?..»*

*«В сумеречном пейзаже движутся без конца
Гнусные персонажи, глиняные сердца...»*

«Гномы мои вы, гномы, смертные вы мои!..»

«Бедные мои дети, мыльные пузыри!..»

*«Смерть твоя — настолько благая весть,
что посоветись — и умри!»*

Не могу не отметить подборку высокой оценкой.

В.Г

Измайлова Виктория Викторовна

* * *

В конце безлюдного квартала, где слишком редки фонари, я не прохожий запоздалый, я жёлтый лис Экзюпери, от прочих поздних пешеходов, от их теней неотличим, я самый дикий, самый гордый. Меня никто не приручил.

Там за стеклом — накрытый ужин, глава семьи глядит орлом.
О, никогда я не был нужен тем, кто собрался за столом!
Я был для них одним из сотен, из сотен тысяч чуждых лиц,
был неприметен, был немоден, негоден, как осенний лист!
Эй вы, творцы банальной были! Слепцы! Скупцы! Держу пари,
вы все давным-давно забыли, о чем писал Экзюпери!
Главу о Лисе перечтите, хотя бы чуть вникая в суть,
и приручите, приручите! Ну приручите кто-нибудь!
Я сердце к вашему приходу всю жизнь готовил наперёд,
уж я прощу вам хлеб и воду, и скудость чувств, и пальцев лёд,
и роль в бездарной оперетте, и расставанье навсегда!
Я буду сам за всё в ответе, не беспокойтесь, господа!

* * *

Фейерверк Вселенской сварки, брызги синего огня!
Краски лета слишком яркие, слишком яркие для меня.
Тени лета слишком резки, словно в ворохе шитья
лики мира лишь обрезки ветхой ткани бытия.
Шляпку скользкого маслёнка ранил грубая черта.
Просто глянцева плёнка, за которой — ни черта!
Шёлк расплавленного воска портит рваное пятно.
О, как жутко, о, как плоско, и непрочно, и черно!
Даже если вечно молод, весел, зелен и влюблён,
мир исчерчен, мир расколот, взломан, взорван, раздроблён!
В лоск нагретой страницы, в танец радужной юлы
влезли стылые глазницы обнаглевшей голой мглы.
Так шагаешь, безучастен к соснам, плачущим навзрыд.
Летний полдень щедр и ясен, ужас жизни неприкрыт.
Гомонят, что было мочи, над тобой то стриж, то чиж,
мимоходом смотришь в очи Вечной Ночи и молчишь.

* * *

Пьяная да плаксивая, рвань, срамота,
вышла старуха сивая за ворота,
дрогнув ли в пыльной заверти иль притворясь,
вот она пала замертво в самую грязь.
Вороны мои синие, алые рты!
Бросьте свои осинники, рвы да бурты!
Воины смольноголовые старым-стары,
Клювы ваши лиловые, когти остры!

Речи ваши нелестные тяжче свинца,
перья ваши железные, кремни — сердца!
Братя слепой распутицы, жухлой ботвы!
Кто за неё заступится, если не вы?
Голуби мои, княжичи ситцевых рош,
дети, праведники, книжники, кроткая мощь!
Розы ваши садовые зим не корят.
Слёзы ваши медовые в церквах горят.
Сердца ваши земляничные — воск да елей,
души ваши пшеничные снега белей!
Летите ж с ветхой звонницы ниже травы!
Кто за неё помолится, если не вы?!

* * *

На столичных ратушах бьют часы, поступь дня прогоняет ночь.
В королевском доме родится сын, в царском доме родится дочь.
Утопает сад в огневых цветах, рвётся в небо победный стяг,
но этот мир стоит не на трёх китах, он стоит на твоих костях.
Император свято блюдет закон, триумфатор пленил врага,
из толпы, из женских рук, из окон — лепестков прозрачных пурга.
Имена прекрасные на устах, мёртвый змей в орлиных когтях.
Но этот мир стоит не на трех китах, он стоит на твоих костях.
Не ропщи, не смей, не дыши вообще, не крутись
в напрасной борьбе!
Ты и есть тот змей в золотом луче на величественном гербе!
Терпеливый смерд, разорённый град, пленный гранд,
не вставший с колен!
Беспольный свет осквернённых правд,
чей любой носитель — растлен.
Ты — забитый бык, ты — забитый раб, граб,
расколотый на дрова,
ты под рёв пожара и конский храп обесчещенная вдова.
Ты шахтер, упавший с кайлом в руке, ты — дитя,
что всем — ни к чему,
ты дурак, поднявший в чужом платке ослепительную чуму.
Ты солдат, солдат, столько раз солдат, что уже ни счесть ни имён,
ни числа погибших, ни скорбных дат,
ни предлогов войн всех времён.
Тот, кто чудом выжил, всегда в гостях в этом мире, всегда в долгах,
хоть этот мир стоит на его костях, на его руках и ногах!
Не смущайся звонами майских дней, не чини худое рядом,
ибо добровольнее — праведней, это всем известно давно!

Вот они родят, вот они кутят, тянут руки, делят пайки.
Ты же их не вышвырнешь, как котят, на промёрзший берег реки?!
Без тебя им некого будет есть, презирать и клясть до зари.
Смерть твоя — настолько благая весть, что посовестись... и умри!
Так отдай им жизнь, не держись, не жмись,
не страшись ножа, топора!
Ну, ложись им под ноги, в прах ложись, потому что уже пора!

* * *

Район знакомый в окне дрожит, ни отвернуться,
ни насмотреться,
зайти вот не к кому обогреться: здесь моего — ни пня, ни плетня,
по этим улицам бежит моё вырванное сердце,
я столько лет жила без сердца, но нынче новое у меня.
Троллейбус хмуρο трусит вперёд, неумолимо проносит мимо,
но каждый метр голосит и режет, плюётся кровью, трясёт сумой,
А на стекло наползает лёд, и на кварталы — шалюшка дыма,
и воздух тёмн и густ, как прежде, перед закатом, перед зимой.
Безумный сон, смертный бред, привет! Поклон всему,
что в тебе зарыто!
Снесли б тебя за грехи и бедность,
уж слишком много пожил и знал!
Все та же аура, тот же цвет, моё расколотое корыто!
Всё те же кривда и беспросветность, всё тот же пыточный арсенал.
Давнишних вывесок частью нет, иные дети, хмыри, старухи
безмолвно тонут в волнах разрухи, но у меня — проездной билет.
Пустеют улицы, меркнет свет, и только выцветшие в разлуке
родные призраки тянут руки и, спотыкаясь, бредут вослед.
Здесь был мой дом много-много лет, я ничего ему не простила,
но обрывается вопль истошный, и рана старая не болит,
там, где сплясал роковой стилет, я сердце новое проростила,
оно ничтожней и осторожней, и мне ходить сюда не велит.
Оно токует — тик-так, тик-так! — и из трагедий штампует драмы,
всё перемелет и переварит, даря забвенью и волшебство,
оно тоскует и плачет так, как будто не было в мире мамы,
как будто не было в мире Вари, как будто не было ничего.
Оно твердит: «Не смотри назад!» (Не обернуться б, не разреветься!)
И люди в доме давно другие, им не услышать в своей норе,
как, оскользаясь в крови, в слезах, мое вырванное сердце,
давясь любовью и ностальгией, исходит криком на их дворе.

Хроники Валерии

На развалинах империи,
 именуемых Россией,
 Жили мы вдвоем с Валерией,
 бремя времени носили.
 В доме с плохонькими стенами,
 столь похожем на лукошко...
 Мир со вспоротыми венами
 к нам заглядывал в окошко.
 Город был, как старый мусорщик,
 замкнут, зол и неопрятен,
 матерщинник, вор и мученик,
 весь из грязно-серых пятен.
 Но зато была Валерия,
 обладая нравом дерзким,
 хороша, как кавалерия
 на параде королевском.
 С жалкой фигою в кармане я
 вместо грёз и капитала,
 но взаимопонимания
 нам с Валерией хватало.
 Под гитарное бречание
 плыли рядом наши вздохи,
 ибо жгло меня отчаянье,
 а её терзали блохи.
 Вымирало население,
 таял век, столпы сметая.
 Вырастали поколения
 на котлетах из минтая.
 А прекрасная Валерия,
 в общем, склонная к причудам,
 с неизменным недоверием
 относилась к рыбным блюдам.
 Дули западные ветры, и
 всюду радостно твердили,
 что отныне силы светлые
 нас, мол, темных, победили.
 Но под клёкот сытых лекторов
 мы учились жить немногим,
 ненавидеть вивисекторов
 и сочувствовать убогим.

* * *

Ничтожный гнилой уют, но в сытости и тепле
 парадик банальных блюд, огарчишко на столе.
 Хотелось тебе, прости, несчастное существо,
 по-божески провести Последнее Рождество.
 В сиянье бледных шаров, сосновой клейкой смолы,
 скупых прощальных даров, в преддверии вечной мглы,
 в пылу наивных речей напутствия и любви,
 простить своих палачей, не чуют холод в крови,
 не думая ни о чем, довериться торжеству,
 прижаться к плечу плечом к родимому существу.
 Чтоб было всё, как всегда, и пир на пару персон,
 бокалов тонких слюда, шампанское и Кобзон,
 плоды заморских олив, в бюджете свежая брешь,
 и шелест поздних молитв, и рой безумных надежд.
 Не лютый рок провести, а только-то и всего,
 по-божески провести Последнее Рождество!
 Огарок гаснет, коптя. Увы, тебе, существу!
 Единственное дитя рвануло на randevu.
 Он младше её на треть, уветлив, да не глазаст.
 На воск не надо смотреть — он тоже её продаст.
 Легко упорхнула прочь, безмозглое существо!
 Такая долгая ночь, короткое волшебство.
 А если что вспоминать, тогда уж сразу — концы.
 Осталось что — уминать салаты и голубцы.
 И правда — не все ль одно? Расходится пьяный люд.
 Пойти посмотреть в окно. Давно отпылал салют.
 Метель заметает рвы, раскачивает стволы,
 стоят на коленях львы, олени, кони, волы,
 всплывает в снежный ручей из тьмы зеленой, как мох,
 на струнах лунных лучей в серебряной зыбке Бог.
 Он плачет — агу, агу! — не глядя на мир голгоф,
 где движутся на снегу седые тени волхвов,
 где пьют до утра вино, счастливо впадая в грех,
 где, в общем-то, скудно, но уж смирны хватит на всех.
 И что ему до того, что три часа как померк
 в последнее Рождество на площади фейерверк,
 что пятый балбес подряд свалился в тот же сугроб,
 что вот — на тебе наряд, в котором положат в гроб...
 Не то, чтобы всё одно, не то, чтобы все одни,
 но, верно, всё сочтено, обиды, ночи и дни,
 без гнева и баловства для каждого существа,
 недолгого, как трава от Пасхи до Покрова.

* * *

В китайской блеклой рубашке, не доходящей колен,
не крепче лесной букашки, попавшей в паучий плен,
осколком надежды шаткой, разбитой, как снежный ком,
во тьме у икон украдкой вставала ты босиком.
Ослепшая в книжной пыли, училка, синий чулок,
богами твоими были Есенин, Пушкин и Блок,
а Тот, в синеватой теми, — безмолвен и обличён.
Но Он пребывает с теми, кто сломлен и обречён.
Касаясь сердца, что бритва, в мой каждый редкий ночлег
звучала твоя молитва, как в парке падает снег,
рвалась, лилась, оплетала неловких слов чередой,
над грешной землёй витала, как прядка мойры седой.
А за оконным провалом, как Судный день, как война,
такая сила вставала, такая злая волна...
И лучших — и тех сносила в распутство и воровство.
О чем ты Его просила, несчастное существо?!
Нишала твоя камора. Рабыня мрачных страстей,
снаружи выла Гоморра, кромсая своих детей.
Кровавая пела вьюга, был дом любой, как притон.
Братки ночами друг друга закатывали в бетон.
Все прежние правды пали, пришла нужда в брехунах.
Стоял на каждом квартале Дантес в спортивных штанах.
Что ж эта дрянь замесила на той роковой волне?!
О чем ты Его просила?!.. Наверное, обо мне.
По вотчинам их малины родные ища следы,
я вижу одни руины, одни руины и льды!
Я эту зиму зимую, как в черной норе змея.
Но ежели я рифмую, дошла молитва твоя...

Посвящение Наталье Глебовне Сухановой

Чувствую, что горюет, гневным огнём горит,
с волей своей воюет, в тёмный зал говорит,
что о гнилом гиньоле сам пожалел стократ,
что почернел от боли и ничему не рад.
В сумеречном пейзаже движутся без конца
гнусные персонажи, глиняные сердца.
Образы пошлых басен, серость и нищета...
Я ли вас не раскрасил в радужные цвета?!
Я ль золотым сияньем в воздухе не парил?
Я ли своим дыханьем каждого не дарил?

Свадьбы, сады, содомы, страсти, мечты, бои...
Гномы мои вы, гномы, смертные вы мои!
В пене водоворота, в волнах толпы здешней
глядится ж, верно, кто-то маленький и смешной?
А и тот на кукане, тленное существо,
вспыхнет и в бездну канет. Не сберечь ничего.
Нет подумать о том бы загодя, наперёд,
прежде чем гекатомбы закрутить в хоровод?!
Инженер мясорубки, мне поют соловьи,
как ранимы и хрупки злые куклы мои!
Пламя адской геенны! Что же я натворил?!
Что ж вселенские вены сгоряча отворил?!
Сам попал в свои сети, черт меня побери!
Бедные мои дети, мыльные пузыри!

* * *

Всем, кто мил, любим и дружен, ветер дует в паруса.
Тех, кто никому не нужен, Бог берёт на небеса.
У Него хватает места для сирот и стариков,
для обманутых невест и безработных моряков.
Он им шлёт в их тьме дремучей свет спасительных лучей,
мор, войну, несчастный случай, змей, убийц и палачей.
Прибирает, прибирает ближе к сердцу своему.
Сам им слёзы вытирает — больше было некому.
Если хоть в каменоломне, в трюме, в плохонькой избе,
кто-то молится, и помнит, и горюет по тебе,
что за страстью ни пылаешь, ни единая беда,
коли сам не пожелаешь, не случится никогда.
Мчи на бешеном мустанге, лезь безрукий на рожон,
всё под боком ходит ангел, меч незримый обнажён
против всяческой напасти, что таится на земли —
власти злой, звериной пасти, плети, пули и петли.
Плащ его шелками вышит, яркое свет его очей.
Тем прекрасней он и выше, чем молитва горячей.
— Вот пришёл тебя беречь я, — говорит, — живи, живи,
если сердце человекье для тебя полно любви!
А когда над самой бездной бродишь в горе иль в гульбе,
и один лишь пёс облезлый воздыхает по тебе...
И манеры сей холеры не новей, чем в неолит,
выйдешь в полночь из фатеры, он скребётся и скулит.

Седины его блошивы, миска битая пуста,
он не ведаёт ни Шивы, ни Аллаха, ни Христа,
а ведь всё кого-то просит, нервы портя, сон губя,
лаёт, падаль, ветер носит. За тебя, да, за тебя!
Чтоб не запил, не сорвался, чтобы в драку не залез,
чтобы ночью не нарвался ни на нож, ни на обрез!
И подлейшим смрадом дышит, и бесчинствует в дому.
Но Господь и это слышит и отвечает тому.
И ступает ангел рядом из притона да в шинок,
в волчьих шкурах с рысьим взглядом, коренаст и колченог,
и твердит: «Пребудь в покое и живи! Живи! Живи!
Если сердце — хоть какое! — для тебя полно любви!»
Горы. Степи. Вьюги. Бури. Торги в храмах на крови.
Сколько ж в нас, однако, дури. И любви! Любви! Любви!
Не нирваны замогильной, не полета на Парнас...
Сохрани, Господь всесильный, всех, кто молится за нас!

Наталья Колмогорова
(Россия, Самарская обл., ст. Клявлино)

Лауреат специального приза «Приз симпатии» от члена конкурсной комиссии Галины Булатовой.

Свежая и чистая подборка. В каждом своем тексте автором многое увидено, понято и прочувствовано. И потому подборка получилась крепко слаженной и единой по настроению и стилистике.

Характерные и характеризующие цитаты:

*«Мы с тобой успели
На маршрут осенний...»*

*«Колдуют руки бабушки моей
у вымени, а вымя горячей,
чем молоко в серебряном ведёрке...»*

*«Парной глоток — как первый поцелуй,
как разговор и откровенье с Богом...»*

*«Мне нравится,
как в доме пахнет шерстью
и тонкой нитью
вьётся безмятежность...»*

*А во дворе
стоит такая снежность,
что руки сами
тянутся к огню...
Старуха вяжет,
я не тороплю...»*

В.Г.

Колмогорова Наталья Ивановна

Взгляд проводника

Мы с тобой успели
На маршрут осенний;
Лист к окну вагона
Солнечно приник,
А по рельсам звонким
Убегало время
И смеялся громко
Юный проводник.

Чай в бокале с мятой
На газете мятой,
Серая платформа,
Чистая постель;
Мы в вагоне пятом
Округляли даты —
От мгновений счастья
До больших потерь...

Бесконечность — в лицах...
Безмятежней спится,
Если к расстояньям
Как к судьбе привык;
Спит соседка справа,
Спит сосед напротив
И под Окуджаву
Дремлет проводник.

Самый скорый встречный
Мыслям не перечит,
Разрывает темень
Радостный гудок,

И бросает осень
На промокший щебень
Отголосок света —
Золотой листок.

Нас не укачали
Старые печали,
Проводник весёлый
Прокричал «пока!»..
Снится будут долго
Станции России,
Светлая дорога,
Взгляд проводника...

Чёрная корова

Очерчен летний деревенский день
от утренней и до вечерней зорьки...
Колдуют руки бабушки моей
у вымени, а вымя горячее,
чем молоко в серебряном ведёрке.

Петух с насеста жёлтый глаз косит
на яркие горошины косынки:
его бы воля — выклевал горох,
да бабка бдит, а свет уж больно плох
от старой, проржавевшей керосинки.

По хлеву тени тут и там снуют,
по сеновалу прошуршали мыши...
Вздыхает Ночка — шумно, тяжело,
и кажется, что слышит всё село,
как струи бьются и стучат о днище

ведёрка с васильковым молоком;
а бабушка — ну чисто чародейка!
Руками, обнажёнными по локоть,
являет удивительную ловкость:
— Из-под коровы...свежее... испей-ка!

Парной глоток как первый поцелуй,
как разговор и откровенье с Богом...
А рядом ночка, спелая от звёзд,
роняет в рожь кометы рыжий хвост,
коровой чёрной дышит за порогом...

Старуха вяжет...

Старуха вяжет,
я не тороплю,
ловлю движенье спиц,
рукам послушных...
Так правнук,
глядя на летящих птиц
среди проводов
и облаков воздушных,
считает их:
— Четыре...восемь...шесть,
и загибает пальчик деловито
(а локоны как спутанная шерсть!)
Старуха вяжет
и считает петли,
и шевелит губами, а клубок
снует котёнком
меж отёкших ног;
глаза её совсем почти ослепли...
Старуха вяжет..
и стучит сердито
калитка оцинкованною жостью,
и воет ветер
за окном натужно...
Мне нравится,
как в доме пахнет шерстью
и тонкой нитью
вьётся безмятежность...
А во дворе
стоит такая снежность,
что руки сами
тянутся к огню...
Старуха вяжет,
я не тороплю...

Луга

Иду в луга. Лениво ловит мух
Сачком зелёным раскалённый ветер...
Я смерти не боюсь. Одно из двух:
Она бессильна или я бессмертен?

Кузнечики летят из-под ноги
Пугливой стайкой. Зной терзает сушу...
Заслышав иногда Её шаги,
Иду в луга. И обретаю душу.

Там над землёю — медоносный звон,
И жажда «быть» почти невыносима,
А явь похожа на короткий сон...
Душа незряча, или мы незримы?

Раскинув руки, упаду в траву...
Ковыль помашет седовласой гривой...
Приснилась не во сне, а наяву
Чужая жизнь — чертополох с крапивой...

Последний прогноз

Лист закружился шафрановый по-настоящему,
бабки на лавке судачат, что лето закончилось,
сушится лук под навесом рядами блестящими,
вялится спелой ягодой поздняя солнечность.

Руки у бабушек — рыбы на ситцевой глади
юбок широких, в горошек и мелкий цветочек;
ветер спиной прислонился к сутулой оgrade —
или устал, или слышать про осень не хочет.

Так и стоит, провожая нескушливым взглядом
каждое яблоко, павшее в схватке за лето,
холод стекает к ногам голубым водопадом,
«рыбы» ныряют в карман шерстяного жакета.

Август безвольно плывёт и кружит над садами,
только зажмурясь — растает в неведомых далях...
Бабки на лавочке схожи с большими снопами —
также недвижны в пуховых, наплечечных шалах.

Что в паутине их лиц? Измождение летом,
тёмный загар не сойдёт до последних морозов.
Сетуют бабушки, что унесённое ветром
лето останется в сводке последних прогнозов.

В ночное

Босоного. Свежо.
По крыничной росе,
Вдоль разлитой туманом «сметаны»,
Шаг, второй...утопает стопа
На изгибах цветочной поляны...

Есть у памяти добрая,
Вечная власть —
Помнить лучшее, помнить былое...
У коней моих — рыже-бедовая масть,
Я вчера их водила в ночное.

Вот стреножены
Тихие кони мои,
По-лубочному выгнута вымя,
И сосёт серебристый, как луч, стригунок,
Тёплой мамки упругое вымя.

Не спешит, не сулит
Моя память покой,
За рекой догорают зарницы,
На болоте тоскует в ночи козодой,
И кивают в ответ кобылицы.

Запах пота,
Лилово-доверчивый взгляд,
Лошадей благодарное ржанье;
Только филин среди
Одинокой сосны
Обнаружит свое пребыванье.

Босоного. Свежо. Колокольчики мять!
И плести рыжей гривы косицы...
Замирает костер,
Но лизнув сухостой,
Снова мечется рыжей лисицей.

Заплутали огни
Среди Млечной гряды,
Светлячками усыпано небо.
Я в «ночное» поверю и годы спустя.
Верь и ты! Даже если там...не был.

Эй, извозчик!

– Эй, извозчик, пьяная каналья,
Торопи каурку! Вот те крест –
В кабаке на Пятницкой свиданье,
Чёрт не выдаст, а свинья не съест.

Эй, извозчик, мелкая душонка,
Чёсанки да ломаный картуз!
У меня в кисете есть махорка,
А в кармане – забубённый туз.

Эй, гони, родимый, по Арбату,
Краля ждёт! Не краля, а заря.
Я купил ей серебро да золото
И кольцо купил из янтаря...

– Друг-товарищ, экая досада –
Конь устал, а я – пьяней свиньи,
Мне целковых от тебя не надо
И проклятья тоже не сули.

Не гневись, молодчик, на пьянчужку,
Был я молод, знатный был купец,
А моя красавица-подружка
С лучшим другом – в храм да под венец.

Потерял любимую и друга,
Спился за год, вот те крест – не вру!
Всё, что есть, каурая подруга,
С ней в конюшне, видит Бог, помру.

...В кабаке на Пятницкой гуляли,
Пили ночь два лучших кореша:
– Где ж твоя возлюбленная краля?
– Не дождалась, подлая, ушла.

– Подливай-ка водки, милый друже,
Нет любви и счастья тоже нет...
Возле фонаря из жёлтой лужи
Лошадь допивала лунный свет.

Причастие

Свадебное снилось платье,
рыхлый снег,
а на запястье –
змейкою браслет.
Я стояла у причастья,
на вопрос:
– В деньгах ли счастье?
Отвечала:
– Нет.

Батюшка дымил кадиллом,
ночь, подобная чернилам,
пряла фиолет.
Месяц выказал участие,
он спросил:
– В друзьях ли счастье?
Отвечала:
– Нет.

Звёзды падали, не гасли,
вились змейкой у запястья
изумрудам в цвет.
На вопрос:
– Желала власти?
Как награды иль напасти?
Отвечала:
– Нет

...А за дальними лесами
обручалась с небесами
талая вода,
рдели маки, и кипели
облака, и у купели
я сказала:
– Да.

У киота –
свечи, лица...
Захотелось помолиться
за простой ответ,
на вопрос давно известный...
Снились мне фата невесты
и лилейный свет.

Выживи!

Отпускаю раненую птицу –
Хищники в неволе не живут;
Ей кленовый ветер в клетке снится
И мечты покоя не дают.

Вот она взлетает над полями,
Взмах крыла и лёгок, и широк;
Вот она летит над облаками,
По маршруту солнечных дорог.

Дух свободы... Это ли не счастье –
Очертить над полем новый круг?
И никто в тот миг над ней не властен,
Даже ветер, быстрокрылый друг.

Отпустила... Опустела клетка...
Выживи, пожалуйста, назло!
Вопреки Судьбе – она нередко
Подставляет раненым крыло.

На «ты»

Кажусь себе стариком,
если в мой дом
приходит ребёнок –
голосок и гибок, и тонок,
словно побег лозы...
С ним рядом дышать легко,
словно вокруг озон
витают после грозы...

Я с ним говорю на «ты»
не потому, что старше
и знаю его с пелёнок,
всё потому, что во мне
жив такой же ребёнок...
Я окружаю заботой
каждый пустяк:
режу на ломтики солнечный луч,
варю кисели из туч...
говорю с ним так:
затаив дыхание,
словно утро раннее
ступило в мой дом...
У меня есть время
узнать о том,
что носили индейцы
и как умещается в сердце
столько крови?
...А мне умереть от любви
не хватит силёнок,
а я умирать – не привык!..
Я тот же самый старик,
которого любит ребёнок...

Наталья Кравченко (Россия, Саратов)

Лауреат специального приза «Приз симпатии» от члена оргкомитета конкурса и оргкомитета Музыкально-литературного салона «Шапировские вечера» Марины Шапиро.

Очень созвучная теме конкурса подборка. Негромкая, сдержанная, но очень внятная. О времени, о жизни, о судьбе. Она звучит немного приглушенно, но отчетливо и чисто. И неотменяемо.

Характерные и характеризующие цитаты:

*«Круг сузился до тесной комнаты,
до круга лампы над столом,
мой ближний круг – где только дом и ты,
и вяз за кухонным окном...»*

*«Молоко кипятила на кухне. Вставала заря.
Поумерив огонь, механически кашу мешала.
Загляделась на тень, что дрожала в лучах фонаря,
отлучилась на миг, оглянулась — а жизнь убежала...»*

В.Г.

Кравченко Наталия Максимовна

Кукушка

Кукушка-выскачка в часах
не обещает жизни долгой.
Оно понятно, не в лесах.
Кукукнет пару раз — и в щёлку.
Так в детстве, глядя в объектив,
мы ждём обещанную птичку,
что вылетала, ослепив,
как кратковременная спичка.
Почти живое существо.
Вешунья, пифия, сивилла...
Я не боялась ничего,
не верила и не просила.
Но вот тебя прошу сейчас,
боюсь и верю в это чудо —
о, накукуй мне лишний час,
моя домашняя пичуга!
О, наколдуй мне лишний день
и юных нас, от счастья пьяных,
и всех любимых мной людей,
что скрылись в норках деревянных.
Не прячься, стой, не уходи.
Но мне за нею не угнаться...
О, знать бы, что там впереди,
когда сердца пробьют двенадцать.

* * *

Вы думаете, дважды в реку
нельзя, но надо знать пароль.
Душа могла, но за два века
она свою забыла роль.

Но ты послушай, ты послушай,
что шепчут ива и ветла.
Я столько лет жила на суше,
а тут вошла и поплыла.
Неси меня в живой и мёртвой
воде, неси к себе самой,
как сердце, парус распостёртый,
кораблик, кривли-краблик мой.
Плыви, куда не входят дважды,
фантом, сезам, калиф на час,
избавь меня от этой жажды
в обмен на всё, что есть сейчас.
По мелководью, безнадёге,
веди, неси меня, плыви,
сквозь бред, горячку, слёз потёки,
слова солёные любви.

* * *

В эту дырявую насквозь погоду
я как под душем бродила одна,
в улицу, словно в холодную воду,
погружена, никому не видна.
Жизнь потемнела, всё кончено будто.
Встали деревья, дома, чтоб уйти.
Дождь морозящий следы мои путал
и зеркала расставлял на пути.
Всё приводил он собою в движенье,
правдою жеста зачёркивал ложь.
Дождь с необычным воды выраженьем,
чистым и синим сверканием луж.
И открывались мне улиц улики,
встречной улыбки несмелый цветок...
Блики на лицах, пречистые лики,
капелек хлеблет и струй кровотоков.
В лунную глубь человеческой ночи
падало с неба как в руки ранет,
противореча, перечая, пророча —
влажное да — пересохшему нет.

* * *

О радость, ты не тронь моей печали,
её мне в люльке ангелы качали,
она ко мне ласкалась, подрастая.
Я не могу предать своё дитя.
Любительница лунного абсента,
молчания, звучащего крещендо,
и сумерек, когда шумят дожди...
Сестра моя, печаль, не уходи.
С тобой светлеют тёмные аллеи
и парус одиночества белеет,
печаль моя, из призрачной дали
буди меня, веди меня, боли.
Я пленница твоей суровой кельи,
наследница Моэма и Коэлья,
алёнушек на камне у ручья,
всех окон, за которыми — свеча...
Печаль моя длинна и дальноточка,
она полней мгновенного восторга,
и счастлив тот, кому сей дар был дан,
за ним — Чайковский, Чехов, Левитан...

* * *

Ива, иволга и Волга,
влажный небосвод.
Я глядела долго-долго
в отражение вод.
И казалось, что по следу
шла за мной беда,
что перетекала в Лету
волжская вода.
Словно слово Крысолова
вдаль зовёт, маня...
Мальчик мой седоголовый,
обними меня.
Мы с тобой — живое ретро,
серебро виска.
В песне сумрачного ветра
слышится тоска.

Я не утолила жажды,
годам вопреки
мы войдём с тобою дважды
в оторопь реки.
Мы ещё наговоримся
на исходе дней,
до того, как растворимся
в тёмной глубине.

* * *

Мир создан из простых частиц:
из капель и пыльцы,
корней деревьев, перьев птиц...
И надо лишь концы
связать в один простой узор,
где будем ты и я,
земной ковёр, небесный взор, —
разгадка бытия.
Мир создан из простых вещей:
из дома и реки,
из детских книг и постных щей,
тепла родной щеки.
Лови свой миг, пока не сник,
беги, пока не лень.
И по рецепту книги книг
пеки свой каждый день.

* * *

Не пыль вытираю — пылинки сдуваю
с того, что люблю, перед чем трепещу.
Из этих пылинок слагаю слова я
и большего счастья себе не ищу.
Мы все в этом мире дрожим, как былинки,
подвластные грозам, ветрам и волнам.
Любите, храните, сдувайте пылинки
с того, что любимо, что дорого нам!

* * *

А счастье — это как журавль,
что скрылся вдаль за облаками,
как поднебесный дирижабль,
как то, чего нельзя руками.
Проснуться, утро торопя,
спешить в леса, сады и парки,
чтоб скрыться от самой себя,
спасти от вездесущей Парки.
Окно и двери распахну,
накину старенькое пончо.
Когда же, боже, жить начну?
Наверное, когда закончу.

* * *

Запечатывают в конверте деревянном
и отправят до востребования миру.
Но пока я отцвету или завяну —
я не выпущу ни лиру, ни рапиру.
Пусть они ещё беспомощны и тонки,
но что было мной возлюблено — воспето,
и души чужой родимые потёмки
будут там мне заменять потоки света.

* * *

По кругу, по заезженной орбите
плетётся жизнь у радости в хвосте.
Я на неё, однако, не в обиде,
ведь дышит дух повсюду и везде.
Я еду вдаль по волчьему билету
и складываю счастье из цифр.
Но и такого на поверку нету -
пароль, наверно, нужен или шифр.
Гляжу в окно на уличные клипы.
Ответ в уме готовлю на семь бед.
«Билетов нет», — шумят в аллее липы,
и вся земля закрыта на обед.
Нет ходу тем, кто не ходок по трупам,
на праздник жизни, на Наташин бал.

Дворец сменился стриптизёрным клубом,
а вместо принца лыбится амбал.
Мир подменён, как туфелька кроссовкой.
Сердечный спазм кому-то просто спам,
пир всеблагих — обычная тусовка,
где пища по карману и зубам.
Мне небо льёт серебряные пули,
я бисер слов бессмысленно мечу.
Мы, кажется, друг друга обманули —
мой спор с судьбой закончился вничью.
Придумать жизнь и разыграть по нотам.
Пичугам — петь, деревьям — шелестеть,
такая уж у них с весной работа,
и дождик рассыпает щедро медь.
Всем по трудам, по вере — без обмана.
Холодный день согреется в груди.
А жизнь темнит или глядит туманно,
и вновь неясно, что там впереди.

Наталья Прилепо (Россия, Тольятти)

Лауреат специального приза «Приз симпатии» от члена конкурсной комиссии Ольги Ворониной.

Интересные замыслы, незаурядное воплощение....
Подборка с живым нервом и сквозной болью.

Характерные и характеризующие цитаты:

*«Как дым от тлеющей травы,
Уснувшей насмерть.
Как долгий запах синевы,
Прожжённой красным...»*

*«Я возвращаюсь прожить
Тебя сначала...»*

*«Горячий снег зажат в горсти.
Февраль просрочен.
Прощай. Счастливого пути.
Спокойной ночи...»*

В.Г.

Прилепо Наталия Александровна

Вероника

В мире увядших цветов и поломанных кукол
Влажные крошки рассвета клюют сизари.
Звуки вобрав, тишина отзывается гулко
Эхом глухих коридоров и дрожью перил.

Музыка старой шкатулки пульсирует в пальцах,
Чувствуя плавность движений слепых балерин.
Бредит Вероника грустью скользящего танца,
Прячет Вероника манкую бездну внутри,

Где затаились пугливые, кроткие бесы.
Ждут темноты и сражаются сами с собой.
Мерит Вероника сутки ступенями лестниц,
Стутками вдохов, считает по градусам боль.

Ветер межмирья, впитавший стихии столетий,
Стынет за дверью, неистов и сладок на вкус.
Молча, на ощупь бредут безымянные дети,
Сыплют у входа рубины разорванных бус.

В такт их походке шкатулка фальшивит и стонет
Гаснущим звуком, достигшим предельных высот.
Ищет Вероника в линиях тонких ладоней
Завтрашний день, где никто никого не спасёт.

Со спины

Энн приходит ко мне по ночам, называясь сестрой,
Позабытой внутри потускневшего фотоальбома.
Энн рисует меня со спины голубиным пером.
Остриём по живому.

До утра выпцветающей, неутолённой бедой,
Цепенеющим сердцем, простуженным, комнатным летом
Энн поёт надо мной, словно плачет тяжёлой водой
Над погашенным светом.

Будто кто-то из нас не дождался последней зимы,
Белой-белой, как смерть, как щемящая грусть, молчаливой.
Будто долго и страшно глубокая рана земли
Зарастает крапивой.

Безутешная Энн, чей колодезный голос-стекло,
Поменявшись со мной, с каждым вдохом становится старше.
Прижимается к боли густым, сбережённым теплом,
Темнотой нараспашку.

Энн приходит ко мне по ночам, называясь сестрой.
Затяжная бессонница, песня моя ножевая.
Энн рисует меня со спины голубиным пером,
Будто я улыбаюсь.

Дерево

Тяжесть ветвей истончая до чёрной воды,
Горькое дерево пьёт неподвижную ночь.
Но тридесатую зиму внутри утолить
Неба не хватит, останется скомканный дым.
Некуда будет печалью кричать ледяной.
Дерево, дерево, что у тебя болит?

Некуда петь обожжёнными горлами птиц,
Прятаться голосом, что горячее, чем кровь.
Мёртвое дерево ствол пересохший кривит,
Будто не может уже ни простить, ни спасти,
Копит нетающий снег под сыпучей корой.
Девочка, девочка, что у тебя болит?

Так не умирают

Хрупкую зиму пряча
За белизною век,
Спит безымянный мальчик
И выдыхает снег.

Ночь по земле горбатой
Рыщет бродячим псом,
До немоты истратив
Голос на горький зов.

До глубины
прозрачный,
Призрачный, словно дым,
В чёрных зрачках
собачьих
Снег тяжелей воды.

Крыльями птиц незрячих
Дерево к небу льнёт.
Спит безымянный мальчик
И выдыхает лёд.

И выдыхает иней
Медленней и страшней.
Лёд прорастает синим
В тёмный гипноз корней.

Спит безымянный мальчик,
Не разжимая рта.
Господи, так не плачут.
Не умирают так.

Все тот же снег

Всё тот же снег, всё тот же сон,
Как на повторе.
Тяжёлый воздух заражён
И тошнотворен,
Как дым от тлеющей травы,
Уснувшей насмерть.
Как долгий запах синевы,
Прожжённой красным.
Горит, горит, но изнутри,
Роняя пепел.
Сухим костром горит, горит
И небо теплит.
Кромешный пепел, словно снег,
Болеет серым.
Произнесу тебя во сне,
Как через сердце.
Как через время, позову,
Теряя имя.

Но заострён до боли звук,
Невыносимо.
Бессильно зажили слова,
Как будто раны.
Горит уснувшая трава
Под пеплом рваным.
И полумрак, как полубред,
Цвета сжижает,
То обретая силуэт,
То искажаясь.
В какой-то сумрачный провал,
Как в сон печальный,
Я возвращаюсь проживать
Тебя сначала.
До черноты гореть, гореть
В дыму разлитом.
Я сам себе сегодня смерть.
А ты — молитва.
Горячий снег зажат в горсти.
Февраль просрочен.
Прощай. Счастливого пути.
Спокойной ночи.

Камень

В немоту небес, застилая ночь,
Выдыхают птиц горы горлами.
Небо прячет дно, небо мглой больно,
Красной лентою да по чёрному
Перечёркнуто.

Сквозь морщины стен прорастает день,
Словно старый дуб. Корни корчатся.
Птицы пробуют голоса людей.
Стал мне сыном сон. Одиночество
Стало дочерью.

Было — не было. Горы горбились.
Горы грезили камнепадами,
Звукам имени гулко вторили,
В небо целились тридевятое,
Рвали надвое.

Был тягуч пещер заповедный зов.
Антрацитом кос между пальцами,
Неживым цветком, слюдяной слезой
На ветру в песок рассыпалась я,
В руки падала.

У дурман-травы малахитовой
На ладонях дождь стынул каплями,
Серебристыми рвался нитями.
Было — не было. В вечность кануло.
Что мне, каменной...

Болото

Из болот пересохшие горла поющих колодцев
Пьют застойную воду и студят на илистом дне
Утонувшие ржавые брызги багряного солнца
Да подхваченный ветром рябиновый плач обо мне.

О забурины листьев осоки изрезаны тропы,
Сохранившие пыльную память усталых следов.
Окрылённая ночь устремилась в небесные топи,
Покидая открытое настезь воронье гнездо.

Одноногая выпь колдовские огни умиряет,
Словно сгинувших без вести душ бесприютную дрожь.
Но ведь ты обещал, если я без тебя потеряюсь,
Пропаду, ты меня обязательно — слышишь? — найдёшь.

Соня

Мой придуманный мир на ладони у маленькой Сони,
В коробке из-под спичек, пропитанном соком травы,
Где играет на сломанной скрипке кузнечик зелёный,
Для восторженных глаз день за днём притворяясь живым.

За картонной стеной всё такое же юное лето
Позабывших в альбоме, засушенных диких цветов,
Что вплетало в покорность волос паутину и ленты,
Осыпалось пылью на дно босоногих следов,

Разбивало шершавыми ветками сонные ульи,
Превращало в раскрошенный камень оставленный хлеб,
До небес разжигало стога, чтобы те прикоснулись
Выгорающим жёлтым — к седому, золою — к золе.

За спиною крадётся на цыпочках розовый вечер,
Лучезарный и зыбкий, с повадками младшей сестры,
Наблюдать, как пронзённый соломинкой, словно кузнечик,
Мой спасительный мир разлетается в тартарары.

Где-то внутри

Где-то внутри выкипает разбавленный сок
Дикой рябины, что терпко и пьяно горчит.
Где-то внутри растревоженный шёпот осок
Чувствует ветер, томителен и ядовит.

Двери древесные в тёмный, мерцающий лес,
Бабочек рваные крылья слагают костры,
Спящее солнце в колодезном, мутном стекле,
Трав росяное дыхание где-то внутри.

Где-то внутри затаился детёныш зверей,
Вскормленный зыбкою грудью брусничных болот.
Тихо скулит на луну, привыкая к норе.
Я выгоняю наружу, но он не идёт.

Где-то внутри зарождаются злые стихи.
Я им даю имена и боюсь выпускать.
Мягко текут карандашные брызги-штрихи
Вниз по странице, что так нестерпимо узка.

Дальше, дальше

Ветер течёт по руслам
Трав, насыщаясь влагой.
Сыплют тугие бусы
Алую горечь ягод

Тропам в сухие поры,
Лопнув струной на вдохе,

И прорастают сорно
Цепким чертополохом.

Август, мой пастырь, стоит
Зелень лугов высоко.
Мне бы все дальше, дольше
Пыльно петлять дорогой.

Лишь бы не оставаться
Там, где, цвета стущая,
Сумерки в топком танце
Тени теней качают.

Наших имён порезы
Липко хранят берёзы,
Изредка каплей пресной
Сок выжимая слёзно.

Остро ломает камень
Трещина в сердцевине.
Душно сластит вьюнками,
Что отцветают синим.

В спину текучим ветром
Загнанной и продрогшей,
Ощупью метр за метром,
Только бы дальше, дольше...

Григорий Певзнер (Германия, Марбург)

Лауреат специального приза «Приз симпатии» от члена конкурсной комиссии Галины Булатовой.

Из этой подборки я бы с удовольствием процитировал многие поэтические формулы.

Характерные и характеризующие цитаты.

*«Когда октября на исходе
нисходит внезапный покой
и солнце из тучи выходит
и тучу отводит рукой...»*

*«И что-то такое исходит
от скупо согретых стволов.
И что-то в тебе происходит,
чему не находится слов...»*

*«А может, всё прекрасно? А может быть, и я
Явился не напрасно на берег бытия?
Я плохо делал дело, я прожил на бегу,
Но мне не надоело на этом берегу...»*

*«Вы будете смеяться... А всё-таки я жил,
Таскал нелепый панцирь из жира и из жил,
И лёгкие свистели, с усилием дыша...
А где-то в этом теле барахталась душа...»*

В.Г.

Певзнер Григорий Александрович

* * *

Где дразнящий предел? Где искомая точка отсчёта?
На стене паучок ловит муху в недвижный сачок.
Дождь в окне поредел, и неясно, какого ты чёрта
непрерывно играешь с собою в зачёт-незачёт.

Паучок совершенен, нисколько о том не заботясь.
Совершенная муха в его совершенной сети.
Совершенней лишь Бог, всё же сущее в сущности оттиск,
что не так уж и плохо. Прими этот оттиск. Прости.

* * *

Дожди остались позади.
На доме, повидавшем виды,
в тени груди кариатиды,
сложивши лапки на груди,

сидела муха. По груди
бродил пожарник, жук бывалый.
Тянуло из полуподвала
картошкой жареной. Дожди

закончились. Царил покой.
Такой, как все, и не такой
был день — всего казалось мало:
девчонки, машущей рукой,

и голубей, урчащих вяло,
и мчащегося самосвала...

И всё казалось, задремала
та, недреманная, с клюкой.

* * *

Утром звёзды невесомей,
хрупок воздух, хрусток снег.
К жёлтой бочке тёти Сони
направляюсь в полусне.

Дворник возится у дома,
чем-то мрачно шерудит.
Я бреду, звенят бидоны
у меня и впереди.

Арка. Угол. Боком бочка.
Как обычно, без конца
к бочке тянется цепочка
чёрных пугал без лица.

Воротник у пугал поднят,
и откуда-то над ним
пар на выдохе выходит
(а из некоторых — дым).

У меня в кармане трёшка
и бидоны в двух руках.
Тётя Соня как матрёшка
в телогрейке и платках.

Из обрезанной перчатки
пальцы мёрзлые торчат...
Память держит отпечатки
через годы, через чад:

алюминиевый ковшик
в тёти Сониной руке.
Двух бродячих драных кошек
хриплый мяв невдалеке.

...Я пришёл, похоже, рано —
нет движения пока,
и висит под носом крана
сталактит из молока.

Точно в церкви при иконе,
по утрам придя в свой храм,
теплит свечку тётя Соня,
греет свечкой стылый кран.

Кран оттаял постепенно,
льётся в ковшик молоко.
В молоке вскипает пена,
поднимаясь высоко.

И, на эту пену глядя,
недоверчив и брюзглив,
закипает вредный дядя,
предвкушая недолив.

Но, глуха к карманным фигам,
тётя Соня, мир в душе
сохранив, погасит мигом
пену в дяде и в ковше

до разумного предела.
Приструнит слегка народ.
А со мной — другое дело:
мне добавит от щедрот.

Потому что суть — не млеко,
а улыбка на лице,
потому что человека
уважаю в продавце!

...Я сдержать не в силах вздоха.
Для чего во мне живёт
позапрошлая эпоха
и покоя не даёт?

Что мне это время Оно?
Но всю жизнь я в нём. Пешком,
с облупившимся бидоном
за морозным молоком.

* * *

Не изменяется сценарий —
лишь декорации слегка.
Лишь подновляет тексты арий
их написавшая рука.
Натужно ухают мортиры,
на авансцену гонит дым.
И молодые дезертиры
стучатся к вдовам молодым.
Война разумна ли, бредова ль,
но на войне, как на войне:
и вдоволь вдов, и дела вдоволь.
И мужики всегда в цене.

* * *

Дрозды, забыв гармонии азы,
молчат, и пахнет пылью и железом.
Иссиня-сер налившейся грозы
нависший бок над помертвевшим лесом.

И замерли все стрелки на часах,
и некое подобие одышки
растёт, пока с селитрой в небесах
мешают магний для мгновенной вспышки.

* * *

Каплями по лицу, скатываясь с лица,
время идёт к концу. Мимо летит пыльца.

Скатываясь, как грязь, скапливаясь в углах,
время теряет связь, время рождает страх.

Память, как инвалид, шарит в углу с золой,
после чего болит болью фантомной, злой.

Время к концу идёт с той поры, как идёт.
Время за годом год всё ускоряет ход.

Память мгновенья длит, след в глубине тая.
Волосы шевелит ветер небытия.

Ветер несёт пыльцу в будущие поля.
Время идёт к концу. Это не повод для.

* * *

Буквы — всего лишь буквы.
Сложи «ладошка», рассыпь, снова сложи.
Смотри: получилось «лошадка».
Ну что ты всё в небо пялишься буквой?
Нет никакой правды и никакой лжи?
В мире всё переменчиво, ненадёжно и шатко?

Научись ловить и от этого кайф!
Не умеешь? Не хочешь? А ты всё-таки научись!
В небе среди прокисшего молока
просвет открылся — он первозданно чист.

Голубой в нём становится всё голубей,
тучи плывут, и лайнер, кажется, падает, как Икар.
Перед домом носятся несколько голубей,
а доносится внятное, непонятно откуда, «карр».

Успокойся! Мир хоть и строится на крови, дурачок,
держится он, как ни крути, на любви.
C'est la vie. И она недурна, эта самая vie!
Наживи себя просто на Божий крючок
и лови своё счастье. Жив.

* * *

Платаны облетают и листьями сорят.
Сороки не болтают. Дрозды не говорят.

Но лютик золотится, проросший на авось.
Но ягоды у тиса просвечены насквозь.

Платаны облетают порывам ветра вслед
и как бы вырастают. И нарастает свет.

Не измеримый в ваттах, незримый до поры,
он, чуть зеленоватый, течёт из-под коры.

Платаны облетают, и ёжики плодов
вцепились в ветки стай в преддверье холодов.

И воздух странноватый. И ветер сам не свой.
И свет зеленоватый плывёт над головой.

* * *

Ветер сдул закат, а вечер вытер,
звёздный свет колюч и не упруг.
Вновь зажгёт Юпитер свой юпитер —
темнота подтаяла вокруг.

Город лихорадит, новогодит:
вспышки фейерверков там и тут,
кое-где прохожие проходят,
кое-где животные живут.

Кошки как солдаты в самоволке,
у дороги павших елей рать.
Лютеране разбросали ёлки —
значит, время ёлки собирать.

Собирать, отогревать и ставить,
за руки держать и наряжать —
как-то их неправильно оставить
в Новый год на мусорке лежать.

В промежутке между Рождествами,
в новогодней этой кутерьме
мы ведь тоже не хотели б с вами
голыми, на мусорке, во тьме...

* * *

Это время на переломе,
эти щупальца в каждом доме,
репортажи из райских врат.
Не спасающие пароли,
от фейсбука до фейсконтроля —
всюду пристальный старший брат.

Это кнопочное поколение,
перекрёстное опыление,
расползание всех прорех.
Ускоренье устареванья,
относительность расставанья,
смена климата, смена вех.

Фиге тесно уже в кармане,
демография, мусульмане,
ветхой памяти решето.
Все судимы, и каждый судит...

Апокалипсиса не будет.
Что-то будет. Не знаю, что.

Елена Сурина (Россия, Орск)

Лауреат специального приза конкурса «Приз симпатии» от члена конкурсной комиссии Галины Булатовой.

Неброские тексты, но точно и о главном.

Характерные и характеризующие цитаты:

*«Так вчера ушёл во тьму нарядный
Гордый клён с узорчатой листвой...»*

*«Он стоит по-царски во дворе
По колено в золоте червонном,
А по локоть — в белом серебре...»*

*«Прилетайте к ногам моим, птицы мои! —
Сизари городской окаянной души...»*

*«Я и выше, и с вами, — источник чудес...
Оттого и хожу покормить голубей...»*

«Никого нет свободней накормленных птиц...»

В.Г.

Сурина Елена Евгеньевна

Фотография

Старик-фотограф в комнатёнке,
Где не углы красны, а свет,
Усталой женщины с ребёнком
Никак не завершит портрет.

Та перед камерой сидела
Лесною птицей, не дыша,
Лишь прижимала крепче к телу
Растерянного малыша.

Печаль-тоска плыла над ними
И слёз непролитых туман...
Казалось, нужен им не снимок,
А от разлуки талисман.

И вот старик над грустным фото
Всю ночь колдует без конца,
Всё недовольный отчего-то
Умелой ретушью лица,

Вздохнёт, посмотрит, — правит снова,
Над кадром истово клонясь...
Из фотомастера простого
Иконописцем становясь.

Серенький волчок

Качает землю колыбельный ветер,
Чуть хрипло завывая про волчка,
Вот-вот волчок к испуганной планете
Тихонько присоседится с бочка.

Он очень сер, местами даже чёрен.
А тень его так часто бродит тут,
Уснёт земля доверчивой тетерей,
И зубы белой молнией сверкнут.

Волк унесёт несчастную планету
В леса, где только он имеет власть...
За что, за что? За бок. И вот за это —
Уж слишком близко к краю улеглась.

Полонянка

От полонянки — хороший сын...
Из русской богатой дани
В наложницы выбрал хан-господин
Красавицу из Рязани.

Она забыла свой прежний мир
Под властью степного бога...
Родился сын. Он подрос — батыр!
Похожий на мать немного.

Рабыня хана, почти жена,
Сыта и довольна вроде...
По русской косе — уже седина,
А сын далеко — в походе.

В рязанские земли, откуда мать,
Несётся он в хищной гонке,
Чтоб грабить, жечь... И рубашку рвать
На русоголовой девчонке.

Март насилу дождался желанного срока

Март насилу дождался желанного срока,
Небо напрочь смывает свои берега,
Во глубинах деревьев — движение сока
Словно жжение в окоченевших ногах.

Застоялись, заспались, до боли застыли
В беспросветных морозах, в слепой белизне.

Но теперь, разорвав пелену снежной пыли,
Прорываемся к солнцу, цветам и весне.

Прорываемся к ним в деревнях и столицах,
Чернокожей земли ощутив наготу, —
Ни ростком, ни ручьём, ни вернувшейся птицей,
А подобно прозревшему чудом кроту.

В первой дрёме снегопада

В первой дрёме снегопада
Легким шёлковым ковром
Снеговые шелкопряды
Укрывают каждый дом.

Высоко, на хмурых тучах,
Шелкопрядов долгий ряд,
Нити тонкие беззвучно
К городам земным скользят.

Не видать ни стен, ни окон
В снежной прелести уже,
И похож на сонный кокон
Дом в двенадцать этажей.

Только грезится картинка:
Он раскроется вот-вот,
И... огромная снежинка
Белой бабочкой вспорхнёт.

Страсти-мордасти

В заброшенный дом, где не ведали счастья,
Где не было смеха, цветов и гостей,
Вселились ужасные Страсти-Мордасти,
Мордастее мы не встречали Страстей!

Висел потолок сочленением трещин,
Змеился от лампочки порванный шнур,
Две моли в шкафу грызли старые вещи,
Ещё сохранившие формы фигур.

Огромный паук на продавленном стуле
Сучил неустанно белёсую нить,
И тени бессильные пальцы тянули,
Стараясь друг друга за горло схватить.

Там зеркало стыло безликим провалом,
Поскрипывал жёлтый щербатый паркет,
На нём в середине холодного зала
Лежали тринадцать старинных монет.

Те люди, которые в дом попадали,
Спешили поднять эту горсть серебра...
И вы бы, увы, отказались едва ли
От блеска ничейного вроде добра.

Тогда из щелей.... О, молчите, молчите!
Ведь могут быть дети и женщины тут!
Каких только не было жутких событий,
В том доме, где Страсти-Мордасти живут..

А приговор жесток и краток

А приговор жесток и краток,
Ну хочешь — плачь, а хочешь — спорь:
Признать любовь за недостаток,
за блажь, за чепуху, за хворь,

Надеть спасительные латы
Из безусловно умных слов,
На сердце выколоть две даты:
«Пришла любовь — ушла любовь».

А чтобы вновь не сдаться нави
И не прельститься миражом,
На незабытом крест поставить
Противотанковым ежом...

Крыжовник

Дом заброшен, и калитка заперта, —
Палисадом бы махнуть, да только вот
Там охранный пост колючего куста,
Что ни ягод, ни прохода не даёт.

Впрочем, нет, висят две ягодки, смотри –
Зеленеющий крыжовниковый взор,
Даже больше на глазище – целых три,
Как у старшей из Хаврошкиных сестёр.

Часто-часто в золотые вечера,
Подойв пришедших с выпаса коров,
Вслух читала тетя Маша, детвора
Притекала ручейком со всех дворов.

И дошкольная внимала молодежь
Страшной сказке про сиротское житьё,
А когда вели Бурёнушку под нож,
Начинались вопли, слёзы и нытьё.

«Что ж Хаврошка позабыла про глазок!», –
Волновалась ребятня вокруг стола.
На тарелке ждал крыжовенный пирог..
Неужели тетя Маша умерла?...

Что ты, что ты, дорогая, Бог с тобой!
Просто в город сыновья забрали мать...
Спи себе, один глазок, и спи, второй,
Ну а третьему, как водится, не спать.

Неперелётные

От города, что нынче хмур и бел,
На юг куда-то
По стаям незаметно улетел
Народ крылатый.

А птицы, что остались зимовать, –
Рабы кормушек;
Они сложили крылья-рукава
И ждут старушек,

У них на окнах заняли места,
Забыв про небо,
И просят ради птичьего Христа
Немного хлеба.

Они морозу, ветру и снегам
Во всём покорны,
И даже весел ежедневный гам
Над горсткой корма.

Что ж, может быть, мечта их такова –
Подачки в холод?
А может?.. Но остыла синева,
И путь так долог.

Александр Топчий
(Россия, Тульская обл., Новомосковск)

Лауреат специального приза «Приз симпатии» от члена оргкомитета конкурса и оргкомитета Музыкально-литературного салона «Шапировские вечера» Марины Шапиро.

Непринуждённо, раскованно и поэтично.... В этой подборке нельзя не порадоваться её свежести и глубине.

Характерные и характеризующие цитаты:

*«И журавли прилетят в мой разбуженный двор,
Будут смешно за осенний побег извиняться...
Здравствуйте, милые! Бросьте, о чём разговор?!
Прошлое – в прошлом, –
а жизнь продолжается, братцы!..»*

*«Бродяжит осень по дворам,
Смеётся, плачет и пророчит.
И выцветает синева,
И воцаряется багрянец,
И, торопясь, пока жива,
Прощально шепчется листва;
И беззаботные слова
Теряют лоск, теряют глянец...»*

В.Г.

Топчий Александр Васильевич

Свет мой...

Свет мой синий,
Первозданный,
Из небесной глубины!
Сквозь метели,
сквозь туманы
Мне лучи твои видны.
Зарубцуй на сердце раны,
Неподвластные врачам,
Свет мой синий,
Свет желанный,
Свет, поющий по ночам!..

Негасимый,
Одинокий,
Озаряющий мой путь,
Дай мне силы,
чтобы в строки
Жизни капельку вдохнуть!
Чтоб не просто рифмовались
«Кровь – любовь»,
«дрова – трава»,
Чтоб рыдали
и смеялись
В строчках русские слова!

Свет мой синий,
Свет мой дальний,
Безымянная звезда...
Разувериться не дай мне
В жизни этой
никогда!

И... пошли моей России
Вот таких же ясных лет,
Как и сам ты –
Тихий,
Синий,
Несказанно чистый свет.

Утихает тёплый ветер...

Утихает тёплый ветер.
Наступает тёплый вечер.
Повисает над заречьем
Тонкий серпик золотой.
И в рождающемся мраке
Алой искрой в чёрном фраке
На реке мерцает бакен,
Притворившийся звездой.

Долгий день пришёл к развязке.
Вечер скрадывает краски.
Вечер рассказывает сказки,
Вея русской стариной...
То ли пёс прозвякнул цепью?
То ли тройка скачет степью?
То ли скрипнул старой крепью
Штрек столетний подо мной?..

Синий вечер, тёплый вечер
Звёзд икру на небо мечет.
Мотыльковых стаек вече
Собирают фонари.
Всё привычно, право слово...
Только снова, снова, снова,
Вечным чудом очарован,
Промечтаю до зари.

И всплывает, всё пронзая,
Нежность к дремлющему краю...
Сторона моя родная,
Я – твой сын, от плоти плоть!
Я – полей твоих былинка,
Я – дорог твоих пылинка...

Дремлет русская глубинка.
Ты храни её, Господь.

Мой домовой

Август. Ночь. Опять не спится.
Ах, луна! Хоть волком вой!
Скрипнет в доме половица —
Верно, бродит домовой.

Он у нас — ночная пташка,
Как ему и надлежит.
Шебуршит, вздыхает тяжко —
Тоже мается, бедняжка...
Я не сплю,
И он не спит.

Неприкаянный, тревожный
Мне достался домовик.
Но в соседстве жить с ним можно:
Я привык,
И он привык.

Домовой стихов не пишет
(Выше этой чепухи!),
Но сидит неслышной мыши,
Даже, кажется, не дышит,
Если я пишу стихи.

Напишу... и вслух читаю:
Оцени-ка, мол, талант!
...Посопит, и повздыхает,
И молчком уйдёт в чулан...

А под утро, словно кошка,
Подкрадётся в тишине, —
И шершавая ладошка
Вдруг лицо погладит мне.

Из круга фонарного света...

Из круга фонарного света
Уйду, окунаясь во тьму.
Ещё продолжается лето,
Но мало осталось ему.

Рыжеют каштаны до срока —
Им осени поступь слышна...
Висит в небесах одиноко
Очищенной репкой Луна.

Стираются зыбкие грани
На стыках реалий и снов;
И шорох листвы на каштане
Понятней и значимей слов.

А если прислушаться, можно
Услышать, когда повезёт,
Звучащий легко и тревожно
Оставшейся жизни отсчёт.

Просто...

Просто осень. Всего лишь осень.
Просто тёплых ночей излёт.
Просто рыжим бродягой-лосем
Через чаши сентябрь идёт.

Просто в окна синееет вечер,
Или дождь отбивает такт;
Просто годы вцепились в плечи,
Как набитый свинцом рюкзак.

Просто время смотреть на звёзды,
Пересчитывать, как цыплят;
Просто мир так зачем-то создан,
Что ни дня не вернуть назад.

Просто стали длиннее ночи,
Просто ветра гудит гобой;
Просто грустно, что жизнь короче,
Чем хотелось бы нам с тобой.

Просто кто-то плеснул печали
В запах трав и твоих волос...
Просто в юности — так мечтали!..
Просто к старости — не сбылось...

В аллее парка сумрачно и сыро...

В аллее парка сумрачно и сыро:
и дождь прошёл,
и ветер — от реки...

Угрюмый бомж с ухватками кассира
считает на картонке медяки.
Он их пропьёт. Купил бы хлеба, сыра...
но он пропьёт. И, может, будет прав.

В аллее парка сумрачно и сыро.
Я прохожу, бомжу монетку дав.
Не жду ни благодарности, ни мата,
не вслушиваюсь в сиплые слова...

В аллее парка детством пахнет мята
и воробьи галдят, как пацанва...

...Зачем я здесь? —
ничейный и небритый,
палач и жертва собственной любви?..

Летит над парком голос Маргариты:
«Невидима!
Невидима!
Неви...»
Усевшись на скамейку (ждать Мессира?),
Курю уже четвертую подряд...

В аллее парка сумрачно и сыро.

И рукописи в памяти горят.

Сам виноват

Сам виноват. Не во всём, так во многом,
Сам виноват.
Всё по каким-то окольным дорогам
Шёл наугад.
В небо ночами смотрел до рассвета —
Ждал звездопад.
Выбрал звездой путеводной комету... —
Сам виноват.

Бедный Пьеро, заплутавший в тумане,
С музыкой в сердце и ветром в кармане,
Так и живу, неприкаян и странен —
Всё невпопад...

Чистые звёзды — когда-то и где-то —
Примут ли в горнее душу поэта?

Скажете, если не сбудется это:
— Сам виноват.

Городской сумасшедший

Городской сумасшедший,
бормочущий быстро, невнятно
На каком-то своём, не доступном другим, языке...
Мне, как всем,
даже просто смотреть на него неприятно.
Так зачем я шагнул
и к его прикоснулся руке?
И пустые глаза встрепенулись безумно-тревожно!
Но уже через миг улыбаясь,
как будто узнав,
Он с ладони моей карамельку забрал осторожно,
Пузырящимся ртом непонятное что-то сказав.

...Городской сумасшедший,
пожизненный гадкий утёнок,
Обречённый на плен в одиноком и жалком мирке...
Никогда не забуду:
мычащий, как будто спросонок,
Тридцатипятилетний
обиженный Богом ребёнок
Неуклюже и страшно танцует с конфеткой в руке.

Увижу?

В зомбояшике — футбол: ЦСКА.
В голове — каких-то рифм ерунда.
А в душе опять — такая тоска...
Не могу. Пойду. Неважно, куда.

Сколько хлопали меня по плечу:
Не грусти, мол, всё пройдёт, словно дым!
Жить устал... и умирать не хочу...
Надо было умирать молодым.

Закурю. Осенний дождик ругну
(Хоть всегда любил ночные дожди) —
Соберёшься раз повыть на луну,
Так за тучами поди, разгляди...

Позвоню: «Привет. Зайду — просто так?»
Друг не спросит ни о чём — он же друг..
«Заходи. В берлоге, правда, бардак —
Всё ремонт хочу... да вот — недосуг...»

...«Две «ноль пять» принёс. Пойдёт на двоих?»
«Ты же бросил...»
«Ничего. Наливай...»
А в глазах его — точь-в-точь, как в моих —
Застарелая тоска через край.

...А потом когда-то кончится дождь.
А потом когда-то станет светлей.
«Брат, пойду...»
«Да посиди.»
«Нет, хорош...»
«Ладно, брат. На посошок-то налей!...»

И в осенней ненавистной грязи,
Возвращаясь в опостылевший дом,
Буду глупо, неуклюже скользить,
Но держаться гордо (правда, с трудом).

И на продранном диване усну,
И увижу наконец — хоть во сне! —
Что не воют,
а поют на луну
Люди в Богом обогретой стране.

Элегия tutti quanti

Стал хмур и строг небесный храм.
Длиннее ночи, дни короче.

Бродяжит осень по дворам,
Смеётся, плачет и пророчит.

И выцветает синева,
И воцаряется багрянец,
И, торопясь, пока жива,
Прощально шепчется листва.
И беззаботные слова
Теряют лоск, теряют глянец,
Но обретают плоть и вес,
И бьются в горле,
венах,
пальцах!

И боль.
И даль.
И зов небес.
И ясен путь,
и жалок бес.

Но дышит в спину мой дантес,
Безжалостней неандертальца...

...А осень бродит вдоль дорог,
Простоволосая, босая,
На ветер золото бросая,
Не запасая грана впрок;
И журавлиная печаль
Пыльцой спадает с поднебесья,
И жизнь теряет равновесье —
Опять, again и noch einmal...

И скоро, скоро ляжет снег
На обмирающие пашни,
И кану, кану я вчерашний,
Как летописный печенег.

Но ал восток, и парус ал,
И чёрствый хлеб как будто сладок,
И есть отгадки у загадок,
И подле плахи — пьедестал.

ПРЕТЕНДЕНТЫ НА ВЫХОД В ФИНАЛ В НОМИНАЦИИ «ПОЭЗИЯ»

Никита Брагин (Россия, Москва)

Внимания эта подборка, безусловно, заслуживает. За восточные мотивы. За общую культуру стиха.

Характерные и характеризующие цитаты:

*«Поэзия — единственный ответ
векам и хаосу. Сложи мне танка,
прекрасную, как рыба-серебрянка,
а я сейчас прочту тебе сонет...»*

*«Где ум свободен? На странице книги.
Приходишь там к любому рубежу,
на улицы Шанхая, Дели, Риги,
в любое время...»*

*«Руси малиновый покров,
рассветный окоём
над ветхой плесенью миров,
в которых мы живём...»*

В.Г.

Брагин Никита Юрьевич

В ясном небе

В ясном небе стаю голубиную
удержать на миг и навсегда,
и коснуться жаркими рябинами
голубого тающего льда,
тонкий холодок осенней горечи
ощутить в росистой седине,
миновать и полчища, и сборища,
чтобы быть с тобой наедине.

А потом раскинется над городом
тёмный плат холодного дождя,
и машины понесутся ордами,
масляными пятнами следя,
и, расплывшись радужными лужами,
хлынет на асфальтовую хмарь
неба золотеющего кружево,
солнца застывающий янтарь.

Вот когда и стерпится, и слюбится —
осени шумящие крыла,
листопад, гуляющий по улицам,
провода последнего тепла...
Падают, печалую и радуя,
смех и слезы наших юных лет
на Москву, расцветенную радугой,
словно швабры Зверева портрет!

* * *

О, как тогда хотелось вырасти
и встать, отряхивая голову
от нашей плесневелой сырости,
от неба, тусклого, как олово,
и жизнь, пустую и случайную,
смести, как пепел, как песок,
как старую заварку чайную
смывает свежий кипяток.

И как сейчас жалеешь прошлое,
пришедшее не по возрасту, —
все эти зёрна непроросшие,
просыпаные в мусор, попусту..
И ангел горько улыбается
над нашей мышью суетой,
а снег все валится и валится,
сырой, хлопчатый и густой...

Морозной зимой

Вельможная щедрость морозной зимы,
роняющей белую шубу
на кладбищ квадраты, на свалок холмы,
на ржавые рельсы и трубы...
Захочешь — исчисли её январь,
сумеешь — о звёздах её говори,
разжав посиневшие губы.

Не слышит она разговоров людских,
не помнит она пустословий,
присыпет порошей и эти листья
опавших страстей и любовей,
а сердце стучит всё сильнее и сильнее,
туманится свет городских фонарей,
а тени в снегу всё лиловей.

Спешу что есть силы, молюсь на ходу,
вдохнув обжигающий иней,
смахнув со слезами ночную звезду,
пропавшую в снежной перине...
Как бабы и крепости детской поры,
во прах ледяной разлетелись миры,
развеялись пылью в пустыне.

Исчезли, умолкли и вновь родились
узлами стихий и созвучий!
Взываю из клетки — творись и продлись,
мой выкрик, мой приступ, мой случай!
Моё заблуждение, звонкая ложь,
мой старый червонец, затёртый, как грош,
мой воздух, и льдистый, и жгучий...

Ангелы

Белеют ангелы на кладбище
за древней крепостной оградой,
деревья сбрасывают рубища,
везде бессилие распада.
Идешь — чем далее, тем глуше,
во мху гранит и кирпичи,

и тишина пронзает уши,
хоть во весь голос закричи.

Кому кричать? Здесь только ангелы,
да и от них ты отгорожен.
Так вирус из прозрачной ампулы
к живому вырваться не может.
Осталось только ждать и слушать,
как веют крылья за стеклом,
так посреди великой суши
вдали угадываешь гром.

И веришь ангельской гармонии,
которая в столичном гаме
рассеется — лишь только тронь её
неосторожными руками.
Молчишь, и кажется, что дышишь
сырой кладбищенской землёй,
и на душе всё тише, тише,
и всё угадано зимой.

Рогожская застава

На трамвае гремящем до самой Рогожской заставы,
мимо серых градилен и чёрных проталин в снегу
я поеду, поверьте, не ради забавы,
но зачем, объяснить не могу.

Что-то тянет уехать дорогой, усталой, как совесть,
в чёрно-серый пейзаж обнажающей струпья весны,
просто тянет и тянет без всяких условий,
словно старое чувство вины.

Словно ждёт меня что-то на этом смиренном кладбище, —
измождённая верба, рябины надломленный ствол,
словно губы мои безутешная ищет,
прошептав: «Наконец ты пришёл».

Словно кто-то поёт все далече, все горше и выше,
словно кто-то рыдает в ночи на пустом берегу.
Я все ближе иду, все отчётливее слышу,
но увидеть еще не могу.

Блины

Блины — это символ медового жаркого лета:
полуденный зной кипятит облаков молоко,
желток разлетается каплями ясного света
и в масло полей утекает легко.

Но странное дело — на солнце блины не похожи
ни чуточки, разве что круглой, по циркулю, формой.
Однако кругла и луна. Ноздреватую кожей
она на оладью похожа — бесспорно!

И если подумать — блины и оладьи вкуснее
под вечер, когда разгорается в небе луна,
и дальний закат в облаках постепенно темнеет,
и свечи горят, и в душе тишина.

И в жарких блинах отражается ласковый отсвет
угасшего солнца, ушедшего лета, увядшего сада,
огонь поминания, тающий в пепле сиротства,
вечернего чая покой и отрада.

Вечерняя память о самом простом и высоком
в небесную свежесть ушла теплотой земляной,
и лунное тесто пронизано солнечным соком,
румянится на сковородке ночной.

Бергман

Ах, мистер Бергман, жизнь проходит
не наизусть, а навсегда,
трубят на рейде пароходы,
гремят по рельсам поезда.

На фоне праздничной Ривьеры
в полнеба плавится закат
и красит волны в цвет мадеры,
созревшей сотню лет назад.

А действие идёт к финалу,
но не становятся новей
ни блиц огней, ни звон бокалов,
ни шелест пальмовых ветвей.

Ах, мистер Бергман, дух и тело
останутся, как ни смешно,
видением на черно-белом
экране старого кино.

На нём всё горестней и ближе
истории, которых нет
ни в Касабланке, ни в Париже,
ни в комнате, где гаснет свет.

И режиссёр уже не волен
спасти любовь, развеять грусть...
Кино подобно старой боли,
запечатлённой наизусть.

Масляный шарик Кришны

Увидев Кришны шарик масляный
(гранита глыбу на граните),
его раскачиваешь мысленно
планетой на прозрачной нити,
и небосвода хрупкий колокол
вздохнёт ответным гулом бронзовым
и треснет, рассечённый молнией,
и вспыхнет огненными розами...

А рядом, на гранитной плоскости
(на русской горке ледяной...),
детишки, соревнуясь в ловкости,
разглаживают шар земной.

* * *

От острова Пи-Пи до острова Кхе-Кхе
по золотым пескам и рощам тамариска
под мерный шум валов пропрыгать налегке,
и никаких забот, и счастье близко-близко,
и бесконечна даль, и влажен горизонт,
и тени облаков, как полусон летящий
над пеной тёплых вод, и кажется всё чаще,
что учишься дышать с приливом в унисон.

Глядишь в полуприщур на белопенный риф,
где, кажется, вчера смеялись лотофаги,
и собственная жизнь, как этот сладкий миф,
рассказана волнам и не нужна бумаге,
и ты, как Гулливер, распластан на песке,
вокруг тебя следы и норки лилипутов,
на долгие часы растянуты минуты,
и океан сокрыт в каури на руке.

Сейчас и навсегда – ты молод и влюблён,
ты дышишь и живёшь бездумно и бесстрашно!
Так дети на песке возводят Вавилон,
висячие сады, ступенчатые башни,
так пляшет на волне бумажный галеон,
идя на абордаж кокосовой скорлупки,
и крабик-Одиссей в своей кирасе хрупкой
спешит, блестя клешней, в поход на Илион.

Андерсен

Ах, мой милый Андерсен,
нам ли жить в печали?
Будь со мною радостен,
светел, как хрусталик –
песенки фонариков,
болтовню цветов,
как когда-то маленький,
слушать я готов.

В нашем мире муторном,
плоском, как татами,
дорожа минутами,
мы сорим годами...
Пирамиды рушатся,
звёзды сочтены,
детскими игрушками
мусорки полны.

А душа всё тянется,
а душа стремится,
всё ночует, странница,
на твоей странице.

Встретит зорьку раннюю,
тихо слёзы льёт,
словно в сердце раненом
тает колкий лёд.

Ах, мой милый Андерсен,
как ты стар и сгорблен...
Нам же не по адресу
сумраки и скорби.
Нам бы звёзды синие,
языки костра,
нам бы соловьиные
трели до утра...

Нам травой некошеной
надышаться в поле,
неразменным грошиком
наиграться вволю...
Всё пройдет, мой Андерсен,
всё уже прошло –
тает нежным абрисом
светлое крыло.

Анатолий Болгов (Россия, Санкт-Петербург)

... Интересные поэтические ходы и незаезженные рифмы.

Характерные и характеризующие цитаты:

*«Во мне росло либидо тёплых слов,
Но тяга эта сыпалась в печали.
Росло и зло под рёв тупых ослов,
Когда они беду со мной венчали...»*

*«Ты в зрачках от зноя карих
Звёзды медленно качала...»*

*«Напомни, царица, как радостно пахли
Соцветья черёмух в речах соловьиных...»*

*«Протянуты нити железных дорог
В оазисы неги и благ...»*

Анатолий Болгов

Жук-олень в благословенной Кубани

Пью отраду летних дней, травяной настой тепла.
Я отравлен, я на дне, обожжённый в зеркалах.
На столе вода со льдом — ностальгия по зиме.
Охлаждаю знойный дом, остужаю прорву змей.

По обрыву я скольжу, кровью пачкаю траву.
В сигаретной пачке жук, лань-олень, рогатый звук.
На хитоне у жука отразился Млечный Путь,
Божий огненный рукав обнажает смерти суть.

Свет сжимается в кулак, обжимает сердце тьма,
Засыпает чёрный флаг звёздной пыли кутерьма.
Засыпает жизни лён, застывают перья птах,
Улетает жук-олень, унося на крыльях страх.

Улетает за Кубань, где ночует Армавир.
Словом прыгает губа и знобит стихом тот мир,
Где казак и армянин успокоились трудом,
Где на пахоте равнин обустроен общий дом.

Где туман идёт из рек, укрывая пыль степей,
Где мой дедушка изрек: «Чаше пой и реже пей.
Будь вынослив до седин. Будь опорой для детей.
Для людей-то Бог один — он в душевной доброте».

Золотые те слова снова блещут новизной,
И светлеет голова, несмотря на летний зной.
Голошение цикад, рокот чёрного жука
Повторяют нужный лад. Светом полнится строка.

Остров Корфу

Ночно, денно, утрени, вечерне
Море лижет в Корфу берега.
Звёзды светят сквозь колючки терний,
Сквозь потёмки боли и греха.

Здесь таится чудо Спиридона
И полощет космоса рукав.
Далеко отсюда берег Дона,
Где в полыни прячется закат.

Бриз ласкает камешки на пляже
И песком неслышно шевелит.
Скоро луч со мною рядом ляжет,
Заискрятся брызги на мели.

Солнце ленно вычернит в плечи,
Чуть зевнёт, уйдёт за облака.
Как узнать, чем время душу лечит.
Может быть, любовная рука?

Может, свет и волны Ахарави,
Может быть, молитвенная речь?
Бог-то знает, но сказать не вправе,
Чтобы тайну смерти уберечь.

Ночь нежна, и ветер тих

Любимой жене

Ночь нежна, и ветер тих,
За порогом — звёздный бисер.
Выходи, кто взаперти
Ждёт от Бога новых писем.

Тот, кто часом занемог,
Окупись в цикадном лете,
Открывай немой замок,
Что висит в душевной клетки.

Сад притих, он чист и сух,
Но придёт с рассветом влага.
Выходи черпать росу —
Капли светятся для блага.

Босиком войди в траву,
В аромат цветной и свежий...
Я тебе стихов нарву
Самых стойких, самых нежных.

Будет день, и в жёлтый зной
Грянет ливень духом горним.
В наших душах, как весной,
Песни пустят цвет и корни.

Этот мир сотворён для тебя и меня

Милой жене

Этот мир сотворён для меня и тебя
У истока единых мечтаний.
Посмотри, как об этом деревья трубят,
Облака опускаются в танец.

На призывы любви перелётных грачей,
На журчанье ручьёв из проталин
Откликается встреча и губ, и очей,
Отзываются светлые дали.

Ты — живая вода из капли весны,
Будь обласкана словом и делом,
По цветочным лугам и полянам лесным
Мне с тобою идти захотелось.

В городской суете у сведённых мостов
Преклоняю в порыве колени
Перед женщиной света в судьбе непростой,
Перед той, что для жизни явленье.

По кругам и разводам от вёсельных слёз
Мы плывём, понимая друг друга,
Будет март и апрель за любым февралём,
И тому наше счастье порукой.

Ты и дочка, и мама, и звуки ключей
На замке, в роднике и приборе.
Если грянет волна, то на Ноев ковчег
Я пойду только рядом с тобою.

Слушая молитву

*Светлой памяти
Александра Георгиевича Флярковского*

В былые годы мама и отец,
А с ними я, молиться не умели,
Но кровный стук родительских сердец
Качал меня в молитвенной купели.

Нас осеняла бабушки рука,
И крест светился под небесной кровлей,
Но я уехал истину искать
Да пропитался горечью и кровью.

Запомнил голос: «Господи, прости!»
Под шелест юга у плакучей ивы...
Дано мне было в радости расти
Среди людей по-божески красивых.

Но я ушёл и предал заодно
Любимый край труда и славных предков.
Теперь мне дождь молитвой за окном
Тревожит совесть памяти нередко.

Лавинный ливень истинно правдив,
Потоки хора размывают грузы,
И ты живёшь под Господом один,
Стоишь и чуешь крепнувшие узы.

В моленье том, где каждый век скорбит
Для уменьшенья боли расставаний,
Летит Земля по лучшей из орбит,
Купая души в праведной нирване.

Молитва та у тысячи свечей,
Что создал Бог и Композитор Божий,
Уносит в космос слёзы из очей,
Морозом веры глядя наши кожи.

Прости, отец

Светлой памяти моего отца

Стояла в жилах оторопь вины,
Застыли пчёлы в ужасе гудений –
По нашим нивам, а не по иным,
Брела война не в облике видений.

Глотала бездна слёзы у старух,
А в юный ум бросала семя мщений,
Прошла беда разрухой по двору
Без снисхождений, как и без прощений.

Тебе двенадцать в сорок первый год
Ещё от чёрта дюжиной не стали,
Как ты познал от горя мёртвый код
И запах гари от глумливой стаи.

Два года зла под властью немчуры,
Три лета глада в зное выживаний
Прошли под знаком адовой игры,
Купая души в горестной нирване.

Росла война. Победная цена
Алела кровью над полями жизни.
Росла седая прядь у пацана,
Как серый снег на юности Отчизны.

Прости, отец, что смог я прорасти
В развал страны с границей в общем поле,
Что свой талант расплавил в нудный стих
И вылил этот шлак обузой боли.

Прости меня за огненный Донбасс,
За то, что по наивности воспеты
Не те, кто жизнь своею смертью спас,
А те, кто холил хворь в своих куплетах.

Прости за то, что смог я допустить
Разрыв на части знамени Победы.
Прости, батяня. Дедушка, прости
За это зло и будущие беды.

Миллионы моих украин

Через гвалт воронья
До тебя не пробиться без крови,
Без тупого вранья,
Что в любви не желал и врагам.
На задворках небес,
У корыта для слёзного рёва,
Ухмыльнётся мне бес,
Через солнце просунув рога.

Отупею на миг,
Но навеки тебя заревную,
Зареву сотней СМИ,
Обрекая молитвы на рык.
Ветром сядет на Днепр
И на пойму его залившую,
Мой измученный нерв
И душой перегретый нарыв.

Может быть, дотянусь
До косы, до руки, до плеча ли,
Через плесень и гнусь,
Что разлиты в майдане руин.
Обниму острова
В океане вражды и печали
И приму все слова
Миллионов моих украин.

Солнечный мальчик

Ветер блужданий, судьбой озабоченный,
Пыль на дороге закручивал венчиком,
А на развалинах дня за обочиной
Вечность пружинила крылья кузнечикам.

Время звенело стальными монистами,
Месяц и звёзды звучали цикадами
И заливали молитвой неистойвой
Ночь, что стучала мечту над закатами.

Ягоды с неба одежду кровавили,
Пели об устье, что мною не пройдено,
Пели о грусти, надежде и славили
Веру в любовь, что с корыстью распродана.

Если бы мне обратиться тем облаком,
Тихо оплакать печали безумные,
А на рассвете прийти в новом облике
И прикоснуться к вам ветренным зуммером.

Будет росой и цветами умаслено
То, что казалось в пустотах запальчивым
И колыхалось на шторах напраслиной, —
Я приласкаю вас солнечным мальчиком.

Жук в кофейно-поэтической нирване

На глади асфальта скитаний, в изгибах фонарных ужей
Дождями глумится мой танец и гонит прохожих взашей.
Запрягался в тёмном алькове размерами с пуговку жук —
То я прихлебателем кофе в полночной кафешке сижу.

Жую пахлаву на страницах своих ненаписанных книг,
Мечтаю, быть может, приснится корабль, несущий огни
По волнам пяти океанов, по зыби любви и надежд....
О Боже, в плену ураганов хотя бы мечтою утешь.

Ссуди в испытаниях мифы и грозный грифоновский рык,
Я тайное золото скифов верну в разворованный Крым.
Даруй с позолотами рощу над горем забытых крестов,
Где шорох блуждает наощупь, лаская молитвы листов.

Меня осени и побалуй качанием мачты и рей,
У скрипа надстроек и палуб в любви сохрани и согрей.
Пролёты на Синем и Львином позволь много лет измерять
И с городом грёз пуповину во веки веков не терять.

Мне невкие духи пророчат казанскую острую жуть
И чёрными нитями ночи плетут паутины ажур.

Вливают в прощанье прощенье, в прощенье обрывки газет,
В которых и пафос, и мщенье уходят подтиркой в клозет.

Прощаюсь и в полночь прощаю подвалы бомжей и сирот,
Где воздух ключами вращает личины у райских ворот.
Пора уходить от причала и дуть, что есть сил, в паруса.
Прощаюсь, а жизнь прокричала: «Постой, подождут небеса».

И ветер последний прощению станет сродни

Незримое счастье, что так соловьями ловимо,
Лавиной снегов покатилося по памяти вниз:
Со свистом и гиканьем детство проносится мимо,
Кривляются мимом когда-то родные огни.

Проси не проси, но прощанье погибнет в болоте,
Истому свиданий не ждут времена впереди.
Остаток от жженья накрою стихом в позолоте,
Осыплется он и химеру от страха родит.

Прощаясь, прощаю тебя на условные сроки.
А хочешь, у вечности миг для любви попрошу?
Осталось отдать соловью антикварные крохи
И воплями песен раскланяться для куражу.

Пращу раскручу и до радуги выпущу камень,
Негоже унынием красить последние дни.
Спокойно вздохну и на выдохе вымолвлю «Аминь»,
И ветер последний пощёчине станет сродни.

Алексей Дёмич (Украина, Днепродзержинск)

Неплохо...

Характерные и характеризующие цитаты:

*«Я убил бы того, кто придумал любовь,
Если б вдруг он её не придумал!..»*

*«Рифмы! Вновь листается
Листопада книжища...»*

*Осени – скиталице
Вдохновенно пишется!..»*

*«Зимний вечер за оконцем,
Раскрывая чёрный зонт,
Уронил небрежно солнце
За продрогший горизонт...»*

Дёмич Алексей Александрович

Зимний трамвай

Бежит трамвай по рельсам
Зелёный-презелёный.
Он – молодой повеса,
В свой городок влюблённый,

Где шпал ряды – ладами.
И под пурги фанфары
Он каждой встречной даме
Подмигивает фарой.

К мечте сквозь снег белёсый
Мчит в день солнцеворота
И о весне колёса
Поют на поворотах...

Старушек пропуская,
Звонком пугая кошек,
Он зайчики пускает
Из всех своих окошек.

И дворник дядя Сеня
С метлой, в фуфайке ватной,
Сказал: «Какой весенний,
Какой неадекватный!»

* * *

*«То пятое время года,
Только его славословь,
Дыши последней свободой
Оттого, что это любовь!»*

А. Ахматова

Я убил бы того, кто придумал любовь!
Я убил бы того иноверца,
Что на радужке мира в кайме голубой
Нацарапал гвоздём контур сердца!

Жаль – по лестнице дней не вернуться назад,
Разве память нахлынет волною,
Синь в глаза, прочь слеза, вновь бушует гроза
Над весной молодой, шальной,

Вновь безумием дышит ночная метель,
Вновь мурашки по коже средь лета,
И Отелло сорвал дверь входную с петель,
И опять умирает Джульетта,

И опять полрайона от шума не спит –
Всё любовь – в сплетнях, в бреднях ли, в броднях,
Но изобротом ревет восхищённый пиит,
И бренчат пацаны в подворотнях

Всё о ней об одной, только зря это, зря –
Ей не стать пятым временем года,
Неспроста изукрасилась кровью заря
И мальчонку изводит икота...

Это к горю – тебе каркнет ворон любой,
И приметы твердят – на беду, мол!
Я убил бы того, кто придумал любовь,
Если б вдруг он её не придумал!

Притоку Днепра реке Самара

Месяц над Самарою
Кляксою лимонною.
Над протокой старою,
Как перед иконою,

Ива одинокая
Сватъей златорунною...
Слышно, за осокою
Плачет мавка юная.

Ей под сенью ивовой,
Обернувшись колпицей,
Ждать да несчастливого,
Что в ночи торопится —

Не её ли суженый? —
Тропкой мимохожею...
По воде простуженной
Рябь гусиной кожею!

Пусть судьба-обманщица
Бродит замарашкою,
Лишь октябрь расплачется,
По спине мурашками

Рифмы! Вновь листается
Листопада книжица...
Осени-скиталице
Вдохновенно пишется!

И дотоле в радость стих,
В сладость жизнь, доколе нам
Небо для пикантности
Звёздами посолено

Круто, чтобы вербовой
Венчанный тиарою,
Рдел печатью гербовой
Месяц над Самарою!

На смерть поэта

Печальна участь мудреца,
Чьё сердце жжёт огонь бесовский...
Поставлю подпись: «Маяковский»
И — «Ламца-дрица, гоп-ца-ца».

Но несравненно тяжелей,
«Сойдя с резьбы» на женском теле,
Со стервой спать в одной постели...
И понимать, что фалалей...

«Гони её и дьявол с ней!» —
Твердят друзья. Молчу, краснея...
Со стороны всегда виднее,
Но изнутри всегда больней!

Коль знаешь мир как дважды два,
Он превращается в репризу,
В спектакль — и никаких сюрпризов,
И никакого волшебства!

И мне взлететь бы, но над кем?
Апрель... А я сорвался в осень...
Нет, не мудрец, видать, я вовсе,
А Щен на жёстком поводке!

Пусть трон на совести матрон,
Пускай другие нынче в моде,
Я — был и есть ещё в природе,
Пока молчит в стволе патрон...

Осиротеет ныне Май,
И, как забыли Окна РОСТА,
Забудут нас легко и просто!
Есенин, гостя принимай!

К чему бессмертье отрицать,
В похмельях мутных зависая?
От боли мудрость не спасает,
Печальна участь мудреца!

Что из того, что мы не победили

*Что из того, что мы не победили,
Что из того, что не вернулись мы...*

И. Бродский

Когда нас давили в грязь траками,
Увечили, резали, жгли,
Пришурясь, с косою и в саване
Плясал сорок проклятый год.

А в даях родных наши женщины,
Казённый конверт получив,
Рыдали, царапая пальцами
Постылого неба бельмо...

Но вождь со стены мудро шурился,
И шли эшелоны на фронт,
Когда коммунальной могилою
Списались все наши долги...

Наш выбор меж боем и вечностью
За нас сделал кто-то другой.
Стреляя, никто нас не спрашивал,
Желаем ли мы умирать.

И сыпались спелыми звёздами
В кровавые травы сердца,
А мы через жизни распятие
Пройдя, научились прощать,

Прощать и молчать в несогласии
С чугунной обычностью войн,
С парадной медалью посмертностью,
С неожиданным давлением земли...

Так что ж досаждают глупой жалостью,
Оставьте её для себя.
У мёртвых одно преимущество —
У нас смерть уже позади!

Естественный отбор

В дыму таверны быстро тает
Интеллигентности печать:
Поэт Джо Смитт стихи читает,
Стараясь всех перекричать.

Но испокон врагов хватает
У авторов стихов плохих.
Вдруг выстрел... Все на миг смолкают:
Ну наконец-то Джо утих!

Бумаги лист, залитый кровью,
Сжимает мёртвая рука,
И пьёт таверна за здоровье
И за рецензию стрелка....

Кому свинец, кому-то ножик,
Кому-то плаха и топор....
Да просто у поэтов тоже
Есть свой естественный отбор!

Жизнь-карусель круги мотает
И где-то вновь наверняка
Плохой поэт стихи читает,
И к кольту тянется рука!

Примета

Еду порыжею
Дряхлой электричкою
В глухомань замшелую.
И пускай напичкана

Разными приметами
Память, но диванная
Скука беспредметная —
Это к расставанию.

Пусть злой рок в агонии:
Сбудется — не сбудется.
Выйду из вагона я,
Чтоб шагнуть в распутицу,

Как в своё спасение,
Чтоб забыть до вечера
С моросью осеннею
Сутолоку вечную

Да столбы костыльные,
Что в витринах кривятся,
Просто опостылела
Роскошь ярких вывесок.

Мне б туда, где простенько,
Мне б до полустаночка,
Где погуще сосенки,
Только шов изнаночный

Городского бдения —
Пресека нежданная
Рушит исполнение
Моего желания

Побродить тропинками
Там, где глушь полнейшая,
С думушкой, дробинкою
В голове засевшю,

Что душа славянская
С шумом леса стачана...
Листопадной краскою
Ей теперь назначено

Расстлать грусть простынью
Да качать макушками...
Отольются осенью
Слёзоньки кукушкины!

Жизнь окаянная,
Ты на что потрачена?
Пеплом покаяния
Кружит листьев ржавчина...

Сгинь, тоска кабацкая!
Вот слеза осенняя
Умерла на лацкане —
Это к воскресению.

Небосвод — рогожею,
Облака — заплатами,
Над тропой заросшею
Проводов заплаканных

Зачарует скрипица
Рошу грустной сказкою,
Как с берёзы сыплется
Золото цыганское.

И с мощной порожнею
Вновь к цивилизации
Поверну. Но тошно мне
Даже признаваться, что

Там, в пространстве вспоротом,
Жгут досады свечи и
Суета ждёт в городе
Страсти человечии.

Я с надеждой слабою
Обернусь — в смущении
Ёлка машет лапою —
Это к возвращению!

Визит музы

Чертил на стёклах зайчик кренделя,
Когда я мыл трюмо, от мух рябое.
Не узнавая нашего жилья,
Глядели прусаки из-под обоев
Испуганно — мол, сбрендил я!

А я сгрёб хлам из штатных закутков,
И стёкла окон выдраил с газетой,
Незнамо как набив при этом синяков,
Впустил с утра на пол квадраты света
И разогнал всех пауков.

Всё началось с того, что куманёк —
Поэт, хозяин лысины и пуза,
В трусах зайдя, изрядно хмельненёк,
Сказал, что обещала нынче муза
Ко мне зайти на огонёк.

Для музы я затеял канитель:
Салаты, рыба, с яблоками утка,
По центру в ряд на выбор мускатель,
И, хоть затеял праздник для желудка,
Сменив бельё, перестелил постель.

Свеча горела и ломился стол
От блюд. Бил в берег злобно, неустанно
Прибой. Я был готов дать рупь за сто,
Что дама не придёт уже. Не стану
Пиитом я. Да ну и что!

Я пил вино, с крыльца плевал в волну,
И море грозно брызгало слюною...
Сквозь гром и молнии, и тишину
Фемина вдруг возникла предо мною...
И я не плюнул, я сглотнул

Слону, ведь взгляд её пенял
За то, что я худой и облысый,
Что ни машины нету, ни коня,
Но сквозь хитон сосков её прицелы
Глядели хищно на меня!

Грудь будоражили её духи:
– Не муза это, а модель «Плейбоя»!
Неужто все поэты – «лопухи»?:
Когда такая женщина с тобою,
Какой дурак строчит стихи?!

Я – не дурак! И я не отпустил
Её. Пусть клином свет в свечном огарке,
Пускай умрёт будильник до шести,
И ночь распутная шептала жарко:
– Ещё! – сжимая нас в горсти.

Теперь готовлю по утрам омлет –
Её любимый. И варю ей кофе.
Поэтам дам по-дружески совет:
Пишите днём! Её прекрасный профиль
Вам ночью больше не увидеть, нет!

* * *

Грузчик матом бочку кроет,
Что не катится с бугра.
Что ж, у грузчиков порою
Труд не ладится с утра.

Бочка думает: «А зря я...
Я и вправду не права,
Ведь детишки повторяют
Нехорошие слова...»

И душой своей смутьянской
По камням грохочет вниз...
Так работает славянский
Убежденья механизм.

Крещенский синтаксис

Над снежной синевой полей
Повис гул электрички,
И спелый месяц, дуралей,
Опять вмёрз в звёзд кавычки.

В небес скрипучую кирзу
Посмотрит, протестуя,
Лишь путник где-то там, внизу,
Ссутулясь в запятую.

Мир одиночеством пропах...
Сыпь следа многоточье,
Ведь леденеют на губах
Слова крещенской ночью!

Иль ты грехами оплатил
Архангелов с трубою
Под тяжкой поступью светил,
С распятою судьбою?

Но ты её благодари –
Святой ли, виноватый –
Коль видеть можешь, как зари
Кровоточат стигматы,

Коль снега синяя крупа
Не замела глазницы...
Треши, востока скорлупа
Под натиском зарницы,

Зажги тире средь стрел вразлёт
Под зябкой зыбкой ризой,
Рви горизонты переплёт
Под свист позёмки сизой!

Чтоб столб фонарный — дня костыль —
Вонзился в пуп Вселенной,
Чтоб восклицанья знак застыл
В сугробе по колено.

Ведь он дошёл! Беснуйся, зверь!
Мороз! — Так осрамиться!
Поставит точку — хлопнет дверь,
Перевернув страницу...

Татьяна Жилинская (Беларусь, Минск)

...Стихи, составляющие эту подборку, выглядят равновесными, развивающими общую тему. Тему утекания времени, одиночества человеческого сердца. В них много пронизательных психологических наблюдений, точных поэтических находок.

Характерные и характеризующие цитаты:

*«Слава богу — не приехал, не увидел, не обидел.
Не оставил без надежды. Не случилось, не сбылось.
На неделю смело можно позабыть про образ гида,
Можно, словно дикой псине, бросить сердцу эту кость,
Что еще я интересна...
Привлекательной походкой,
Не по возрасту нарядом, разговором ни о чем...»*

*«Из-под сколов и обломков время вылезло наружу.
Беспокойной мелкой дрожью память ёжилась, ворчала.
Я всего лишь чищу кружку, я всего лишь мою кружку,
Допотопную жестянку, у которой нет начала...»*

*«Что с неё мне — память детства, пальцы бабушки и мамы.
Пар, нависший над землёю, злость воды, в огонь попавшей.
И колодец по соседству, самый чистый, самый, самый...
Сок березовый, слезою на кривое днище павший...»*

*«Простите ноты, простите слёзы.
Дурацкий слоган и примитив.
Мельчает осень. Шумят березы.
Опали листья —
одна... один...»*

В.Г.

Жилинская Татьяна Геннадьевна

Невстреча

Тлеет пятном аляповатым разнесчастно хмурый золак,
Рожи корчил грязный постер под влиянием ветров.
Сквозняки по переходам щекотали сонный город,
Просыпались банкоматы, глупо фыркало метро.
Осторожно крались тени чьих-то вкрадчивых эмоций,
Пряча лица, пряча взгляды, запихнув себя в пальто.
И рассасывались кольца заводского злого смога.
В них ругались чьи-то жены на неряшливость авто.
Я пошла на эту встречу, захватив с собой обиду,
Неуверенность улыбки, неприкаянный смешок.
Пару капель валерьянки... Макияж для супер вида.
Три-четыре поцелуя и коньяк — на посошок.
Слава богу, не приехал, не увидел, не обидел.
Не оставил без надежды. Не случилось, не сбылось.
На неделю смело можно позабыть про образ гида,
Можно, словно дикой псине, бросить сердцу эту кость,
Что еще я интересна...
Привлекательной походкой,
Не по возрасту нарядом, разговором ни о чем.
Просыпаясь, сонный город кое-где лечился водкой
И пытался строить планы постсоветским кирпичом.
Зашивал свои карманы, расширял свои границы...
Сочинял свои кошмары и кошмарно пел о том,
Что всю ночь метались кони, на конях скучали принцы.
И дразнился рванный постер языкатым лоскутом...

Кружка

Из-под сколов и обломков время вылезло наружу.
Беспокойной мелкой дрожью память ёжилась, ворчала.

Я всего лишь чищу кружку, я всего лишь мою кружку,
Допотопную жестянку, у которой нет начала.

Кем, когда, зачем и сколько? Где ответы на вопросы?
Чем измазан бок, перловкой, или да — кусочком сала?
Чем пахло — чаем, водкой, может, медным купоросом?
И кого она от пули скользким краешком спасала?

Что с неё мне — память детства, пальцы бабушки и мамы.
Пар, нависший над землёю, злость воды, в огонь попавшей.
И колодец по соседству, самый чистый, самый, самый...
Сок березовый, слезою на кривое днище павший.

Миг игры, в которой мячик должен ей сказать спасибо.
И костер с гитарой юной, и поэт, влюблённый в мяту.
И советские поездки — стройотряды по Турксибу.
И рюкзак простого кроя, в сколиозе виноватый.

Белый цвет, под запах хлора полувнятные улыбки,
И зубовный гадкий скрежет о края моей бедняжки.
Шум в ракушке, бриз, «Боржоми».
«Не скучай» — с морской открытки.
Позабывтый после детства добрый дух молочной кашки.

Я её отчищу всё же — подождёт посуды племя,
Вид для свалки, он абсурден в современной амплитуде.
Ведь по сколотой каёмке здесь моё застыло время.
Я не знаю про начало, но при мне... конца не будет.

Одинокое

Стучится дождик — мельчает осень,
Взывает тихо погодный штамп.
На этом фоне мелькает простынь,
Почти кулиса балконных рамп.
Сыреет воздух — стареет липа
Замёрзли ветки — а в них душа.
Мотив небрежен — бемоль и всхлипы.
Тональность та же — не антраша.

Не разбирает в карманах цапки,
Не раздувает порывы щёк.
Играет кто-то не по-кабацки,
А так, что ноет легонько бок.
В районе слева, под пятым с краю...
Допью, простите — пора домой.
Возможно, позже — он доиграет...
А нынче воздух глухонемой
Калечит горло, чуть намекая,
Про лигатуру и мундштуки:
«Не будет ада, не будет рая,
А просто осень». И не с руки
Срывать с верёвки бельё растяпы.
Метаться птицей сквозь полумрак.
И слушать, словно и через клапан
Гудит: «Простите осенний брак».
Простите ноты, простите слёзы.
Дурацкий слоган и примитив.
Мельчает осень. Шумят березы,
Опали листья —
одна...
один

Миг падения

Нельзя её спасти — и падает в ладони
Бескрылым мотыльком наивная мечта.
Чуть-чуть знакомых нот в ранимом баритоне,
А дальше — легкий вздох...
И снова суета
Предвыборных столиц, пропущенных вокзалов,
Приличных пантомим и неприличных слов...
Её нельзя спасти, прости, она упала.
Оставив о себе обрывки сладких снов.
О том, что лишь с тобой...
И там, где ты беспечен...
И там, где ты смешной,
И там, где только ты...
Притих внезапно мир простых противоречий,
Стремясь запомнить миг падения мечты.

Лучший город на земле

Лучший город на земле, ты – рассеянно-счастливый
Под кофейные мотивы в подгоревшем миндале.

С терпким запахом любви, нежным звуком поцелуя.
Чуть заманчиво блефуя, ручейка манит извив.

Полутени на песке многосложной суетою,
Островная стайка соек, шум фонтана вдалеке.

И крылатые дворы кипячёным цветом вишни...
Милый мой, смотри, мы вышли на полянку грустных крыш.

Вспыхнул ранний соловей под скульптурные приправы.
Где-то здесь, во всём неправый, Марк терял своих друзей.

А теперь смотри! Смотри: в каждой клеточке асфальта
Есть печать немого скальда с мелкой трещинкой внутри.

Ты – послушен, ветер – тих, мелкий дождь, как счастье, сладкий.
Я смахну слезу украдкой – никому не нужный штрих.

В этой грешной кабале между долгом и мечтою
Я опять дышу тобою, лучший город на земле.

Золотым сверкнёт костёл, широтой души пленяя,
Многократно повторяя самый искренний глагол.

Осень осы...

Осень. Осы липнут в гнёздах.
Астры в окнах, в небе – птицы.
И трепещет дальний поезд
У крыльца моей столицы.
Тихой тенью жёлто-красной
Труакарно клён танцует,
Осыпая в миг напрасный
Ветки, листья, поцелуи.
Если мы их не хотели,
Зря дарили? Или может
Всё сгрести в костры недели

Шелестя, сентябрь поможет?
Осень. Новость – мнётся поезд.
Семафор горит на красном.
На платформу выйдем поздно
Неопознанным рассказом.
Осень. Астры мнутя. Осы
Липнут рядом, липнут в мыслях.
Жалят глупые вопросы.
Льнут, летят на лица листья.
Скоро споро сдует ветром
Все волнения и встречи.
И, накрывшись снежным фетром,
Встретит город зимний вечер.
А пока что мнётся поезд,
Проплывают тротуары.
Осы в осень липнут в гнёздах.
Силуэты в труакарах...
Там, за окнами вагонов,
Астры у окон в петлицах.
Птицы, вечер, город, клёны,
Осы, осень, листья, лица...

Если ты меня забудешь...

Если ты меня забудешь, я, конечно, не заплачу,
Не улягусь на неделю на диване поболеть.
Вероятно, прогуляюсь по немому снегопаду,
Там, где, может быть, хотелось мне тебя поцеловать.
Мне так больно будет, правда... но недолго, не смертельно,
Как-нибудь и эту пытку попытаюсь пережить.
Знаешь, может с той витрины прикуплю себе картину,
Ту, что нам обоим, помнишь, так понравилась тогда.
Если ты меня забудешь... Я трусиха, в самом деле,
Почему забыть ты должен то, что и не началось?
Почему я так волнуюсь про несчастное свиданье,
Почему так больно, трудно про него не написать.
Нас один безумный город приютить пытался очень...
У него не получилось. Он, сконфуженный, молчит,
А мои простые мысли о таком и близком чуде –
Им немного надо, право, пожурить самих себя.
Если ты меня забудешь, что-то мы пропустим в жизни,
Что-то нас обгонит снова на доступном вираже.

Если ты меня забудешь, то, возможно, очень много,
Много мелочных бирюлек не закончат свой узор.
Правда, мелочи, лишь звенья, но без них мы не увидим,
Не поймём и не узнаем что-то важное о нас.
Я, конечно, буду долго, очень долго буду думать:
Почему не получилось, в чём была я неправа,
Где опять поторопилась, где напрасно промолчала.
И про то, как часто будешь ты меня не вспоминать.
Если ты меня забудешь...
Я, поверь мне, не заплачу..
Так что смело можешь, смело, слышишь, смело забывать!
Я тебя забуду тоже... на полгода, нет, на время...
То, которое поможет мне тебя не позабыть.
Это время будет нашим... Мы с тобой вдвоём узнаем
То, что с нами, вероятно, так и не произошло...

Личное

Услышь меня, услышь — я шёпотом,
Слегка устали связки...
Узнай меня, узнай — за шорохом
Испуганной подсказки.

Кради меня, кради — укутывай,
Для вида — чуть нахмурясь.
Целуй меня, хвали, беспутный мой,
Не знающий цензуры...

Теряй меня, теряй — я глупая,
С пороком синеглазки.
Шепчу тебе такое, хрупкое
«Прости»
...устали связки...

Куролесица

Зачем затеялась, земная куролесица?
Февраль не выдаст, март, гляди того — не сбесится.
А там — как бог даст! Если встречный не откажется,
Еще, голубушка, любить его отважишься!

Не отказался. Насолить да слёзы выплакать.
Смеются бабы. Правы бабы: «Девка — выдра знать!»
Да девка знает — полюбилось. Вот и шастает
К тому, кто ждет её, горячую, глазастую...

Любить сегодня, так напишут в предисловии.
А март шумит — перестарался в сквернословии.
Горланит сдуру, голосит крутым насмешником.
А после всхлип... гляди — ревёт простым подснежником.

Теперь ему в добропорядочность поверится.
Давай копай, сажай, расти — и выйдет деревце!
Листочек к веточке, и веточка — прелестница!
Решешь повеси.., а придётся заневеститься!

С чужим-родным. Да чтоб тебя — не переломишься!
Переживёшь, подрасцветёшь да станешь полной вся...
К портнихе сходишь — замутишь костюм доверчивый,
Потом не сносишь ни до смерти, ни до вечера.

Распределишь свою земную куролесицу:
Что — по лесам, что — по полям, а что — по месяцам.
Отвадишь встречного, прикинувшись сутяжницей.
Февраль поверит,
Март, паршивец, покуражится....

Тайной испуганы

Тайной испуганы, шифры на имени.
Нежностью сдобрены, сбрызнуты инеем.
Вроде знакомы, а просимся заново
Выгадать прошлое, вымарав зарево.
Топчемся прежними, прячемся рыхлыми.
Скоро зима, жест летит во все стороны,
Глупое слово порывами сорвано,
Мятое действие тычется рыльцами
В ломкие линии скользкого вымысла.
В песню о сказке без рода и племени.
Чья-то печаль неопознанной высохла,
Где-то росток не пробился из семени.
Помощи просим у третьего лишнего.
Что там в ответ? Лишь молчание липкое.

Сон

Мне снится сон: я выхожу на сцену,
А в зале — пусто. Я уже привык
За пустоту платить большую цену
И в пустоте развязывать язык.

Я должен быть как при аншлаге весел,
До пота выжать всё, что жжёт внутри.
Пусть упадут во тьму свободных кресел
Мои слова — со смертью на пари.

Пусть микрофон заводится до свиста,
Сбоит гитара — штекер из гнезда!
Раз вышел — пой. Такая у артиста
Работа: самолёты, поезда,

Вчера — аншлаг, сегодня — не до жиру,
Вчера богат, сегодня — ни гроша.
Легко по небу ехать пассажиру,
Коль весь багаж его — одна душа!

Мне снится сон, которым наказали,
Должно быть, за гордыню и за лень...

И вдруг проходит и садится в зале
Владимира Семёновича тень!

А я пою — нелепо, бестолково...
Сквозь рампу вижу: заполняют зал
Тень Башлачёва Саши, тень Талькова,
А дальше те, кого не знаю сам:

Бойцы с передовой зашли погреться —
В окопах сорок первого метель.
И мужики-старатели от сердца
Кричат: «Давай сибирскую, землю!»

Сержант-афганец и казак-амурец,
Моряк Владивостока и поэт
Передо мною — то смеясь, то хмурясь —
В набитом зале. И, допев куплет,

Я рву струну и просыпаюсь тяжко...
Господь послал на бис меня в конце.
Я просыпаюсь. На спине тельняшка
Мокра от пота.
Трудный был концерт.

Борису Чичибабину

По ранней позёмке, по лужам
Шагает, одетый тепло,
Борис Алексеич Полушин —
Бухгалтер в трамвайном депо.

Рукой прикрывая зевоту,
Сморкаясь в линялый платок,
Торопится он на работу.
Скользит под ногами ледок.

Друг друга толкают плечами,
Штурмуя трамвайный вагон,
Его земляки-харьковчане,
Такие же с виду, как он.

И общей толкучке послушен,
Сжимает казённый билет
Борис Алексеич Полушин —
Без права на Слово поэт.

«На ты» с нелюдимой судьбою,
Он права достиг одного:
Жить в мире с людьми и с собою —
И быть не от мира сего.

Заветные строки до срока
Под спудом тяжёлым лежат.
Терниста к свободе дорога,
Непреодолима межа.

И всё же, и всё же, и всё же
Не выпита чаша до дна.
Ударит морозом по коже
Звнящая строчка одна,

Заставит рыдать и смеяться,
Зажжётся свечой на окне,
И мысли о том, чтобы сдаться,
Сгорят в её чистом огне.

Взойдёт, говорят, что посеешь.
Захочешь свернуть — да нельзя.
Не Вам ли, Борис Алексеич,
Дарована эта стезя?

Колокольное дерево

Как отрежется всё то, что отмерено,
Припаркуется машина к обочине.
Там растёт на склоне старое дерево.
Вместо листьев у него — колокольчики.

Забредёт ли в те края чудо-облако,
Дунет ветер — не беда, мол, что листьев нет,
На вершине закачается колокол,
Что постарше остальных, побасистее.

Загудит-заговорит медь зелёная,
Золотые колокольца ответят ей, —
И взовётся к небу песнь перелётная,
Словно стая певчих птиц, из густых ветвей.

Бродит осень по дорогам растерянно,
Тучи тянутся по небу тяжёлые,
Задевают колокольное дерево,
Обрывают колокольчики жёлтые.

И летят они с ветвей, словно с глаз долой.
Но идущий по дождю, аки посуху,
Подберёт их пешеход, оботрёт полкой
Да приладит к почерневшему посоху.

А когда устанет по свету Божьему
Ковылять да с ветром силами мериться,
Он поставит посох в пыль придорожную.
Может, пустит корни новое деревце?..

* * *

Мы — дети детей Победы,
Родившихся в сорок пятом
В стране, что стояла гордо
На твёрдых своих ногах.
Военной поры приметы,
Привычные тем ребятам,
Ложатся на гриф аккордом
И в наших звучат стихах.

В косую линейку пропись,
В засохших чернилах вставка
И карточки отменённой
Квадратик, что хлебом стал,
И стреляной гильзы окись
Под вспоротым брюхом танка,
И запах травы зелёной,
Пробившейся сквозь металл.

Мы — дети военных фильмов
И книг о пиратских кладах.
В индейской раскраске лица
Ватаги на пустыре,
С наборною ручкой финка
И хмурый генсек в наградах —
Всё это одна страница
В потрёпанном букваре.

Мы — дети детей Победы.
Мы кисточкой осторожно
Снимаем наветы с круга
Наивных времён, когда
И радости все, и беды
Делились, и было можно
Рассчитывать друг на друга,
А прочее — ерунда!

Незнакомому поэту

Нас вырубают из жизни, а мы не успели
Важное дело доделать, услышать друг друга.
Время не ждёт, по проспектам беснуется выюга,
Спит под застрехой грядущее время капли.

Нас высекают из камня, как будто мы искры,
И отливают в металле, как будто мы пули.
Всем говорили мы правду, себя — обманули...
Встречи стремительны были, прощанья — небыстры.

Только что с девочкой ты целовался в подъезде,
Не приглашённый домой, убежал без оглядки.
И вот, смотри-ка, наводит иные порядки
Новое время, — и сын дарит розы невесте.

К старости плата за страсти — лишь время метели.
Что ж ты от счастья бежишь, недогадливый мальчик?..
Дунул нечаянный норд — облетел одуванчик.
Вновь его золота мы разглядеть не успели...

На пересылке во Владивостоке

*«Звёздный луч — как соль на топоре...»
О.Э. Мандельштам*

Через семьдесят лет здесь от кладбища нет ни креста,
И от зоны транзитной — ни вышек уже, ни развалин.
Новый микрорайон, мокрый снег, и аллея пуста.
Возле школы торчит снеговик, словно гипсовый Сталин.

По словам очевидца, вот здесь находился тот ров.
Когда строили школу, играли в футбол черепами,
Матерились, водярою грелись у едких костров
И не знали совсем о поэте таком — Мандельштаме.

А тогда ведь ещё оставался тот самый карьер,
Где для стройки киркой вырубали из сопки по камню
В Колыму не попавшие зеки с печатью «каэр»,
В протоколах допросов оставив чернильную каплю.

Оставалось кирпичное здание с тех же времён,
На огрызках забора колючая ржавчина тлела...
Нынче улица здесь Вострецова и микрорайон
Востроглазых домов. Им какое до прошлого дело?..

Только в полночь сырую, в декабрьскую полночь — услышь:
То ли ветер с залива ударит по пластику окон,
То ли где-то за стенкой заплачет соседский малыш,
То ли всхлипнет морская звезда в океане глубоком.

Это мы — фотокарточки жёлтые в профиль, анфас.
Это мы — восемь строк на обёрточной серой бумаге.
Это мы через семьдесят лет вспоминаем о вас
До морозной зари, до подъёма в тифозном бараке.

Ничего, ничего, всё проходит, и это пройдёт,
Сдует вешки-былинки и смоев былинные вежи.
И опять звёздный луч на солёный топор упадёт,
И воробушек снова, даст Бог, зазимует в застрехе.

* * *

Между нами — дороги, снега, Байкал,
Между нами — солнца слепой накал,
Деревянные плюсы в пустых лесах,
Паруса в небесах.

Между нами — огонь, пустота, война,
На куски разрезаемая страна.
Между нами — норд-ост, перегибы рельс
И горящий экспресс.

Между нами — молнии белый шар.
Перехватит горло шершавый шарф,
Руку тихо высвобождает рука,
И небрежно — «пока».

И беспечно будет кружиться снег
Над камнями города чёрных рек,
Будет виться кружево, рваться нить
И фонарик светить.

Мы друг друга вспомним, себя — едва ль...
Что декабрь не сможет, решит февраль,
Всё в порядок, ветренный, приведёт.
Переломится лёд,

И весна рванётся на абордаж.
Корабельный, якорный город наш
Вновь услышит в шуме чужих шагов
Стук твоих каблучков.

А пока — зима, на вокзале гвалт,
Словно здесь командует Центробалт,
Словно год семнадцатый недалёк,
Снова залп, недалёт...

Полно! Век наш суров, да мороз не лют.
У метро толпится весёлый люд.
И не вьюга — всего-то сырой снежок
Между нами, дружок.

Уходящая сказка

Кошка лакает воду из блюда.
Солнышко над головой.
Люди уходят, но остаются
Снегом, листвою, травой,

Ветром осенним, звоном трамвая,
Шумным теченьем реки,
Ясные знаки нам посылая,
Небытию вопреки.

Вздоргнем, поднимем полные чаши!
Зря ли мы шли напролом?
И подпоют нам ангелы наши,
Сидя за общим столом.

В сумерках лета мы разминёмся
На Патриарших прудах
У турникета и не вернёмся
Больше уже никуда.

Крылья крылатки, кресло Крылова,
Воганда чёрная трость...
Стрелка-секунда острого слова
Время пронзила насквозь.

Ниткой суровой небо зашей-ка —
Сыплется сверху драже.
Вот полынья твоя, Серая Шейка, —
Родина птичьей душе.

Кошка заснула, лапкой прикрылась.
Скоро наступит зима...
Время на ощупь, небо на вырост,
Снегом полны закрома.

Город на горке, горна гортанный
Голос крапивинских книг,
Сумка Гайдара, дальние страны,
Вечер к окошку приник...

Люди уходят, песни уходят...
Что остаётся? Река,
Берег песчаный да пароходик.
С палубы машут: «Пока!»

Лето на крыльях утки уносят
К тем, кто заждался тепла.
Нам остаётся светлая осень.
Сказка, куда ты ушла?..

* * *

Спи, Добро, подложи кулаки под голову.
Ещё рано спешить, словно в баню голому,
Райских яблок отведать в саду колхозном.
После драки дубиной махать не стоило.
Золотого Тельца — за рога и в стойло —
Приковали архангелы цепью к звёздам.

Спи, Добро. В этом мире всё слишком зыбко.
Зло поёт колыбельную. Мчится зыбка
По кисельному берегу, как салазки,
Вылетает на лёд неокрепший радостно.
Чем тонуть в молоке, лучше так барахтаться,
Чтобы масло сбилось. Ты веришь в сказки?

Спи, Добро. Нет валькирий с крылами мрачными –
Зодиак развесил огни над мачтами,
Освещая воинам путь к Валгалле.
Завтра ветры с юга и ветры с севера
Шквал такой поднимут – держите семеро.
Дай-то Бог, чтоб руны опять солгали.

Спи, Добро. Погремушки твоей не слышно.
За белёной печкой скребётся мышка.
Сладко тесто дышит в опаре тёплой.
Спи, Добро. Твоё Зло подушку тебе поправит.
К снам твоим прикоснуться оно не в праве,
Но, как верный пёс, охраняет порою тёмной.

Кирилл Алейников
(Россия, Петропавловск-Камчатский)

Достаточно цельная подборка. В том смысле, что автор искренне радуется о русской земле, которая переживает не лучшие свои времена... Сквозной образ своих истоков, запущенных и забытых человеком, проходит через тексты.

Характерные и характеризующие цитаты:

*«Камчатское оснеженное поле!
Распахнут настезь полушубок твой
И треплет ветер травяные полы
Мне горло забивая шелухой...»*

*«Ни шахмы, ни пути, ни распутья,
Лишь порожний простор да голынь.
Зябло кутаясь в листья лоскутья
Бьёт поклоны старуха-полынь...»*

*«Я гляжу в глаза озёр незрячие.
Облака в них вереницей лиц,
Тех, что жизнь мою переиначили,
Как воспоминанья пронеслись...»*

В.Г.

Алейников Кирилл Валерьевич

Камчатское поле

Как ты угрюмо, поле! Снеговито
Лежишь без направленья и ума.
Лицо твое скуластое, испитое,
Завьюжила несметная зима.

Приземистый сереброшкурый ветер!
Кого учуял в россыпях следов?
Прошла ли рысь наперерез рассвету?
Иль росомаха пропустила вдоль?

Зачем ты, поле? Что в тебе родится?
Какого разнотравья дикий сор?
Ты пустырей и пустошей столица,
Нетронутая гибельной косой.

Но по траве прошёл зимы рубанок –
Осталась от листовых похорон
Хрустящая белёная бумага
Вся в знаках препинания ворон.

И вызрело безмолвием пространство...
Налился день поспевшей тишиной.
Ты прячешь, поле, в рвани голодранца
Озноб земли застуженной, глухой.

Камчатское оснеженное поле!
Распахнут настезь полушубок твой,
И треплет ветер травяные полы,
Мне горло забивая шелухой.

* * *

На берегу – нехитрые дары:
Обломок дерева, канат, бутылка, канистра...
Кулик, предчувствуя финал своей игры,
С тревожным криком поднимается под выстрел.

Блуждает ветер, холоден и груб, —
Природы пристав в поисках заданья,
И океан, как никелевый рубль,
Болтается в кармане мирозданья.

Вьёт гнёзда сумрак на уступах скал.
Полжизни остаётся до рассвета.
Полжизни я в потёмках расплескал
И понял: лишь молчание бессмертно.

Вулкан

Вдоль чешуи вулкана рыщет хмарь.
Ручьи змеятся вниз по мёрзлым лавам.
Безмолвна и черна, как мёртвый пономарь,
Ночь вниз лицом упала вдоль увала.
На тёмном шлаке — поросль камней.
Тучны поля базальтовых початков,
И между них луна прокралась, не
Оставив ни следов, ни отпечатков.
Забытый, безымянный мавзолей,
Полуразрушен и полуразграблен,
Стоит вулкан.

Он мёртв.

Набальзамирован

Таблицей Менделеева.

Парадным,

Чеканным шагом караул часов

Сменяется у каменной гробницы.

... И у подножья стынет озеро,

Как колесо истлевшей колесницы.

* * *

С пьяной русской безутешной удалью,
Откулачив градинами луг,
Над покосом дальним тучи сгрудились,
Обнимаясь молниями рук.

По раскисшей глинистой распутице,
Не разжав разбитых в слякоть губ,

Осень грудю неба, словно узница,
Спотыкаясь, тащит на горбу.

Я смотрю в глаза озёр незрячие.
Облака в них вереницей лиц
Тех, что жизнь мою переиначили,
Как воспоминанья пронеслись.

Но душа моя не растревожится
И не дрогнет, от потерь устав.
Жизнь моя, неизъяснимо сложная,
Стала вдруг невысказанно проста.

Сумерки. Тетрадь. Уединение.
Гладь листа бездонна и чиста.
Россыпью идут на дно сомнения,
Черновик души перелистав.

А вокруг поникла отрешённая
От всего земного красота
И монашкой, верой обожжённую,
Пала у незримого креста.

* * *

Стынет день над заснеженным полем
Отколовшейся глыбою льда.
Мёртвых елей корявые колья
Оцепили продроглую даль.

Ни шахмы*, ни пути, ни распутия,
Лишь порожний простор да голынь.
Молча, кутаясь в листьев лоскутья,
Бьёт поклоны старуха-попынь.

Холод вкрадчив. Снега нелюдимы.
Исчезая в пространстве пустом,
Он шагает в зимы сердцевины
С перекошенным песнею ртом.

---

* Шахма — след, колея, накат

Вязнет песня, хрипит, не поётся,
Пилит горло беззубой пилой.
В ледовитой тиши раздаётся
Каторжанский немеркнувший вой

И летит в помутненное небо,
Где расправила крылья беда...
Смерть идёт в хлопьях свежего снега.
...И в зрачках замерзает вода.

Два поля

Мы – два размежёванных поля.
Время нам городить ограду.
Урожай поделён и продан,
Разворован да роздан даром.

Вороньё расчернелось тучей
Над рядами пустых борозд,
И заколкой упавшее чучело
В чернозёме твоих волос.

Зарастёшь ты травую сорной,
А во мне засверкают серпы
Перезвонами смеха полной
Перепаханной детворы.

Нодья*

А.А.

Нет, с пламенем сравнить свою любовь
Я не могу. К чему дымы пожарищ
И груды пепелищ? Довольно лгать!
Здесь слишком много снега...
О, как искрятся ледники людей!

Для пламени хотя бы нужен лес...
Как хороша усадьба для пожара!

---

* Нодья – таёжный долгогорящий костер, сложенный из брёвен

Чтоб полыхнуло с обрушением балок,
Тревожным звоном битого стекла
И изумлённой и ленивой дворней.
Но здесь...
В душе – лишь перекуси заката...
Играют в кости пастухи планет...
Безмолвие и нежить длинной ночи...

Чужих объятий постоянные дворы
все переполнены.

Я заночую здесь.
Достану спички,
Сооружу нехитрую нодью
И лягу вдоль неё,
И буду долго
Тлеть вместе с ней,
И ночь пройдёт неспешно,
В мой череп
проливая тишину..

Переживу
еще одну
ночь
без тебя...

* * *

Всю ночь гляжу в таёжный сумрак
Твоих жестоких тёмных глаз.
Я засыпаю лишь под утро
Под мерный скрип расхожих фраз.

Победа или поражение?
Всё завлакивает грусть.
Я, как таблицу умноженья,
Разлуку знаю наизусть.

Тяжёлый, как похмелье, свет
Спросонья ищет подоконник.
И мысль в гудящей голове
Бренчит, как ржавый ручной мойник.

Твоя заснувшая рука
Беспомощно стекает на пол.
Бесшумно ухожу, украв
Твоих духов стеклянный запах.

* * *

Усталый путник, голос мой идёт
Дорогой древней мёртвых колесниц.
Ручьи времен он переходит вброд,
Забвенья зачерпнёт, чтобы напиться.

За ним, как тень, спешит родная речь,
Зажав руками рот. И пополам
С плеча обоих, если бы рассечь,
Безмолвие скатилось бы к ногам.

Извилист путь обочинами душ —
Где раньше раздавались голоса,
Легла пластом немислимая глушь,
Тараща оловянные глаза.

Но через сад налившихся грехов,
Сквозь заросли колючей спелой лжи
Пройдёт мой голос с полной грудью слов
И выдохнет стихи мои, как жизнь.

Художник

Ассоль Сас

Горлом пересохшего колодца
Хлынул сумрак на твою ладонь.
Не художник ты — канатоходец
Между светом и кромешной тьмой.

Растеклась расплавленной ночью
Тушь по белой мякоти листа.
Не рисуешь ты — наводишь порчу,
Ворожишь, бумагу распластав.

Слышишь ли ты Музы шаг летящий?
Чёрный цвет, как зверь, неукротим.
Оттого ли криком леденящим
Полнятся глаза твоих картин?

Жёсткой, старой кисти поступь волчья,
Вдохновенья заметённый след...
Почерк ночи груб и неразборчив —
Наизнанку вывернутый свет.

Евгений Иваницкий
(Россия, Московская обл., Фрязино)

Нет никаких сомнений в том, что это настоящая поэзия.
Да, тексты достаточно традиционные и «добротные». Но разве это такой уж недостаток?

В.Г.

Иваницкий Евгений Константинович

Дом

Дом — живая душа. Память лестниц, перил...
Он заждался тебя, занемог, захандрил.
В темных окнах его — погрузневших глазах —
Отблеск старой любви, одиночества страх.
Дом так верил тебе, вдаль смотрел столько дней,
И мечтал, словно пёс, о хозяйке своей.
Буду с ним говорить, заговаривать боль.
Так и сходят с ума, отыграв свою роль.
Ни единой звезды за квадратом окна,
А звериная нежность проста и темна.
Дом тихонько скулит, и бывает, поверь,
Что сама по себе открывается дверь,
Но стучат каблучки и не то, и не так —
Той мелодии нет, а она не пустяк...
Спит кирпичная плоть и зеркал западня,
Где печаль с каждым днём размывает меня.
Как строги зеркала, как бесшумна волна!
О тебе — скрип дверей, о тебе — тишина.

Дорога навеки

Нас делали старше военные марши.
 Стучат барабаны о юности нашей.
 Зачем и куда? Ответ у порога:
 Призвание мужчины — война и дорога.
 Пусть флейты бравурно готовятся к бою.
 Лишь вашу улыбку я взял бы с собою.
 Вы смотрите грустно, вы смотрите строго,
 Такою и будет эта дорога.
 Дорога на годы, дорога навеки,
 Лишь тёмное небо, бессонные реки,
 Лишь стук эшелона, и в нём все ответы:
 Не с вами закаты, не с вами рассветы...
 И всё же спасибо ветрам и дороге:
 Не так уж и мало в конечном итоге,
 Где тайная нежность и тайное имя,
 Где люди, как листья, ветрами гонимы.
 Крупинки, снежинки военной метели
 Запомнить друг друга почти не успели,
 Но, если бы вы меня полюбили,
 Меня б ни за что на войне не убили...

Покидая Вавилон

В непосильные дни, дни любви, бесконечной тревоги,
 Где тебя мне искать? Только в сон мой зайдёшь иногда,
 Где ты робко ласкаешь смиренного единорога,
 А под мочкою уха мерцает серёжка-звезда.

Прохожу виноградник, не здесь ли с тобой повстречаюсь?
 Обовьёшь мою жизнь виноградною щедрой лозой.
 Я иду мимо розы, и роза бутоном качает,
 Чуть задетая каплей дождя, а быть может — слезой.

Вавилон зазывает, морочит, за полы хватает,
 А над шумом и гамом — безмолвная кроткая высь.
 Финикийские перстни, хитоны, шелка из Китая, —
 Как же много всего, без чего я могу обойтись!

Шестиглавые звери, сирийские ткани, агаты,
 Голоса лжепророков, послушные звону монет...

Я хочу позабыть мутно-жёлтые воды Евфрата,
 Эти дни без тебя, эту башню, закрывшую свет.

От навязчивой яви хочу... не могу пробудиться.
 И в прикрытых усталых глазах — мельтешение лиц.
 Город пуст без тебя.... В небесах одинокая птица...
 Город пуст, как пустые глаза вавилонских блудниц.

Белый агнец пылает в костре, поднимается пламя,
 И... мрачней жрецы, изучая оттенки огня.
 Я ловлю твоё имя в гудящем вечернем бедламе,
 Я ловлю жадным сердцем, и нежность сжигает меня...

Дама с собачкой

Стояли, прощались до позднего часа...
 Мерцал равнодушно фонарик баркаса,
 Смотрел полусонно — ему надоело:
 Опять кто-то плачет. Обычное дело.
 А сколько их было — курортных романов,
 Надежд, обещаний, беспечных обманов!
 Мужчина, целующий женщине руки,
 Смычок, что поднялся над скрипкой разлуки,
 Так было, так будет, луны безмятежность,
 Прибой и его исполинская нежность...
 Но двое боялись и ждали развязки,
 Воруя у счастья последние ласки.
 И были безумье, тоска и отрада,
 Познание неба, предчувствие ада.
 Пустые мечты и печальная кода
 В темнеющем небе, в гудке парохода...
 Но люди, решаясь, тянули неволью —
 Рвануть по живому и страшно, и больно...
 Шпиц слушал хозяйкины вздохи и охи
 И думал: «Пустое! Вот если бы... блохи!»
 Пушистый, весёлый, носился у моря,
 То чаек пугая, то с крабами споря,
 Пёс, чистый душою, пёс, белый, как пена,
 Не знавший сомнений и слова «измена».
 С хозяйкою милой он будет навеки:
 «Зачем расставаться? Эх, вы, человеки...»
 А люди прощались, округа дремала.
 Собачка смотрела и не понимала...

Красивая пара

Какая красивая пара! И в старости счастье возможно:
 Придерживать счастье под локоть, и крепко, и осторожно.
 Вот падают хлебные крохи, голубка кидается в ноги.
 Давайте делиться бессмертьем. И люди щедры, словно боги.
 Пусть некуда им торопиться и надо беречь силы,
 Есть время вымолвить «Радость!», услышать в ответ «Милый!»
 И можно болтать бесконечно о внучке в немислимой Польше.
 Если любовь старше, нежности в ней больше...
 Не ветер — само милосердие качает усталые клёны.
 Слетают последние листья. Смиренье в душе просветлённой.
 Не надо учиться прощанью, давайте учиться прощенью,
 Преодолевая земное двойной неразрывною тенью...
 Затерянные в листопаде, шаги и слова — тише.
 Уходят счастливые люди, всё дальше они, выше.
 Летят над крестом золочёным храма Бориса и Глеба.
 Какая красивая пара! И нам бы вот так — в небо.

Попытка оглянуться

Колелется пламя, дрожит, угасая,
 Свеча затухает... Займётся ль другая?
 И что же запомнилось, что же осталось?
 Был шарик воздушный, надежда и жалость,
 Мишень паутины и тонкие струны
 Над пентаграммами пыльных петуний,
 Июнь первых ягод и дачного чая,
 Июнь, что сломался, как ветка сухая...
 Шатается память, ведь ей не по силам
 Обратный отсчёт, возвращенье к могилам,
 Тот запах лекарств и молчанье кукушек,
 Кардиограмма еловых верхушек.
 Слоняется память в толкучке больницы,
 Она не забыла угрюмые лица.
 Не тешься надеждой, не жалуйся другу:
 Несчастье — кругами, несчастье — по кругу..
 Так дайте мне время! Забуду о яме.
 Трава эту глину скрепляет корнями,
 Скрепляет — не может. Стою в чистом поле
 С душою озябшей, а глина глаголет..

Но были не только несчастья, больница.
 Я видел другие, счастливые лица,
 Улыбку мальчишки на площади скучной,
 Взлетающий в небо шарик воздушный.
 Был в храме гудящем огонь нисходящий,
 Огонь нисходящий над жизнью пропащей.
 Дыхание Бога, дыханье любимой,
 Движение жизни неизъяснимой...

* * *

Все чёрные птицы, все чёрные тени
 Расправили крылья беды и забвенья.
 По чёрному белым — голубка над нами.
 Прости и спаси, защити нас крылами!

Как много обличий небесного хлеба...
 Снежинки так медленно падают с неба.
 Снежинка не помнит, была ли слезою.
 Забытая кукла в приёмном покое.

Ребёнок в бреду разметался в постели.
 Две странные тучи луну не поделят.
 Да нет, это ангелы: белый и чёрный,
 Один — всё принявший, другой — непокорный.

В горячей подушке звезда ледяная,
 Горящий терновник и громы Синая,
 Там белая скрипка и чёрная скрипка
 Забылись, как сёстры, в мелодии зыбкой.

Зачем ты уходишь, неужто пустое —
 Молитвы мои, притяженье земное?
 За белым цветком пляшут чёрные тени.
 Уводит всё дальше тропа сновидений.

Всё меньше земного в чертах непорочных.
 Вновь сердце как рыбка в сетях полуночных.
 Вновь ужас и нежность проводят границы.
 Всё ближе и ближе безмолвные птицы...

Подснежник

Где весна намечала прогалы,
Вновь ложился, казалось, навек,
Нескончаемый, запоздалый,
Сновидений моих тихий снег.

Но когда затерялись тропинки,
И бродить больше не было сил,
Вешний ангелдохнул на снежинку,
Растопил и душой наделил.

Как непросто быть маленьким богом,
Как непросто быть первым цветком,
Раздвигать плотный снег, быть прологом,
Говорить на наречье людском.

Та весна обещала, томила,
Той весной так хотелось тепла,
Посмотрела в глаза, поманила
И цветком по губам провела...

Исход

Растрескались камни в струящемся зное.
Тень беркута гонит мечту о покое.
Покатится камень, под камнем — гадюка,
Шипенье, и снова — ни слова, ни звука.
В песок раскалённый ложатся верблюды.
Веди, Моисей, обещаю своё чудо.
Ты вывел из рабства, ты выказал силу.
Но...сила пустыни меня победила.
Уже не боюсь я ни хлада, ни глада,
Боюсь твоего беспощадного взгляда.
Я следом иду, и тебе я послушен,
Молю об одном: не заглядывай в душу..
Идём за тобою, идём неустанно
К земле наших снов, земле Ханаана.
Могучего старца могучая воля
Ведёт нас пустыней, изъеденной солью,

Долиной камней и ночных скорпионов.
Но было ли плохо в плену фараона?
И кажется сладкой неволя былая,
И кажется вкусной похлёбка гнилая...
Пойми, Моисей, мне не жаль нажитого,
Не слушал я рёва тельца золотого.
Устал я! Устал! Я останусь в пустыне
С последней надеждой — молитвой о сыне,
О дочери милой, о внуках, о многом...
Мы — люди исхода, мы призваны Богом...
Лишь только бы дети дошли, увидели
Молочные реки, медовые дали...

Забытый

А вас всё нет. Темнеют крыши,
Луну, и ту погрызли мыши,
И крошки звёзд шуршат всё тише...
Лишь темнота и маета.
Я вечно жду вас у порога.
Как не погладить хоть немного
Такого нежного, незлого,
Такого мягкого кота?

Как не вернуться в царство лени?
Когда вокруг ложились тени,
Меня вы брали на колени,
Шептали добрые слова.
Я кот любовного касанья,
Я кот счастливого урчанья,
И ловля снов — моё призванье,
Тех снов, где больше волшебства.

Но вы погладили другого —
Ловца мышей, убийцу злого,
Кота хитрющего, худого.
Поймите, это западня.
Он вас обидит. Встанет шёрстка,
Сверкнут глаза нежданно-жёстко,
За всё — кровавая полоска,
Тогда вы вспомните меня.

Тот кот – коварный сын помоек.
Он душит крыс и землероек,
Кротов и глупых пёстрых соек,
А усмехнётся он – беда!
Он просто кот, и нот хрустальных,
Снов безмятежных, беспечальных,
Надежд и блёсток карнавальных
Не принесёт вам никогда.

Елизавета Канибалоцкая (Германия, Дрезден)

Зрелые стихи. Тема любви к Родине и патриотизма отражены без излишнего пафоса, но убедительно и задушевно... Посвящение памяти Игоря Царёва звучит очень достойно... И даже склонность автора к крупным формам при чтении воспринимается без излишнего напряжения...

Подборка удалась. Разнообразная, насыщенная, выдерживающая заданный тон и темп.

Характерные и характеризующие цитаты:

*«... ищю слова незримые,
Беру перо волшебное, смотрю на белый лист.
А он, как поле снежное хранит хлеба озимые,
Таит слова заветные, и трепетен, и чист...»*

*«Мы были счастливы, мой друг,
Неоднократно...»*

*«И где любви безумный хмель
По счастью тужит...»*

*«Слог певучий, родниковый,
Звук серебряный, живой,
Чистый, праведный, царёвый,
Как Иван-да-Марья, свой...»*

В.Г.

Канибалоцкая Елизавета Львовна

Поэту Игорю Царёву посвящается

В хоре вселенского многоголосья,
Словно кого-то о чём-то моля,
Вновь обречённая выть на погосте,
Горестный стон исторгает Земля.
Сколько же можно залечивать раны
И оживлять пепелища в дыму?
Мир гармоничный красы несказанной,
Этой вины не прости никому!
Слышатся снова пустые обеты,
Сладкие речи лукавых владык.
Смута в умах. Вспоминают поэты
Чуть позабытый эзопов язык.
Чьих-то амбиций безумная спайка
Снова войну в обиход наш ввела.
«Русская тумбала, тумбалалайка,
Тумбалалайка, тумбала-ла»...
Снова в пробитое сердце Царёва
Целятся снайперы: боль и тоска.
Доброе, щедрое, чуткое слово
Бронежилетом не стало пока.
Но, прозвучав так пронзительно-нежно,
Благословлённое Небом дитя
Мир озаряет любовью безбрежной,
В вечной гармонии дом обрета.

* * *

Лови момент, пока светло
В душе, и в доме, и в округе,
Пока щадят ещё недуги
И стороной обходит зло.
Встречай весну. Опять она
И одарит, и растревожит –
Не каждый день её был прожит
Без скорбно-горького вина.
Не стоит уходить весной...
(По мне, так никогда не стоит),

Но кто ж нас, грешных, удостоит
 Великой милости такой?
 По мне, календари должны
 Весну избрать началом года,
 Когда на сносях вся природа
 И все запреты не важны.
 Вон лезет, прёт из всех щелей
 Трава — для глаз и ног отрада,
 Пчела летит, куда ей надо,
 И шмель гудит (оркестр шмелей!)
 А небо то водичку льёт,
 А то, умытое, смеётся,
 То тёплый луч щеки коснётся,
 То ветер с плеч косынку рвёт.
 Деревья в дымке, в полусне
 И в неге, на детей похожи:
 Чисты и беззащитны тоже,
 Всей статью вверились весне.
 Ещё прозрачная их тень
 Светла и не даёт прохлады,
 Но дрозд выводит им рулады,
 Встречая и венчая день.
 Живою изгородью стать
 Спешит кустов густая зелень.
 Ковёр с ромашками расстелен,
 Венок сплести иль погадать?
 Мир опрокинутый плывёт,
 Чуть искажённый рябью, дрожью,
 Из лужицы весёлой ложью
 Бездонный светит небосвод...
 Встречай весну, болей, грусти,
 Пусть память душу растревожит...
 Пока строка родиться может,
 Тебе дан шанс, не упusti!

Апрель

То солнце, то дождик, то грозы,
 Куда-то плывут облака.
 Впервые листочка берёзы
 Коснулся порыв ветерка.

У стройного тополя крона
 Кудрява ещё и красна,
 Но ветви сирени и клёна
 Вовсю распушила весна.
 Свой яркий надел сарафанчик,
 Зелёное с жёлтым смешав,
 Бежит босиком одуванчик
 По ласковой роскоши трав.
 А юная тонкая вишня
 Так нежно, так робко цветёт...
 Не помнишь ты, братец, так вышло,
 Тот полный цветения год,
 Когда вдруг завыли сирены,
 И папа ушёл насовсем.
 Год страшный, суровый, военный,
 Таким он запомнился всем.
 Не знал ты, не чуял подвоха,
 И сердце не сковывал страх.
 Доверчивой глупенькой крохой
 Ты просто лежал на руках.
 Прошли уже годы и годы,
 И нет наших бабушек, мам.
 И только картины природы
 Ещё возвращаются к нам.

Прелюдия лета

Захорошело, заголубело,
 Заговорило, зарасцвело!
 С шумом зелёным, с облачком белым,
 С синью бескрайнею лето пришло!
 Ласковый лучик скользит, улыбается,
 Каждой травинке шепча о тепле:
 Пусть просыпается, пусть распрямляется,
 Пышным убранством послужит земле.
 Плавится солнце (для глаз — ослепительно),
 Но ненавязчиво льётся с небес,
 Дышит вольготно, легко, упоительно,
 Чуть колыхаясь над озером, лес.
 В зарослях тихо, темно и таинственно,
 Робко шагнул и тотчас же назад —
 В этой чащобе, и хвойной, и лиственной,

Чудится мне чей-то пристальный взгляд.
К бабочкам пёстрым, к раздолью, к цветению,
К ёлочкам юным в их звёздчатый ряд.
К светлой поляне да птичьему пению,
К стрекоту неугомонных цикад!
Нет ещё знойной жары изнуряющей,
Прели застойной, и нет мошкары.
Снова с блаженством вся живность и я ещё
Внемлем прелюдии летней поры.
Чистый, сияющий мир отражается
В озере, в луже, в оконном стекле.
День угасает, душа разряжается:
Лампа, перо и блокнот на столе.

Аметист

Брызжет сок из винограда, люд хмелеет от вина,
А в лесу своём дриада бродит в зарослях одна.
Нежный, юный лик беспечный, поступь лёгкая, как взлёт..
Аметис! Ты – первый встречный для того, кто встречи ждёт.
Бахус злую выбрал кару, тигр в прыжке метнулся ввысь!
Обойди чужую свару, Аметис! Молись, молись!
Я молю-юсь... И – камнем стала. Бахус – с чашей к ней: живи!
Нет, вино – не кровь, хоть ало... Сердце камня замерцало
В знак прощенья и любви..
Оберег кристально-чистый (фиолет с голубизной)
Величают аметистом... По весне привет лучистый
Шлёт он бабочке лесной.
Та, расцвеченная ярко, – в сад и любит целый день
Орхидею, и фиалку, и петунью, и сирень,
Одаряя пышным цветом несказанной красоты..
Ах! Взгляни и... стань поэтом, коль поэтом не был ты!

Примечание: Согласно легенде, рассердившийся на людей бог виноделия Бахус приказал тигру разорвать первого встречного. Первым встречным оказалась лесная нимфа Аметис.

Горестно и сладко

Поэту Ольге Бешенковской

Горько слову нежному живётся,
Грусть безмерна, а печаль тиха:
Не вспылит, надрывно не взовьётся,
Не предаст мелодии стиха,
Не озлится, всё и всех охаяв,
Не дойдёт до положенья риз,
Не покажет, страстно польхая,
Рифмами приправленный стриптиз.
Нет, печаль (всегда аристократка)
Подберёт особые слова,
Чтоб сплетались горестно и сладко
В тонкого рисунка кружева.
«Выхожу один я на дорогу...»
И т. д. – по тексту, наизусть.
Внемля лишь ритмическому слогу,
Петь и пить томительную грусть.
А потом, когда черёд настанет,
Слово к слову свой слагать узор
Всё о том же: как дорога манит,
Как таинствен молчаливый бор,
Как мигают маяки тоскливо,
И туманна даль, и ночь глуха...
Как под утро вновь Земля красива,
И росой умыта, и тиха.
Над водой по-вдови плачет ива,
Ей беду не выплакать вовек...
Ты зачем ей вторишь сиротливо,
Так щемяще жалобно, Сольвейг?
Мне постылы вечные раздоры,
Алчность, подлость – вся людская гнусь,
Но сплестать печальные узоры
Из прогнивших нитей не берусь,
Хоть они всех зол первопричина.
Их змеиный жалящий клубок
Усмирят не грусть, а гнев – мужчина,
Беспощадный, справедливый Бог!
А печаль поёт о человеческом,
Тихо тронет струны: -соль, -ля, -си...

Всем, что было, истомит сердечко,
О другом её и не проси.
Есть река с притоками из горя,
Из надежд, из радости... И пусть,
Пусть течёт и окупётся в море,
Обратясь в пронзительную грусть.
Пусть наш мир (таковский-растаковский)
Меркантилен и погряз в грехах,
В нём грустят по Оле Бешенковской
И она грустит о нём — в стихах.

* * *

Подари мне, осень, всё своё плохое:
Стынувшее солнце, мокнущую хвою,
Лист пожухлый, слякоть, дерево без кроны,
Небо, всё в слезинках, карканье вороны,
Куст озябший, ветер с брызгами и пылью,
Запах прелый, землю с лужами и гнилью.
И туман промозглый, и дожди картечью,
Взбудоражь всем этим душу человечью.
Осень, мне по нраву все твои повадки,
Не жалею подарков для моей зарядки!
Пусть замёрзнут щёки, задубеют пальцы,
Выманив из дома, запиши в скитальцы:
Ёжиться и жаться, шебуршась от стужи,
Но зато сражаться, выдержав, одюжив!
Чтобы потянуло к своему порогу,
Чтоб себе шепнула: «Дома. Слава Богу!»

Вечер поздней осени

Свет фонарей, фар, светофоров,
Рекламы, вывесок и окон...
Иду, не зная встречных взоров,
Нырнув в пальто, как в чёрный кокон.
Шуршат шаги по голым плитам,
Нет ни цветочка, ни листочка,
В фонтане, насухо испитом,
Грустит ворона-одиночка.

В стволов причудливом сплетенье —
Змеиное и злое что-то,
Фонарный столб, в служебном рвенье,
Тош и похож на Дон Кихота.
Темно, контрастно, мрачно в небе,
Забывшем о луне и звёздах,
Зато свободно, по потребности,
Дарящем лёгким свежий воздух.
Дышу. И глазу лапу клёна,
Он кожу обновил слоновою
И тоже внемлет отрешённо
Зимы грядущей предисловью.

Прогулка

Когда нас осень выманит из дома,
Пускай некстати, словно невпопад,
Нырнём, мой друг, безумием ведомы,
Во мглу, в туман, в мокрень и листопад.
Не в тот, который жёлт уже, но сочен,
Кружась, к земле тихонечко прильнёт,
А в тот, который, взвихрен и всклокочен,
Пожухлый лист в лицо тебе швырнёт.
Гонимый ветром, но не тронут гнилью
(В грязи ещё не вымок и не сник),
Он нас обдаст с разбегу водной пылью,
Холодный душ хлестнув за воротник.
По тропкам слякотным, под небом рваным
Продрогшие, мы всё-таки пойдём
Навстречу осени по лужам да бурьянам,
С попутчиками — тьмою и дождём.
Довольные бесхитростным обменом —
Тепло отдав, румянец обретя,
Мы (нет конца весёлым переменам!)
Бодры. И ты резвишься, как дитя —
На месте не сидится и неймётся,
Ты возбуждён и к радости готов,
И ждёшь, когда безудержно прорвётся
Хмельной поток рифмующихся слов.
Но состоянье внутренней тревоги
Внезапно и врасплох настигнет нас,

Поскольку «мир, такой святой и строгий»,
Заявит о себе ещё не раз.
Перекликаясь с Гумилёвым слогом,
Судьбу его воспримем как сигнал:
Мир может быть и подлым, и убогим...
Такой Поэт! И этого не знал?
Он знал. Он был неистово бесстрашен,
Дразнил судьбу. Жил, не боясь молвы.
Рождён парить, испить из горькой чаши
И... не сносить, в итоге, головы.

Примечание: «Нет конца весёлым переменам.», «..мир, такой святой и строгий» – слова Николая Гумилёва.

Саврасову – русскому художнику

В тающем беспамятстве берёзы,
На снегу нехитрые следы.
Тянется земля простоволосая
К облакам, тяжёлым от воды.
А вокруг и синь, и стынь, и дали,
Избы ждут, часовенка молчит.
Вот когда к берёзам прилетали
Пьяные от Родины грачи.

Игорь Панасенко (Россия, Апатиты)

...Качество текстов подборки улучшается от стихотворения к стихотворению. Но, на мой взгляд, несколько избыточны излишние подробности и скрытые цитаты...

Автор сказал, что хотел. Обозреватель тоже. А судить предстоит даже не жюри – читателю...

Характерные и характеризующие цитаты:

*«Вьюга скрипкой плачет на Большом Каретном,
Завывает волком в городе Перми...»*

*«Долгая дорога поперёк России,
Без конца и края, вечная, как жид...»*

*«Ты за песни ещё ответишь – настанет срок.
За тобой по пятам давно семенит молва.
Оправданиям грош цена, соль острот не впрок,
Не избегнет меча повинная голова...»*

*«На слиянье воды и неба поморский коч,
В молоко залива стекающий тенесвет...»*

*«Крысоходцам выпадет медный таз.
Встанет утро. Мама домоет Раму.
Финиш будет. Только не в этот раз...»*

В.Г.

Панасенко Игорь Георгиевич

Апология первобытности

«Папонты пасутся в маморотниках.»

Лев Кассиль

Я учился читать вприкуску,
Я учился писать вприглядку,
Не умел тормозить на спусках
И не бился в дворовых схватках.

Толстый увалень флегматичный,
Слава богу, что не очкарик,
Но отличник я был типичный,
Можно даже сказать – ботаник,

Первобытен и ископаем,
Весь учебный десяток кряду
Знаком мамонта осеняем
Аж до самого Ленинграда.

Я такой теперь толстокожий,
Что в любой выживаю давке,
Пру, как танк с носорожьей рожей...
Нет, как мамонт в посудной лавке,

Обхожу стороной ловушки,
Не проваливаюсь в трясине.
Моськи грудятся у кормушки,
Словно очередь в магазине,

И такая тоска на лицах,
Будто волчьих объелись ягод,
Каждый первый готов озлиться,
Что не втиснется тучный мамонт

В эту очередь на закланье:
Неформатен — вот сучий потрох!
Первобытность, как состоянье,
Отчий дым на родных просторах.

Богатею мыслишкой куцей,
Сочиняю стишок сумбурный,
Разъедает жесь революций
Китайпадов ацид гламурный,

Дотлевают, опавши, звёзды,
Мозг выносит чужая одурь...
Но зато так легко и просто
Одиночкой стоять поодаль,

Наблюдая из этой дали
С выраженьем лица разини,
Как дичающими стадами
Бродят мамонты по России.

Бывшему врагу

Сахариновой крупкой в моё окно
Хлещет горький февральский ветер.
Как зовут тебя? Впрочем, мне всё равно —
Курт ли, Фриц ли, Георг ли, Петер...

Выпьем, Клаус. Помянем с тобой добром
Всех небесных репатриантов.
Помнишь Волхов? Зимой, в сорок втором,
Ты выцеливал лейтенанта.

Помнишь блики в прицеле, дрожанье век,
Холод в пальцах — и не согреться.
Помнишь, как он в сыпучий февральский снег
Падал с пулей твоей под сердцем?

Помнишь, тяжесть отдачи в плече жила,
Стыла музыкой в ритме пульса...
Выпьем, Отто, за тонкости ремесла.
Знаешь, ты тогда промахнулся.

Санитарные сани летели в тыл,
Он лежал, как письмо в конверте,
По пристрелянной тропке смиренно плыл,
Покоряя Долину Смерти.

Госпитальную койку качал восток,
Солнце грело косые крыши...
На болотах у Волхова сгинул полк,
А ему вот случилось выжить.

Соль в окно сыплет мелкий февральский бес,
Или сеется мелом вьюга...
Выпьем, Ганс. В том, что выжил тогда отец,
И твоя тоже есть заслуга.

Ангел-хранитель

Маме

Ты к груди осторожно прижала меня,
Я качался на тёплых ладонях.
И опора они были мне, и броня,
И надёжнее рук я не помню.

Я года набирал, габариты и вес,
Хмель невежества, горечь науки...
Знал: меня охраняют не силы небес,
А твои неустанные руки.

Выла вьюга, дорогу в снегу хороня,
Падал гребень девятого вала...
Ты, как в прежние дни, обнимала меня,
И в испуге беда отступала.

Отвергающий сказки, прожившийся в прах,
Погрузневший, седой и плешивый,
Я уверен: ты Землю несёшь на руках,
И поэтому мы ещё живы.

Гость

*«...он вошёл неизвестно как, чтобы измерить всю мою
память и найти самую болезненную её частичку...»*

Станислав Лем, «Солярис»

*«...многие придут под именем Моим, и будут говорить...
и многих прельстят.»*

Матфея 24:5

Он приходит извне сквозь подъезда стальную дверь,
Не используя ключ, не вводя хитрый код замка.
Он читает на стенах, как след изучает зверь,
И по следу находит мишень моего звонка.

На резонное «Кто?» невпопад говорит «К тебе».
Отъезжает шеколда, дверь тихо скулит: «Встречай».
Оставляя в прихожей горчашую пыль степей,
Он проходит на кухню. Я разогреваю чай.

Говорит напрямик: «В этом марте шестого дня
Ты молил о спасении, клялся своей душой,
Что отпущенный дар не до доньшка разменял.
В общем, дело простое: ты звал меня — я пришёл.

Предлагаю по-честному, истинно, без обид:
Ты раздашь всё богатство и следом пойдёшь за мной.
Сеть сплетёшь. Не для рыб — человек будем ловить.
Только тем и спасёшься. Иначе же шансов ноль».

Он не серую пахнет — полынью и чабрецом.
Не копыта топочут — босые ступни кровят.
Он одеждами бел, ясен взглядом и чист лицом.
Но я знаю, насколько хитёр и коварен ад.

«Хочешь душу?» В ответ улыбается: «Ты сказал.»
«Но она ведь, бессмертная, Богу принадлежит.
Я ж ничтожен и краток, как лето Хибинских скал.
Не отдам. Без души несподручно на свете жить.»

Он скорбит: неулов. Долго слушает сердца стук.
Говорит «Ты решил» и кивает «Да будет так!
Будешь жить, как живёшь. Но... однажды — к тебе приду».
И уходит пешком по воде, как простой рыбак.

Как бард барду (монолог у прибрежной сосны)

Ты за песни ещё ответишь — настанет срок.
За тобой по пятам давно семенит молва.
Оправданиям грош цена, соль острот не впрок,
Не избежит меча повинная голова.

Что за блажь, надрывая горло, при свете звёзд
Примерять молодой луны проблесковый нимб,
На музыку ловить слова и почти всерьёз
О любви пререкаться с богом... Да бог-то с ним.

Ты поверь, что превыше грома лихих побед
На слиянье воды и неба поморский коч,
В молоко залива стекающий тенесвет...
Ощути, как в притихший город приходит ночь,

Как, расцвечена фейерверками фонарей,
Устилает газон покровом из белых мух,
Украшая равно рябины и снегирей,
Словно первые дни творенья вернулись вдруг.

Ощути, как горчит рябиной ноябрьский день,
Как рябиновыми огнями цветёт перрон,
Где в окошке вагонном — чья-то родная тень.
Увязая, скользя, сбиваясь, спеши вдогон.

Добеги. Задохнись от цели на волосок.
Ощути, как прошитый снежным стежком пейзаж
Выгибает пространство улицы колесом
И берёт захмелевший город на абордаж.

Вот и всё. Ты поверь, что это и есть любовь,
И ничтожна похвал трескучая трын-трава.
И держись, раз пока не пойман ловцами снов.
А за песни ещё ответишь... Спиши слова!

Восхождение

В городе, где до вершины — один взгляд,
Здорового смысла равнинных мест — чуть.
Здесь не гадают напрасно, на кой ляд,
Ибо известно, что надо торить путь,

Встать и идти, сделать в небо ещё шаг,
Содранным лбом упираясь в полёт выюг,
Сквозь пелену суеты разглядеть, как
Огненный шар вековечный вершит круг,

Горб распрямить, над собой обрести власть,
Преодолев придавивший к земле вес,
Выйти на край, запечатав следы в наст,
В храме вершин выжигать из души спесь,

Плыть в облаках не за золотом иных мест,
В росписях тундры благую читать весть,
Всех, возносящих тяжёлых забот крест,
Благодаря, что позволено жить здесь,

Вровень с камнями на рваных коврах гор,
Кверху лицом, принимая небес дар,
Веруя: всем, прошедшим Тахтарвумчорр,
С крыши Хибин открывается Сейт-явр...

Это и ценно. Плевать, что кошель пуст,
Высох язык, и хохочет в лицо чудь,
Если до неба — рукой, да снегов хруст,
И параллелей до вечного льда — чуть.

P.S. На самом деле Сейт-явр ни с одной хибинской вершины не
видать — священное саамское озеро надёжно укрыто за склонами Ло-
возёрских тундр. А «крышей Хибин» Юрий Визбор называл плато Рас-
вумчорр. Но это уже совсем другая история...

Осенний призыв

Время — вечный кидала. Ему не верь.
Всех его обещаний итог — нули.
Умножается пухлый реестр потерь,
и ломоть, что отрезан, опять болит.

Каменеет лежаще промеж трясин
мир шагреневых кож и кривых зеркал,
охраняемый сворой свирепых псин
под аккорды нетрезвого матерка.

Самобранка-асфальт режет лес насквозь,
цветом пепла копируя облака.
На обочине топчется строй берёз
в летней форме, застиранной до желтка.
Обходя стоп-сигнал постовых рябин,
ополчение осин обживает падь,
и предвестником скорой войны лавин
на виске у Хибин серебрится прядь.

На морозном ветру истлевает сталь,
но нетленны в кольце ледовитых вод
цвет морошки, громады замшелых скал,
бубен солнца и сполохов хоровод.
Бьются звонкие стрелы в луны мишень.
Небо звёздным засеяно ковылём —
урожай не собрать ни в один кошель.
Время — вечный кидала. Забудь о нём.

Неопокалипсис

*«Мама мыла Раму»
из букваря кришнаитов*

*«Шёл Шива по шоссе, сокрушая сущее»
с просторов ВКонтакте*

Крысолов на флейте играет гаммы.
Тянет дымом. Стены — в ходах жучков.
Эстафета света приходит в Гаммельн
Гей-парадом Ванечек-дурачков,

Крысным ходом, шабашем, Хэллоуином,
Модным трендом, денежной лабудой...
Не надейся, глупенький Буратино,
Этот ключик точно не золотой.

Этот ключ к дверям от шестой палаты.
Впрочем, дурней и на дорогах тьма:

На миру, где ценят мечи и латы,
Смерть красна не горечью от ума.

Бесполезны песни и пляски в храмах,
Ни к чему героев вздымать на щит:
Всё равно останешься сам с Усамой
Или Шива сущее сокрушит.

Бренды сбрендят. Хлынет реклама хлама.
Крысоходцам выпадет медный таз.
Встанет утро. Мама домоет Раму.
Финиш будет. Только не в этот раз.

Елена Крикливец (Беларусь, Витебск)

Тёплая ностальгия всегда близка любому сердцу. Поэзия жизни прошедшей, но не ушедшей. Не забытой.

Характерные и характеризующие цитаты:

*«Ни в погонных метрах, ни в рублях
не измерить дедовские хаты...
На таких вот сизых тополях
выбьет время памятные даты...»*

*«Прошедший век с просевшим домом
уже никто не покупал...»*

*«Там петли заячьи кружили
от первопутка до Страстной...»*

В.Г.

Крикливец Елена Владимировна

* * *

Озябший вечер грелся у костра.
Дремал, как пёс, на пестром покрывале.
Сгорала пожелтевшая листва,
и струйки дыма в небо уплывали.

Ты пил вино. Дышал. Ты просто жил.
Растил свой сад. И дом держал в порядке.
Вдруг на рябину шумные стрижи
слетелись, словно буквы в тетрадку.

И, слушая прощальный пересвист,
осенним ветром в губы поцелован,
ты подобрал забытый клёном лист
и начертал: «В начале было Слово...» —

чтобы понять, по комнате кружа,
ночами переписывая строфы,
что рвётся окаянная душа
в извечный путь за словом — на Голгофу.

И ты идёшь. И строишь новый храм.
Венчаешь строки рифмами. А после
смурной октябрь курит фимиам.
Поэт — всегда тринадцатый апостол.

* * *

Пересохшие губы раскрыли колодцы.
Не сыскать уголька в прошлогодней золе.
Но весна по привычке сюда доберётся,
улучив своё время на этой земле.

Будет солнце упрямо на запад катиться.
Будет слышаться ставни отчаянный всхлип.
И, как прежде, опустится глупая птица,
заприметив дрожащие остовы лип.

Закричит, закурлычет, зайдётся по-вдовьи,
заслоняясь от горя усталым крылом.
Это время стенать над погибшим гнездовьем.
Время строить, наверное, будет потом.

Долгий клёкот в закаты бездонные канет.
Во дворах по-собачьи завоют ветра...
На церквише темнеет нетёсаный камень —
сколько их по Отчизне ещё собирать...

А земля налилась бабьей нежностью вешней,
в первоцвет, как невесту, себя обрядив.
В небе новенький серп на гвоздочек подвешен.
Время сеять.
А жатва ещё впереди.

* * *

Наносила воды. Потихоньку. Одна.
Подоткнула халата линиялые полы.
Повздыхала:
— Уже ни на что не годна, —
и скатала ряднину с дощатого пола.

А глазищи из рамы смотрели в упор.
— Покосилась... Сейчас разогнусь... и поправлю.
Рыжеватый (в отца) непослушный вихор.
На плече — автомат, что стреляет «взаправду».

— Я «оружие» это в диване найду —
то-то будет внучку-непоседе потеха.
Вот и яблочки к сроку поспели в саду —
посулились в письме на неделю приехать.

Тяжело отдышалась. Квашню завела.
Повязала косынку из яркого ситца.
Да неловко смахнула муку со стола
и рассыпала соль по сырым половицам...

* * *

А липы гнали свет со старого двора.
Струилась тишина, как молоко в подойник.
Они уже срослись — трухлявая кора
и корка на сухих натруженных ладонях.

Не отогреть платком серебряный куржак.
Распахнуты в туман морщинистые веки.
За этой пеленой — расстеленный пиджак,
и нежность, и тела, как сцепленные ветви.

— Ни солнца, ни тепла, — соседи говорят. —
Срубить бы их пора. Поможем, если надо.
Ну как им объяснить, что летняя заря
давно погасла там, где ржавая ограда,

где столько долгих лет колышется трава
под красною звездой на дальнем перекрёстке?
Исчерпаны до дна и слезы, и слова.
И губы запеклись шершавою коростой.

Отшелестит закат прогретой резедой,
уснувшие сады смородиной задышат...
И снова будет ночь. Как та, перед бедой.
И липы зацветут над обветшавшей крышей.

* * *

Август телегу с дороги свернул,
доверху полную спелым ранетом.
Вьётся над церковью праздничный гул.
Ярмарка. Светлые проводы лета.

Полно. В каком это было краю:
скорби и радости? Лики и лица?
Время отломит краюху свою
и не подумает ею делиться.

Только садов предосенний настой,
в город проникший по улочкам старым,
сердце наполнит прозрачной тоской,
словно антоновку соком янтарным.

Туча на яблоне виснет с утра,
как на заборе мальчишка бесстрашный.
Ветер погонит её со двора —
вырвется клочок из помятой рубашки.

В свежей прорехе блеснёт синева
и освятит благодатью пролитой
преображение мысли — в слова,
завязи — в яблоко, веры — в молитву.

* * *

Ивы косами воду мели,
очумев от июльского зноя.
И натужно гудели шмели,
и коровы плелись к водопою.

Он достал из котомки вино,
на бурёнок прикрикнул нестрого...
Как же всё это было давно:
незнакомка, июль и дорога...

В непонятные дали спеша,
протянула ладошку, смутилась,
повернула на старый большак
и растаяла, словно приснилась...

Этот вечер теплом уголька
снова в память угасшую канул.
Обмелели и жизнь, и река,
и гранёная зелень стакана.

И бродило в дешёвом вине
все, что Блоком не вовремя спето.
А шмели продолжали звенеть
в обжигающем мареве лета.

* * *

Младенец спал.
Уже зажглась звезда.
И шли волхвы. И мать сидела рядом.
Так далеко, казалось, до креста.
Так близко небо, пастухи и стадо.
Младенец спал.
Ему несли дары.
И тем, кто нёс, хотелось верить в чудо.
И полыхали поздние костры,
горячие, как поцелуй Иуды...

...Застыло серебро на тополях —
гроши звенели у беды в кармане...
Младенец беззаботно спал в яслях,
себя доверив Господу и маме.
Давно пастух пригнал своих овец.
Звезда погасла там, за новостройкой.
А люди доедали холодец
и выносили ёлки на помойку.
Младенец спал.

* * *

Заболит душа и внезапно сорвётся к истокам
за такую строкой,
чтобы истина в ней ужилась.
Ты отыщешь её на скрипящем крылечке высоком,
с постоянной лачугой почувствовав странную связь.

Засыпает листва эту землю и эту обитель.
Вечереет уже, и давно отправляться пора,
но склонит виновато седую макушку смотритель:
«Так ведь нет лошадей...»
И приходится ждать до утра.

А когда поутру упакуешь бельишка и снеди,
и, как бедная Дуня, помедлишь у старых ворот,
и потом напрямки по разбитой дороге поедешь,
там, в осеннем тумане, шальная Тамань промелькнёт.

Поистлеют слова, как привычные телу обноски,
и не встретится тот, кому жить на Руси хорошо.
Ты напьёшься беды и пойдёшь босиком по-толстовски...
Он ведь тоже искал,
да, признаться, навряд ли нашёл.

* * *

Прошедший век с просевшим домом
уже никто не покупал.
Лицо в оправе из картона
смотрелось в крошево зеркал...

А в этом мире тоже жили —
не приходили на постой.
Там петли заячьи кружили
от первопутка до Страстной,
и пелись песни без начала,
и пились вечные сто грамм,
и плавно лебеди качались
на серой вате между рам.

Ушло. Растаяло. Забылось...
Лишь при включённом ночнике,
смеясь (от бабки научилась),
она гадала по руке.

И было невдомёк обоим,
читавшим линии судьбы,
как сложный вензель на обоях
похож на заячьи следы.

* * *

Случилось все не вовремя и странно,
и месяц гнул серебряную бровь,
мигал фонарь, чернел фундамент храма,
и были звезды, и была любовь.

И был январь не по-январски тёплым
с не вовремя пролившимся дождём,
и плыл рассвет по запотевшим стёклам —
случайный — тот, в котором мы вдвоём...

Забыть его, как сумку на вокзале,
как вещь в шкафу, когда давно мала.
И встретить удивлёнными глазами
и новый взгляд, и свет, и купола...

Когда нельзя от прошлого укрыться,
и строгий месяц снова хмурит бровь,
так горько перелистывать страницу,
но храм стоит, а значит, есть Любовь.

Наталья Крофтс (Австралия, Сидней)

Тексты подборки оставляют очень хорошее впечатление.

Характерные и характеризующие цитаты:

*«Мне страшно оставаться навсегда
в смиренной рубашке континента...»*

*«Я вижу обезумевшего Ноя —
он рвёт швартовы: прочь, скорее прочь!..»*

*«На палубе, свернувшись, как котёнок,
дрожит дракон. Потерянный дракон...»*

*«А критик видел первый акт.
Не более. И слава Богу...»*

В.Г.

Крофтс Наталья Викторовна

Второй ковчег

По паре — каждой твари. А мою,
мою-то пару — да к другому Ною
погнали на ковчег. И я здесь ною,
визжу, да вою, да крылами бью...
Ведь как же так?! Смотрите — всех по паре,
милуются вокруг другие твари,
а я гляжу — нелепо, как в кошмаре,
на пристани, у пирса, на краю
стоит она. Одна. И пароход
штурмует разномастнейший народ —
вокруг толпятся звери, птицы, люди.
...Мы верили, что выживем, что будем
бродить в лугах, не знающих косы,
гулять у моря, что родится сын...
Но вот, меня — сюда, её — туда.
Потоп. Спасайтесь, звери, кто как может.
Вода. Кругом вода. И сушу гложет
с ума сошедший ливень. Мы — орда,
бегущая, дрожащая и злая.
Я ничего не слышу из-за лая,

мычання, рёва, ора, стона, воя...
Я вижу обезумевшего Ноя –
он рвёт швартовы: прочь, скорее прочь!
Второй ковчег заглатывает ночь,
и выживем ли, встретимся когда-то?
Я ей кричу, но жуткие раскаты
чудовищного грома глушат звук.
Она не слышит. Я её зову –
не слышит. Я зову – она не слышит!
А воды поднимаются всё выше...
Надежды голос тонок. Слишком тонок.
И волны почерневшие со стоном
накрыли и Олимп, и Геликон...

На палубе, свернувшись, как котёнок,
дрожит дракон. Потерянный дракон.

* * *

Я – жёлтый листик на груди твоей.
Меня на миг к тебе прибило ветром.
Вот и конец. И не найти ответа,
зачем в тиши изнеженного лета
поднялся ветер и, сорвав с ветвей,
мне дал на миг прильнуть к груди твоей.

* * *

Лучше жить вообще без надежды,
чем с надеждой, умирающей каждый день.
Край одежды
зацепился за имя твоё, за тень
наших разговоров, за белую стаю
наших писем.
Не пускает.
Стаю
сдам на подушки –
на пух.
Жалко её, конечно,
только одно из двух:

или она меня заключёт –
или –
я её, влёт.
Чтобы выжить.

Железный свист.
...Письма лежат в крови,
в слое небесной пыли.

* * *

Остатки снега с черепичных крыш
прозрачным языком февраль слизал.
Флоренция. Туман. Из тёмных ниш
на нас глядят белёдые глаза.
Насмешливо – для них давно не нов
наш юный мир из разноцветных снов,
из первых путешествий – Рим-Париж,
из твёрдой веры в истинность афиш –
прекрасный вид,
открыточный закат..
из первой безболезненной любви –
наверное, последней.
А пока
в своей беспечной, эфемерной вере
над Арно мы с тобою кофе пьём,
в постылой нише бледный Алигьери
вздохнёт – и с грустью вспомнит о своём.

* * *

Я уже не пойду за тобой.
Пахнет дымом. Морозно.
Повторяет уставший прибор:
«Слишком поздно».

Паутина, незримая нить,
обрывается медленно, странно,
словно нехотя. Грусть хоронить
слишком рано.

Осколки

Разбиваются — опять — на куски
все мечты, что я держала в руке.
Барабанит горечь грубо в виски
и болтает — на чужом языке.

Поднимаю я осколки с земли —
может, склею — зажимаю в кулак.
Но мечты уже — в дорожной пыли:
и не там я — и не с тем — и не так...

Только вишенкой на рваных краях —
на кусочках — тёмно-красным блестит
капля крови — от мечты острия,
от осколка, что сжимаю в горсти.

* * *

Мне не уйти из психбольницы.
Ты в ней, и вот она в тебе —
клокочет, рвётся на страницы
и шарит лапой по судьбе,
куда б тебя ни заносило —
в край небоскрёбов или скал —
ты возле солнечной Мессины
увидишь бешеный оскал
чудовищ — нет, не тех, из книжек —
своих, придуманных тоской,
толпой, тебя несущей ближе к
безумью дней, к огням Тверской.
И будто всё отлично с виду:
умыт и трезв, идёшь в театр,
но чувствуешь: с тобой в корриду
весь день играет психиатр.
Или в музеях строгой Вены
бредёшь меж статуй героинь,
а врач решит — и резко в вены
введёт любовь, как героин.

Спокойней в домике с охраной,
решёткой, каменной стеной,
где мне зализывают раны —
чтоб не осталось ни одной,
где нет ни долга, ни заботы,
ни вин, ни бед... Халат надеть
и от субботы до субботы
на подоконнике сидеть
и издали смотреть на лица
толпы, на улицу в огне.
А рядом Гоголь отразится
в забитом намертво окне.

Ars poetica

Я ослеп. Измучился. Продрог.
Я кричу из этой затхлой бездны.
Господи, я тоже чей-то бог,
заплутавший, плачущий, небесный.

Вот бумага. Стол. Перо и рок.
Я. (больной, седой и неизвестный)
Но умру, и дайте только срок,
дайте строк — и я ещё воскресну.

* * *

*На развалинах Трои лежу, недвижим,
в ожиданье последней ахейской атаки
Ю. Левитанский*

На развалинах Трои лежу в ожиданьи последней атаки.
Закурю папироску. Опять за душой ни гроша.
Боже правый, как тихо. И только завыли собаки
да газетный листок на просохшем ветру прошуршал.
Может, «Таймс», может, «Правда». Уже разбирать неохота.
На развалинах Трои лежу. Ожиданье. Пехота.
Где-то там Пенелопа. А может, Кассандра... А может...
Может, кто-нибудь мудрый однажды за нас подытожит,

всё запишет, поймёт и потреплет меня по плечу.
А пока я плачу. За себя. За атаку на Трою.
За потомков моих — тех, что Трою когда-то отстроят,
и за тех, что опять её с грязью смешают, и тех,
что возьмут на себя этот страшный, чудовищный грех
и пошлют умирать нас. И вас... Как курёнка — на вертел.

А пока я лежу... Только воют собаки и ветер.
И молюсь — я не знаю кому — о конце этих бредней.
Чтоб атака однажды, действительно, стала последней.

Таврии, земле Херсона и Херсонеса

Черноморские дали.
Дикий храп кобылиц.
Звон отточенной стали.
Кровь.
Я падаю ниц.
И на тунике белой —
тёмно-липкий узор.
Принимай моё тело,
Херсонесский простор.
Белокаменный град мой,
смесь народов и вер,
я вернусь. Я обратно
обязательно вер...

Полонянок уводят
босиком по стерне
на чужбину, в неволю.
Крики.
Топот коней.
Уж и ноги ослабли,
не шагнуть мне, хоть вой.
Янычарские сабли —
над моей головой.
Я крещусь троекратно.
Добивай, изувер...
Я вернусь. Я обратно
обязательно вер...

Вот и всё. Докурили.
Чай допили. Пора.
Расставания, мили...
Может, это игра?
Полсудьбы — на перроне.
Путь веревочкой свит.
И... без всяких ироний:
«Приезжай». «Доживи».
О измученный град мой,
смесь народов и вер,
я вернусь. Я обратно
обязательно в-е-р...

Надежда Кутуева (Россия, Волгоградская область, с. Ольховка)

Тексты достаточно живописны. Автору хорошо удается сочетать пейзажную изобразительность с психологической достоверностью.

Гармоничная подборка. Заслуживает внимания.

Характерные и характеризующие цитаты:

*«Купанье красного коня,
Лицо июльского заката.
И было, кажется, когда-то
Всё это в жизни у меня...»*

*«Судьбы крутые виражи,
Заря тревоги над Россией...
Ей небеса подарят силы,
Чтоб верить, и любить, и жить...»*

*«И в плен легко берут меня
Родной очаг, дорога в лето,
Звучанье песни недопетой,
Купанье красного коня...»*

В.Г.

Кутуева Надежда Владимировна

Купанье красного коня

В 1912 году художник Кузьма Петров-Водкин жил на юге России, в имении близ Камышина.

Существует мнение, что картина «Купанье красного коня» была написана им в селе Гусёвка.

Красный конь выступает в роли Судьбы России, которую не в силах удержать хрупкий юный седок.

Купанье красного коня,
Лицо июльского заката.
И было, кажется, когда-то
Всё это в жизни у меня.

Вдруг отступает суета
И дней привычная рутина.
Я замираю у картины,
Миг озарения впитав.

На холст ложится киноварь,
Дрожат осины возле дома.
Любви к местам, давно знакомым,
Не могут передать слова.

Седым векам не обмануть
Доверчивость Гусёвки милой.
Я здесь была. И я любила
Лугов ковыльных тишину.

Манит величие икон,
Озёра обнимают синью.
Не удержать рукою сильной —
Стремится вдаль могучий конь.

Судьбы крутые виражи,
Заря тревоги над Россией...
Ей небеса подарят силы,
Чтоб верить, и любить, и жить.

И в плен легко берут меня
Родной очаг, дорога в лето,
Звучанье песни недопетой,
Купанье красного коня.

Задумчивый парень с гитарой

Солнечных дней, словно чуда весеннего, жду.
Снова мечты оживают мелодией старой.
Звёзды цветут васильками в продрогшем саду.
Трогает струны задумчивый парень с гитарой.

Где-то играет в просторах ночных саксофон,
И замирает от сдержанной нежности скрипка.
В снах предрассветных, как прежде, царит только он,
Взгляды его и такая родная улыбка.

Звуки гитары сродни проливному дождю,
Ноты диктует влюблённым уставшая полночь.
Ты говорил мне: «Вернись, я так преданно жду...»
Знаю, как прежде, свои обещания помнишь.

Вновь за окном акварелью цветные луга.
Ветер поёт в проводах бесшабашно и вольно.
Стрелки часов доверяют решенья кругам.
Им, равнодушным, от памяти жаркой не больно.

Крещенские морозы удались

Крещенские морозы удались.
Хрустит, ломаясь, лёд под каблуками,
И стужа быстро превращает в камень
Согревший память прошлогодний лист.

Тревожная метельная пора,
Твоих снегов сверкающее чудо
Я даже в снах весенних не забуду —
Ведь не дано судьбу нам выбирать.

Нет ни звонка, ни встречи, ни письма.
От перемен никто не застрахован.

И даже в душу проникает холод –
Так торжествует лютая зима.

Бессонницы неспешны корабли.
Готовлю я для новой сказки танцы.
Сумеешь ли со мною в ней остаться?
...Крещенские морозы удались.

На траве по утрам

На траве по утрам
Сизой дымкой роса.
Догорает костёр
Уходящего лета.

Дай мне руку твою,
Загляни мне в глаза.
Расскажи о сиянии
Лунного света.

И, наверно, не раз
Нам споют соловьи
То, о чём рассказать
Я ещё не готова:

Соло ласковых губ,
Песню нашей любви
Бесконечным романсом
Горячего слова.

Тревожит лето августовской далью

Растает след в беспечности песка.
Я на ромашке робко погадаю,
Узнав твои секреты...А пока
Тревожит лето августовской далью.
Сегодня снова с осенью на «ты»
Кленовый лист и запах яблок сладкий.
Багрянцем озарённые кусты
Тяют в себе извечную загадку:

Как дать плоды и снова расцвести,
Как умереть и заново родиться.
И постигает тайны высоты
Парящая в немом восторге птица.
А мне узнать о многом не дано,
Не потому ль так радостью искрится
Закатом освещённое окно
И белизной манящая страница?

Неспешны сны томительного лета

Дней предосенних терпкие уста...
Ночь звездопада ласкою согрета.
Неспешны сны томительного лета
И этот август, что слегка устал.

Прохладой обнимают вечера.
И на краю багрового заката –
Всё то, что в прошлом не сбылось когда-то,
И летних грёз беспечная игра.

Уже созрели яркие плоды,
А темнота крадётся за кустами.
Мы нашу радость в памяти оставим,
Когда придут осенние дожди.

Тепло любви надолго сбереги.
Тумана дымкой тишина одета.
На подоконник в серебре рассвета
Неслышно льются времени шаги.

Цветные листопады сентября

Цветные листопады сентября.
На яркость свежих астр не наглядеться.
Услужливо, в который раз подряд,
Нас память возвращает в годы детства.

Тетради новой белоснежный лист,
Моих друзей восторженное братство...
А с кем ещё потом мы так могли
Задорно петь и искренне смеяться?

К вершинам знаний долгая тропа,
Познания миг – мучительный и сладкий.
Учителю до полночи не спать,
Склонившись над заветною тетрадкой.

Собранье светлых истин и добра,
Судьбы мгновений, грустных и весёлых.
И кажется, что будто бы вчера
Беспечно мы с тобой прощались, школа!

Не повторяй слова любви

Не повторяй слова любви,
Давно иссяк её источник.
И вместо строчек – многоточья
И шелест солнечной листвы...
Не повторяй слова любви.

И эту нежность не тревожь,
Что так непрочно и случайна,
Любовный трепет – это тайна,
И не украсишь ею ложь...
И эту нежность не тревожь.

В глаза мне молча посмотри,
Ведь так спокойны губы, руки.
А помнишь, были слёзы, муки
И жар объятий до зари?
В глаза мне молча посмотри...

Ты лучше дружбой назови,
Что происходит между нами,
Былые чувства угольками
Чуть тлеют в отвесах травы...
И ты их дружбой назови.

В печали тихих вечеров
Моё ты повторяешь имя,
И не сравнишь тебя с другими,
И не найти желанней вновь
В печали тихих вечеров.

Звенит хрустальная капель,
И счастье вновь необъяснимо.
И я по-прежнему любима,
Пусть ветрен ласковый апрель.
Звенит хрустальная капель.

Ты стал другим

За встречу благодарна я судьбе,
Сияньем глаз ты украшаешь строки.
Теперь и я благодаря тебе
В слепой ночи не буду одинокой.

Плоток любви порой ничтожно мал,
Легко сметён одним порывом ветра.
Мои стихи, которых ты не знал,
Всегда твоим дыханием согреты.

Последнюю боготворил любовь.
Печалюсь, что растут разлуки скалы.
Мы пережили расставанья боль,
И я тебя, как птицу, отпускаю.

Ты стал другим. Но тёплых взглядов шёлк
Как прежде, и ласкает, и тревожит,
Что у судьбы мне вымолить ещё,
Ведь благосклонней стать она не сможет.

Мглой сомнений терзаем душу

Мглой сомнений терзаем душу,
Чужой подлостью, неудачей...
Как страдает от равнодушия,
Как она от обиды плачет,
Свои горькие пряча раны!
Только жить не можем иначе.
И жива она, как ни странно,
Вдохновеньем полна горячим.

И звучит в ночи камертоном,
Отзываясь на строки писем,

Нежной скрипкою или стоном —
От неё уже не зависит.
Пережив снега и потери,
Беззаветной любви открыта,
Снова людям с улыбкой верит
И твердит стихи, как молитву.

Денис Садыков (Россия, Ижевск)

...Несмотря на все замечания, есть в этой подборке нечто не-
уловимое, что позволяет считать ее вполне цельной и ещё очень
чистой.

Характерные и характеризующие цитаты:

*«Мне Господь подаёт на жизнь
И ещё сверх того — на смерть...»*

*«Значит, шёпотом, в треть, вполголоса
Кровоточить слова, как выстрелы...»*

*«...тома бесстыдно-девственных страниц.
Огонь для книги — лучшая забава,
листья осенней солнечная лава,
округлость форм и заострённость лиц...»*

В.Г.

Садыков Денис Маратович

Молитва

Вьётся к шее канатный линь,
Проигравших жалеет плеть,
Мне Господь подаёт на жизнь
И ещё сверх того — на смерть.

Распрямив горизонта жгут,
Растекается солнца медь,
Мне свобода на пять минут —
Больше времени не стерпеть.

Каждый вздох, каждый выдох, взмах
Заплетает событий нить,
Мне любовь заменяет страх
Перед этой проблемой — жить.

Небосвода размазав синь,
Разрезаю земную твердь,
Я прошу мне подать на жизнь
И немного ещё — на смерть.

Наша песня

Наша песня никак не сложится,
Наши дни посерели лицами,
Рифмы кривые детской рожницей —
Необъезженными кобылицами.

Если небо в объятьях радуги
Веселит лишь с натуги маетной,
Скулы сводит от сладкой патоки —
Небоскрёбами жизни матерной.

Значит, шёпотом, в треть, вполголоса
Кровоточить слова, как выстрелы,
Прочертить на мишенях полосы,
Выводя прописные истины.

Не стоять нам с венцом на паперти,
Не кричать: «Прикрываю! Выстоим!»
Все герои пошли по матери,
Наготу прикрывая листьями.

За собой оставляя раненых,
Отпускаем грехи монетами.
Частоколом глаголов скаредных
Грудь увешана, как победами.

Наша песня никак не сложится,
Кашей стынута потуги гениев,
У истории руки — ножницы,
Не сложилось, знать, поколение.

Не время

«Не время», — говорила мне любовь.
«Не стоит», — уходя шептала совесть.
Я закурил, перрон, последний поезд
Топтал окурки и пытался вновь

Отбросить боль, сомненья бытия,
Тех находить, кто на тебя похожи,
Лукавство нам обходится дороже —
Искал тебя и только лишь тебя.

Волной рябою вылизан причал —
Пространство, заключённое в движенье.
С победою приходит поражение,
Двуликое начало всех начал.

Как отрицание, как слово «нет»,
Как то, что не вмещает смысл понятий.
Итог нечасто стоит тех занятий,
Что предлагает жизнь на склоне лет.

Тома бесстыдно-девственных страниц.
Огонь для книги — лучшая забава.
Листвы осенней солнечная лава,
Округлость форм и заострённость лиц.

Калейдоскоп. Неразбериха. Бред.
Так гонит сердце по сосудам старость.
Я закурил. Осталась только малость —
Топтал окурки и искал ответ.

Млечный путь

День рожденья похож на праздник —
Листья по ветру, словно перья,
Нескончаемый жизни кастинг —
Событийное ожерелье.

Место памяти — день прошедший,
В нерушимом молчанье залов

Колоннады моих столетий —
Стройплощадки небесных храмов.

Оттолкнувши, связав былое,
И вобрав, что стучится в гости,
Я — не доброе и не злое,
Я лишь то, что случится после.

Рождена по дороге млечной,
Без печали и укоризны.
Молодым оставляю вечность,
А себе мимолётность жизни.

Части речи

В зеркалах отражаясь женщин,
Растворяюсь в палитре красок,
Распадаюсь на части речи,
Междометья объятий, ласок.

Мягкий шёлк закруглённых линий,
В чашке матовой стылый кофе.
Цвет индиго, почти что синий —
Обнажённой природы профиль.

На полу в беспорядке розы.
Зрелость чувств задвигаю в угол,
Повисают над нами звёзды,
Продырявив небесный купол.

Хочешь, плачь. Это больно, знаю.
Нет страховки покрыть все риски.
В отраженье своём замечаю
Стекленеющий взгляд василиска.

Отвечаю кивком согласным,
Опускаю безвольно плечи
И отрывистым звуком гласным
Распадаюсь на части речи.

Рассвет

В безлюдном доме рваное окно,
растрёпанные крылья занавесок,
за холм бегущий чахлый перелесок,
дрожанье кадра, как в немом кино.

Прозрачных звёзд зияющий рассвет,
безмерная усталость амплитуды.
Охваченный космической простудой,
промокших листьев опадает цвет.

Закройщик душ раскинул полотно
в ажурном превосходстве уравнений.
Константами грядущих поколений
бессмертие людей не учтено...

...закрыл глаза... и больно, и темно...

Ришат Халиуллин (Россия, Санкт-Петербург)

Очень непосредственный автор... Отчасти игровая, но вместе с тем искренняя и продуманная поэзия. Доза «несерьёзности» подборке явно к лицу. Из-за текстов всё время выглядывает сам автор с хитрецей в глазах и усмешкой на губах. А умышленное отсутствие пафосности и помпезности тоже только в плюс.

Характерные и характеризующие цитаты:

*«Вся душа моя в русом
С рыжиной, как копна,
В снеге колком и хрустком
Слёз хрустальных полна...»*

*«Брела по пляжу собака-хаски,
И плыли льдинки в её глазах...»*

*«Я буду есть со страстью книги
Так, словно ем хурму и киви,
И пить, как непростые вина,
Стихи Цветаевой Марины ...»*

В.Г.

Халиуллин Ришат

Хаски

В Хургаде солнце палило адски.
Я не поверил своим глазам:
Привёл собаку породы хаски
На берег моря араб Хасан.

Хасан по пляжу ступал по-хански,
Слегка цепляя носком песок,
Царя Чукотки, красу Аляски
Тянул он гордо за поводок.

Хасан для смеха приёмом хамским
Хватал и дёргал за холку пса —
Молчала Тула, притих Архангельск,
Курил Челябинск в одних трусах.

Сияли выси над морем райски.
Смятенно глядя на небеса,
Брела по пляжу собака-хаски,
И плыли льдинки в её глазах.

Сон

Памяти Ирины Важинской

Бесконечно были люты
все последние года.
Дорогие сердцу люди
пропадали без следа.
Я искал их сирым взглядом,
нечувствителен и тих.
А они ходили рядом,
только я не видел их.
Всё мне грезилось, как спяну,
Что, пробравшись сквозь леса,
в полдень выйду на поляну
и услышу голоса.
Те, кто были сердцу любви,
под дубком сидели здесь.
«Ба! — скажу, — какие люди,
можно рядышком присесть?»

Чаю с мёдом и мелиссой
в чашку белую нальют.
Жирной кисточкой Матисса
листья вылеплены тут.
Ложек звяканье о блюдца,
шорох праздничных рубах.
Время мне уже проснуться.
Вкус мелиссы на губах.

Я не русским родился

Я не русским родился,
Я в анфас не русак —
Хитровато рядился
С Ермаком за ясак,
И крестил меня Грозный,
И пугал Пугачёв,
Я Романом* в тот грозный
Век навек наречён.

Я по самые брови
Басурманин, как встарь,
Но и телом, и кровью
Я причастник Христа!
Челубей с Пересветом
Бьются в сердце моём,
Мне за каждым рассветом
Мнится чьё-то копье.

Сердце — раненый сгусток —
Больно взвояет порой:
«Пусть я плоти не русской —
Я за русских горой!»
Вся душа моя в русом
С рыжиной, как копна,
В снеге колком и хрустком
Слёз хрустальных полна.

Русских мало осталось,
Как деревьев в лесах,
Русских — самая малость,
Как синиц в небесах.

---

* Автор стихотворения крещёный в православие именем Роман.

Кто б ты ни было, племя:
Хоть село, хоть улус,
Слышишь, пробило время
Заступиться за Русь!

Дух России ослаблен,
Тянут недруги дань.
Челубей, стань Ослябей —
Русским воином стань!

На тему Греции

Там, где знойно всегда и ясно,
где сияет гора Олимп,
из людей выжимают масло,
как из мяса живых олив.

Из людей выжимают соки,
собирают янтарный мёд.
Набухают под кожей соты,
наливается в порах пот.

Нагнетают под прессом грозди
монотонно и не спеша.
Разрываются плоть и кости,
покидает плоды душа.

Снова зреют в долинах лозы.
Так уж в мире заведено:
из людей выжимают слёзы.
Вытекает из жил вино.

Бумажки

На бумажках, скомканных и рваных,
среди всякой сыпкой чепухи,
как птенцы, живут в моих карманах
молодые, хрупкие стихи.

По лицу исхлётанный Бореем,
как в бреду, бреду, глотая снег.
А стихи в руках горячих грею —
То ли птица, то ли человек.

Напою стихи высоким духом,
всыплю в ясли зёрна спелых слов.
Затаюсь, приникну чутким слухом:
Может, слог мой малость не здоров?

И стихам, и птицам нынче тяжело,
не в почёте певческий талант.
Шелестят, топорщатся бумажки,
улететь, сердечные, хотят.

Шла женщина смеясь

Шла женщина одна и радостно смеялась,
из прожитого дня ей что-то вспоминалось.
Быть может, ей пришло хорошее известье,
что найден кошелек и деньги все на месте.
Что с барского плеча начальница, по дружбе,
повысила оклад, продвинула по службе.

В таинственных глазах, как будто клад, зарыта
была такая весть, что много выше быта.
Она ладонь к губам прикладывала часто,
желая скрыть к губам прихлынувшее счастье.
А руку ту другой рукой сжимала крепче.
Но смех не отпускал, и вздрагивали плечи.

В тот неприметный день чудесное случилось:
шла женщина-волна и глубь её лучилась.
Не шла – текла, плещась, скупого мира мимо,
Уже почти любя, уже совсем любима.
Да мне ль её судить взыскательно и строго:
шла женщина, смеясь и плача от восторга.

Берёзы рубят

Берёзы пилят поутру,
Берёзы рубят поутру.
И палят белую кору,
И пахнет баней на ветру.

Шипят сырые потроха –
Щепы и веток вороха,
В прорубленную синь высот
Парит невыбродивший сок.

Лежит земли бесценный труд –
Берёзы вылущенный труп
В своей чудовищной красе...
Здесь пустят новое шоссе.

Четыре женщины

Весна мне дочь. То бьёт её озноб,
То духотою мается в логу.
Потешно вздёрнув клейкую серьгу,
Капризное дитя целую в лоб.

А лето мне – законная жена.
Я жаден до своих исконных прав,
До утренних туманов, пряных трав,
И бархата вишнёвого вина.

Старушка осень – мне родная мать.
В платочке, растрепавшемся слегка,
Стоит и машет вслед издали
И тшится что-то главное сказать.

В глаза последней женщине смотреть
Я даже в мыслях не решусь посметь.
Она по верным признакам зима.
Она внезапно явится сама.

Поэзия

Человек с ухмылочкой подвыпившего
У дверей «Ашана»*, как на паперти,
С видом чудака, с луны подвыпившего,
Пушкина читал всего по памяти.

---

* Ашан – сетевой гипермаркет

Простирая руки экзальтированно,
Он читал то рьяно, то размеренно.
Люди очумело аплодировали
Главам из «Евгения Онегина».

Замерла толпа, теснясь тележками,
Взглядами лучась счастливо-грустными.
Лузгая возвышенно орешками,
К Пушкину прислушивались грузчики.

Голос возносился зло и пламенно,
Над тряпичным капищем имущественного.
Это гость сошёл с подножья каменного,
Чтоб явить поэзии могущество.

Воспоминание об отце

Никак не выше минус сорока.
Отцу никак не больше сорока.
Он правит краном маленькой ногой,
он тянет ветку в Новый Уренгой.

Из космоса спускается озон,
едва теплей, чем сжиженный азот.
Суставы пробирает колкий зуд,
не греет ни солярка, ни мазут.

Отец ногою выжимает газ.
Стране, как воздух, требуется газ.
А кран крючком вонзается в трубу
и тащит, будто рыбу за губу,

туда, где за промёрзлую тайгой
еще не старый Новый Уренгой.
Я дома. Мне пошел десятый год.
Я жду отца, а он все не идет.

Георгий Яропольский **(Россия, Кабардино-Балкария, Нальчик)**

Характерные и характеризующие цитаты:

*«Эй, гибискус, фиалка и кактус,
приобщаю вас к этому факту-с,
дым пуская в вас ночь напролёт:
божеством остаётся лишь Бахус,
осознание этого — лакмус
(посинеет любой, кто поймёт)...»*

*«Ведь когда пустотелой свободы
опостылит бескрылый мотив,
разомкнутся фекальные воды,
вновь кого-то из пены родив...»*

В.Г.

Яропольский Георгий Борисович

Хрустальный шар

Шар хрустальный — вот всё, что я помню о нём.
Он был небом завещан.
Опусти его в тигель, испробуй огнём —
ни царапин, ни трещин.

Шар я помню, в котором текли облака
с невесомым сияньем,
но с годами — упорно твердит мне строка —
я расстался с тем знаньем.

Не взирая на то, что так скоро умру,
что забвеньё — химера,
я мотался, как ржавая жесть на ветру,
и летал, как фанера.

Где хрустальный мой шар? Хоть шаром покати —
ни числа, ни излучин.
Ветер жухлые листья прогнал по пути,
что до скуки изучен.

Всё равно! всё равно! — бьётся пульсом в висках.
Это было недаром.
Шар хрустальный в моих согрелся руках.
Я владел этим шаром.

Я не тот человек

«Добрый день, имярек», —
обознался прохожий.
Я не тот человек —
видно, просто похожий.

Мы расстались навек,
только фраза осталась.
«Я не тот человек», —
ненароком шепталось.

Окунаешься в быт,
невозможный без дозы, —
эта фраза свербит
вроде старой занозы.

«Я не тот человек», —
констатируешь утром,
отправляясь в пробег
по рутинным маршрутам.

И бредя на ночлег
среди привычного хлама,
«Я не тот человек», —
повторяешь упрямо.

Я по горло игрой
этой сыт, если честно.
Я не тот, а другой,
только кто — неизвестно.

Это сделал мой век,
искажающий лица.
Я не тот человек,
а к тому — не пробиться.

Меж слепцов и калек
повседневной пустыни,
«Я не тот человек», —
утверждаю поныне.

И в зеркальную гладь
всё гляжу исподлобья,
не желая признать
достоверность подобья.

* * *

Я в лес вошёл. Изогнутые сучья
в меня, как указательные пальцы,
нацелились: «Глядите-ка, пришелец!»
И все былинки вытянули шеи,
и каждый куст на цыпочки привстал.

Лес жил, дышал, бока его вздымались,
а ветви (сколько горечи в их жестах,
а может, и не горечи — насмешки
или ещё чего-нибудь такого)
мотались взад-вперёд... Но, к сожаленью,
мне незнаком язык глухонемых.

И вот среди деревьев безымянных
(по имени я знаю лишь берёзу),
я ощутил... неловкость? Да, неловкость!
Как будто бы с роднёй полужнакомой,
с троюродной подслеповатой тёткой
я вынужден поддерживать беседу —
о диабете, о дороговизне,
о нравах молодежи... Бог ты мой!

Поддакивать, кивать, вставлять словечко,
помешивая ложечкой в стакане, —
поистине, достойнейшая кара
для бедной жертвы кровного родства...

Мне камни ближе! Я — дитя бетона,
квадратных метров, лифтов и балконов!
И тормозов срывающийся скрежет
понятней мне, чем птичий пересвист!

И всё-таки подобьем сожаленья
является не мысль, а отзвук мысли
о том, что где-то с жалкою авоськой
бредёт к ларьку родное существо...

О том, что кроны леса поредели,
от сырости его суставы ломит,
и дупла расширяются, чернея,
и трескается старая кора...

И думаешь: неплохо бы поехать,
поохать, выпить жиденького чаю,
порадовать, калитку починить.

Но снова ограничишься открыткой
с избитыми словами пожеланий,
и ту дня три проносишь бесполезно,
пока почтовый ящик не найдёшь...

Дай Бог, чтоб почта нас не подводила!

Дай Бог, чтоб лес весною зеленел!

Смешные существа

Всё же, что ни говори,
мы смешные существа:
всякий хлам у нас внутри
превращается в слова.

Разложимо всё, что есть,
до последней простоты.
Что такое ум и честь,
идеально знаешь ты.

Похоть, ревность, крови зуд
проявлениями любви
параноики зовут,
поясняя: *C'est la vie!*

Рвём рубахи на груди,
ан сегодня не вчера.
Сколь углей ни шуруди,
не окрепнет плоть костра.

Не хранимся в янтаре,
но сгораем, как дрова
с той травы, что во дворе.
Мы смешные существа.

Автопортрет у ларька стеклотары

*Кто бы стал нести
унылой жизни тягостное бремя?
«Гамлет», акт III, сцена I*

To be or not... Язык на альвеолах...
Я этот вековечный милый вздор,
которому в спецшколах каждый олух
прилежно внемлет, помню до сих пор.

Лет в десять я зубрил его ретиво,
с трагическим заламываньем рук.
To be or not — и вся альтернатива!
И в слове *not* — альвеолярный звук!

Благодаря Шекспиру и Минпросу,
по гроб твердить мне это суждено.
Но наяву подобному вопросу
меня смутить, по счастью, не дано.

Когда-нибудь я стану горстью пыли,
но чтил и чту единственный ответ:
to be — и точка. Безо всяких «или»!
To be — и всё. Альтернативы нет.

Стремленье сгинуть — чуждая причуда.
Блуждая мрачной бездны на краю,
я знаю, что я жив ещё, покуда
посуда есть, которую сдаю.

Голем

По мне, что про-, что анти-
(не важно, по лбу, в лоб).
Один вопит о вате,
другой клянёт укроп.

Всё это — лишь завеса,
слепой язык вражды,
а бреднем вынуть беса —
напрасные труды.

Не послан небесами
коварный этот псих —
его мы лепим сами,
любой из «малых сих».

И се, жестокой вые
навряд ли что грозит:
мы части составные
хвоста, рогов, копыт.

Он весь из мелкой пыли,
ему не гаркнешь «вон!».
Его мы сотворили,
но правит нами он.

Попурри

«Загублена такая жизнь!» —
строка из древности, из Ро-
берта Иваныча, кажись,
иглой кольнула под ребро.

Обгрызан каждый габарит.
Солома прееет в голове.
«Мне не успеть договорить», —
давно успел сказать АВ.

С портрета хмурится отец,
как приглашая: «Повтори!».
«Часть речи», «превратиться в текст», —
мозги мне пудрит попури.

С утра терзает дребедень
и Тоски нет — гнетёт тоска.
Но «светожизни смертотень»
приговорил мой друг СК.

Уймись, утихни, попури, —
ты не пошлешь меня в отруб:
всегда важнее, что внутри,
чем то, что зыблется вокруг.

Кто прозревает суть вещей,
загробный страх видал в гробу.
Пускай я тош, что твой Кощей,
сундук пребудет на дубу.

Литургия

Скомкав жизнь, как намокший платок,
ты оспорить себя не позволишь,
а за мной по пятам — шепоток:
у-у, паскуда! пархатая сволочь!

Что ж, спасибо. Всё так: соблазнил
и — покинул. Обыденный казус.
Но сегодня не хватит чернил
оправдаться. Засим — и не каюсь.

Идиотка! Я слышал — в гробу
щеголяла ты в свадебном платье?
Душегуб — ты мне выжгла на лбу.
Режет слух мне такое проклятье.

Ох, уж эти повадки ягнят!
Изловчась, ты мне плюнула в рыло,
а сама: «Мне тебя не догнать —
не дотягиваю!» — говорила.

Насчёт этого ты налгала.
Жаль, не смог раскусить я каналью.
Догнала ты. И — перегнала.
Отдыхай. Нынче я — догоняю.

* * *

Осточертело нудное бабье!
Всё норовит — в глаза шепоткой перца.
Христос был терпелив, но, ё-моё,
к моим и он не смог бы притерпеться.

Я утомлён обильем их затей,
оскомину набили эскапады.
Страшней ежевечерних новостей
их умонастроений перепады.

В чём дело — перистальтика? Луна?
То шёлк, то ор, как будто кто их режет.
Увы, соседям часто не до сна —
поди усни под мой зубовный скрежет.

Послушайте, ведь я не душегуб!
Не то что синей, вовсе бороды нет!
Согласен: я подчас бываю груб,
но хай любой нет-нет да и подымет.

За это, что ли, рвёте на куски?
Не уцелеть в убийственном цейтноте.
Ведь я не свечка, горе-мотыльки!
Безумицы, почто ко мне вы льнёте?

Какой-нибудь музейный экспонат,
и тот табличку выставил «Не трогать».
За что ж меня так мучить и шпынять?
Летите прочь — я вам не мёд, но дёготь!

...Любимая, не слушай ничего.
Ты знаешь, иногда я тоже вою.
Мне тяжело, и славное чело
язвит клеймо вины перед тобою.

Перед тобой — за прошлое моё.
Перед тобой — за всё несовершенство
юдоли сей, где только вороньё,
раскаркавшись, приветствует пришельца.

Я разнo жил — порой бывал неплох,
порою поддавался дешевизне.
Да, твой приход застал меня врасплох —
не прибрано в моей поспешной жизни.

Пусть я грешил, лил воду в решето,
за чувства полагая сбой пульса,
но ты прости хотя бы лишь за то,
что всё же я с тобой не разминулся.

Как мне тебя от времени сберечь?
Да, Господи, — хотя бы от простуды!
Я знаю только сбивчивую речь
да грохот опрокинутой посуды.

От темноты грядущей не спасти,
а страх бывшего пуше ностальгии.
Мы в тупике. Но всё же ты прости.
Даст Бог, меня простят и те, другие.

Владимир Штокман (Польша, Краков)

...Моё приглашение в следующий тур было принято автором
и подтверждено жюри.

Характерные и характеризующие цитаты:

*«Но предчувствием детское сердце переполнится вдруг иногда,
Понимаешь, что некуда деться, и уже просочилась вода
Родником упоительной влаги, что когда-нибудь небо прорвёт,
И проступят слова на бумаге,
и таинственный смысл прорастёт...»*

*«Витражи — миражи неземных берегов,
Снимки ангелов, дагерротипы богов...»*

*«Сделались ночи томительно длинными,
Сделались дни утомительно серыми,
Пялятся в душу глазами совиными
Тусклые звезды с холодного севера...»*

В.Г.

Штокман Владимир Леонардович

День первый

Новый год — это больше чем праздник....
Неизменный салат оливье
Средь закусок хороших и разных
В самом центре на круглом столе.

За окном белоснежно и кротко,
«Ни машин, ни людей», ни зверья.
Мама в кухне гремит сковородкой,
Папа в спальне терзает баян.

И стоишь ты, душой замирая —
Будут гости, веселье и смех
На пороге недетского рая,
Там, где счастья хватает на всех.

Там, где под шепоток снегопада
Льётся тихой беседы поток,
Там бессмертие, радость и правда,
И шампанского первый глоток.

Пахнет хвоей, селёдкой и водкой,
Мандаринами и холодцом...
Пронесётся секундой короткой
Бой курантов, как звон бубенцов.

И восторженно будешь смотреть ты
До утра «Голубой огонёк»
И «Эстрадные ритмы планеты».
— Ты такой уже взрослый, сынок...

А наутро, холодною снедью
Наспех перекусив, ты уйдёшь
В «этот рай белоснежный» за дверью,
В эту жизнь, в эту смерть, в эту ложь.

* * *

На соседскую девочку мама кричит благим матом —
Сквозь фанерную стенку так слышно, хоть уши заткни.
На кровати, прикрытой едва покрывалом помятым,
Проступают следы полуночной бессонной возни.

Перестанет казаться и незачем станет креститься,
Не нальёшь — не напьёшься, как древняя мудрость гласит,

Потому и течёт по стеклу эта чудо-водица,
Оттого-то так страшно и тошно «молчат караси».

Разбросал по земле эту чёрную весть неблагую,
Разметал на ветру, как икру, бесполезный улов,
И теперь на пиру и в миру я шучу-балагурю,
На себе испытал геометрию пятых углов.

Брал на понт, на слабó, проверял на изгиб и на гнилость,
Все надеялся, вдруг на горе засвистит василиск.
Оказалось, что всё, что казалось, всего лишь приснилось,
Ничего не осталось, лишь несколько дребезг и брызг.

За окном новый день нависает стальной этажеркой,
За стеной всё звучит безутешный, пронзительный плач.
Нелегко столько лет, столько зим жить бессмысленной
жертвой.
Но скрипит эшафот, и уже приближается добрый палач.

* * *

Помнишь, гадали на гуще кофейной,
Блюдец вертели и верили в духа,
Грусть заливали креплёным портвейном
И улыбались от уха до уха?

По гороскопам судьбы сверяли
И по крутым гексаграммам И-Цзина,
Слушая звуки небесной свирели.
Время растягивалось, как резина.

Вился дымок голубой, горьковатый,
Каждый второй был отпрыском бога,
И колыхались волны нирваны
В каждой квартире, за каждым порогом.

Там, в той провинции, плотной, как осмий,
Жизнь представлялась подобием круга.
Только закончился «век високосный»...
Что непонятно, спросите у Гугла.

Баллада о художнике

Памяти Адама Сталони-Добжаньского

Витражи — миражи неземных берегов,
Снимки ангелов, дагерротипы богов.
Непроста витражиста работа.
Чтобы вспыхнула красками стекол слюда,
Сколько нужно смирения, сколько труда,
Сколько нужно прозрений и пота...

Мастер в храме стоит на высоких лесах,
Он фрагмент за фрагментом картину писал
Из стекла и свинцовых пластинок,
Подбирая оттенки, сверяя цвета,
Красотой заполняя пустые места.
Только он недоволен картиной.

Говорит он священнику: «Падре, смотри,
Как одежды у ангела в свете зари
Полыхают небесным пурпуром.
Но два стёклышка все же темнее других,
Заменить обязательно должен я их,
А иначе это халтура».

Настоятель наморщил в сомнении лоб:
— Мастер, время работы уже истекло,
И витраж твой великолепен.
Он настолько хорош, что оттенки стекла
Не имеют значения для большинства,
И дефект здесь внизу незаметен.

И ответил художник: «Ну что ж, здесь, внизу,
Похвалу и хулу я любую снесу,
Мастерству своему цену зная.
Да вот ангелы там, в поднебесных мирах,
С осуждением будут смотреть на витраж,
Недоделки мои замечая.

Скажут: «Этот художник — лодырь и плут,
Он ведь знал, что цвета его стеклышек лгут,
Но ошибку свою не исправил».
И священник смиренно потупил глаза,
И тихонько ушёл, ничего не сказав,
Мудреца с витражами оставив.

Познань

Поздняя осень. Познань.
Дождик метёт по крышам.
Я, как объект, не опознан
И, как субъект, не услышан.

Что-то пел под гитару,
Читал какие-то вирши
И вспоминал о старом,
Время остановивши.

Мелькали лица и даты
Сметая начисто рифмы...
Я приезжал когда-то
В этот город старинный.

Город насквозь европейский,
Весь в чешуе черепичной,
Хочешь, пой, хочешь, пей с ним.
Город — ключик скрипичный.

Вспомнил о давнем спектакле,
Сцена, внутренний дворик,
Потом ночевали в замке —
Призраки в коридорах.

Все же помню не очень —
Двадцать лет ведь — не шутка...
Словно выпрыгнул ночью
В прошлое с парашютом.

Словно иду на ощупь,
Медленно вспоминая:
Это вокзал, это площадь,
Ну а это пивная.

Вот и пора обратно —
Здесь я опять проездом,
Еду в уютное «завтра»
Поездом-головорезом.

Я не такой наивный,
Чтобы поверить в чудо,
Но в городе этом старинном
Я ещё буду.

Джаз в Париже, апрель 1952

На авеню Монтеня «баланга» —
Здесь зажигают Диззи и Джанго.

Звуки трубы, словно стрелы из стали,
Чешет бельгийский гитан на гитаре.

Ну, навертели Диззи и Джанго,
Так «налабали», что сделалось жарко!

Звукам пространства и времени мало —
Вот поливает гений двупалый!

Джанго и Диззи — «музыка сытых»,
Музыка вечных стилиг недобитых.

Сыплет синкопами папа бибоба,
Обалдевает старушка Европа.

Дует очкарик с кривою трубою —
На три биг-бэнда хватило б с лихвою.

Пальцы цыгана по струнам струятся,
Будто не два их, а целых пятнадцать.

Время сжимается, близится кода.
Джанго осталось чуть больше года...

Диззи и Джанго, Джанго и Диззи,
Как вам играется там, в раю?

Улочки Ульциня

Вьются Ульциня узкие улочки,
Крепость нависла над морем лазоревым,
Медленно движемся шагом прогулочным
По городку в голубой Черногории.

Маленький пляж с галечным берегом,
Вплывь доберёшься до близкого острова,
И Адриатика дышит размеренно
Воздухом вроде средиземноморского.

Церкви, мечети, кофейни и лавочки,
Сербская речь вперемешку с албанскою,
Сели под зонтик и всё им до лампочки,
Пиццу едят и «буреки» с колбаскою.

Крыши домов цвета медленно-красного,
Небо цвета стремительно-синего.
Здесь ли Сервантеса банда пиратская
Бросила пленного в крепость Дульсиньо?

Смуглый таксист-мусульманин приветливо
Дверцу открыл, приглашая по-русски, и
Едем в гостиницу, медленно-медленно
Вьются Ульциня улочки узкие...

Европа минус

На скамеечке в парке сидят старики,
Пахнет свежим арбузом от близкой реки,
Сонный август плывёт над планетой.

Перепахано небо следами турбин,
И спокойствием веет из этих глубин,
И в сентябрь «катится лето».

Ароматных кафеек цветные ряды,
Из песочниц сверкают искринки слюды
Отраженным солнечным светом.

Чем живешь ты, Европа, непуганый край?
Не наскучил тебе этот радостный рай,
Это вечное *dolce niente*?

Ну какие *морлоки* в подземных цехах
Отковали тебя здесь на совесть и страх,
Разукрасив рекламой фасады?

В этих домиках с виду живётся легко,
Croissant на столе, на плите молоко,
Да прохлада зелёного сада.

Магазины витринами дразнят гостей,
В них товары размеров любых и мастей,
Налетай, если полны карманы.

Говорливого рынка прилавки пестры,
Всё здесь есть, от колбас до «заморской икры»,
Ананасы, грейпфруты, бананы...

Всё здесь есть, только нет здесь, пожалуй, меня,
Я, ей-богу, не смог бы прожить здесь и дня
Среди этой щебечущей речи.

Но я здесь, и живу, ни на что не смотря...
Скоро птицы опять полетят за моря.
«Только разве от этого легче?»

Вот такое кино...

Фильм не закончился, он оборвался внезапно,
Порвана тонкая плёнка, сеансу кирдык!
Не состоялось хвалёное светлое «завтра»,
Ну хорошо хоть «сегодня» хватило впритык.

Роли остались не сыграны, песни не спеты,
Словно в мерцающей тьме не блестели глаза,
Словно и не было этого звука и света,
Так обречённо покинули зрители зал.

Кто-то теперь говорит: «Ну и бог с ней, с *кинушкой*»,
Мол, режиссер был бездарным и глупым сюжет,
И сожалеть, что финал не увиден, не нужно:
Может быть, «энд» был и «*хэппи*», а может, и нет.

Что ж, в этом есть, несомненно, какая-то правда,
Каждому боязно правде в нутро заглянуть.
Ты вот, к примеру, мечтал же стать космонавтом...
Так вот во всём, стоит только поглубже копнуть.

Только зачем по ночам пред очами мелькают
Кадры из той киноленты, забытой навзрыд?
Жутко и странно устроена память людская —
Столько хранит она разных разбитых корыт.

Ведь в мультиплексах теперь по широким экранам
Крутит другое кино дорогой Голливуд.
Ну до чего же хорош, хоть прикладывай к ранам,
Этот волшебный и сказочный сон наяву.

В новых картинах бывают такие фрагменты,
Где неземная проступит порой красота,
Но оборвавшейся той поцарапанной ленты
Не позабыть всё же мне ни за что, никогда...

Золотые острова

Нагрянет дождь, и всё пойдёт насмарку,
Размокнет почва, облетит листва,
А ты, хлебая крепкую заварку,
Бормочешь никчемушные слова.

Ну, осень, ну, пора... Чего ещё там?
Очарование? Рванина серых туч!
Разочарует каждого в два счёта
Ноябрьской грязи стынувший сургуч.

Потом покроет землю «синий иней»,
Потом падёт на землю белый снег,
И поплывёшь сквозь зиму, как на льдине
По океану снежный человек.

А материк весны — за горизонтом,
А огонёк внутри горит едва.
Но видишь, вдалеке маячат, вон там,
Надежды золотые острова.

**ЛАУРЕАТЫ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПРИЗОВ
В НОМИНАЦИИ «ВЕРНОСТЬ ПАМЯТИ»**

Игорь Лукшт (Россия, Москва)

Лауреат номинации «Верность памяти» Международной премии имени Игоря Царёва

Лукшт Игорь Владимирович

Ковчег

Паутина мерцает,
полусумрак и шорохи, ворохи сена.
Как созвездья, пылины пылают в лучах,
проникающих в чрево сенного сарая
сквозь щербатые щели неструганных плах.
И звенит тишина здесь и ночью и денно
на окраине рая.

В захолустье великом
лишь гудение ос под стропилами кровли...
Смоляные янтарные капли соча,
сохнут доски на балках. И горней музыкой
проливается древний напев скрипача —
на камнях, на былинах, поленницах дров ли
вольно гимны пиликать.

Пой в краю глухоманном,
где в охапках примятых подсохшие травы
тайно память хранят драгоценных ночей —
лепет губ и прохладные пальцы Татьяны.
И надкушенный плод, щёк зардевших красней,
всё мерещится в космах зелёной отавы,
в белой зыбке тумана...

День. В ковчеге дощатом
пахнет сеном нагретым, сосною и летом.
Дверь распахнута, и веткой вишни шуршит

пробегающий ветер, шаманит, крылатый,
шевелит облаков снеговые ковши.
Степь колышет соцветья. И в осыпях света —
нежный шебет касаток...

Июль. Купальщица

На ряби
озёрной, где зыбок узор
и розов, как зяблик,
качается Солнце.
То влево, то вправо — придумал забаву
божок в балахонце.
В одежке
пурпурной багрит балагур,
округлый, как грошик,
вечерние воды,
где плещет карасик. И в золото красит
шатёр небосвода.
На ветер
пушины! Влачат камыши
метёлки соцветий
в шуршании сонном,
в закатных лучах бархоточный прах
роняют на лоно.
Насыщен,
как соты, медовый песок,
где ветер нас ищет...
Тамбовской мадонны
плечо бронзовеет под лаской Борея
и лоб окроплённый.
Вся притча
о Солнце, чей огненный чёлн,
как мир, архаичен.
Лучи заплетая
в намокшие пряди, как в древнем обряде,
пылает нагая.
И капли
мерцают, и тень плавунца,
и лёт серой цапли...
Июльская нега,
стрекозьи просторы — ни чиха мотора,
ни скрипа телеги...

Засуха

Над зеркалом глухого пруда,
мелеющего год от года,
мошки злокозненные гуды,
рябящей оспинами воду,
да порх сердитый диких уток
от люда.

Боршевикив пустые трубки,
полёгшие в пожарах лета,
осыпаны охряной крупкой
среди паутины мелких веток.
На иле высохшем и хрупком —
скорлупки.

Побеги узколистой ивы
под небом яростно-бездонным
пронзают, нежны и пугливы,
сухих суков, к земле склонённых,
густоплетёные извивы:
«Мы живы!»

Осоки ус усох и съёжен.
И мутен взгляд в июньском жаре
коряги, в мареве похожей
на голову болотной твари,
крадущейся, морщинокожей,
с кормёжек.

Степи и трав, дороги пыльной
попынный запах, ила, тины...
Далёкий стрекот лесопильни,
и высоко в ультрамарине
стремительные птичьи крылья
в плавильне.

Предчувствие зимы

В стынь прозрачных небес ноября
нежно-рыжий обоз облаков
волглых ветров волю волокут —
минотавры осенних мистерий.

Кроны сада целует заря.
Воздух голью суков исколов,
зыбля ветками альпий лоскут,
сад пылает, смущён и растерян

В ожиданьи хозяев своих,
поосыпался солнечный плод.
В лужи впаяны тонким ледком,
припорошены снежной крупкою,
не дошли до ларей кладовых
капли сочных Господних щедрот,
пали в травы, в тугой чернозём,
стали золотом верхнего слоя.

Захрустит спелый яблочный бок -
зубы ломит морозная плоть.
Звякнет цепью железной ведро,
опускаясь в скрипучий колодец...
Всё к зиме приготовлено впрок...
Да удастся ль тоску побороть
в гулком карканье дальних ворон,
в приближеньи глухих непогодиц?

Веслево. Декабрьские кануны

В стрекозых снах над мёрзлою землёю,
осыпанной крупкою ледяною,
иззябшие соломенные космы
сухой осоки гнутся на ветру..
Здесь, на юру предзимнего погоста,
студёных вихрей половецкий посвист
летит над грубым полем, непокоен,
тревожа неба серую хандру.
О, тихий плач осин оконечных!
Ветвями поводя в шуршанье белом,
тумане зыбком, кроны голой рощи
кропят печалью снежную кутью..
И мнится — в исполнение пророчеств,
звеня веслом, угрюмый перевозчик
торопит в наши стылые пределы
по водам Стикса углую ладью.
Готовь обол в кошель его потёртый!
Но...жизнь бренчит монистами в аорте, —

цыганка! — в бренном сердце балаганит
и ворожит в соцветьях альвеол.
Прости, гребец, ей жадный хрип дыханья,
смятенье чувств и ветреность скитаний.
Полным-полны аидовы когорты —
табань к причалу свой казачий чёлн...

Так думал я. Переполох вороний
прервал моё послание к Харону —
над алыми стигматами рябины
протарахтел, ликуя, параплан...
Над свежей грудой нежно-рыжей глины,
над зернью снега, лёгшего в низинах,
нежданный гость, в ангарах сотворённый,
на тризну предзимовия не зван,
он, парус раздувая полосатый,
гремел мотором, ангел мой, спасатель,
вселял надежду, весело глаголил,
верша полёт к замёрзшим берегам...

Осоки шорох, скорбь седого поля
да шелест ветра.... К зимнему Николе
на край под распашными небесами
сошли суровые великие снега.

Чарка на посох

Ушли, поклонившись младенцу, волхвы...
Густые снега заметают округу —
замёрзшее озеро, лодки, лачуги
и берег покатый с клоками травы.
Под хриплые вздохи студёного норда,
на землю нисходят крахмальные орды,
в утробах шурша облаков кочевых.
Печатью ложится холодный покров
на дранку бараков и золото храмов,
харчевни, жилища, кладбищенский мрамор,
на реки во льду и горбины мостов.
Прозрачна печаль, словно чарка на посох, —
всё сыплется сонно небесное просо,
мир светел, как лунь, отрешён и суров...
Испей свою чашу, калика, молчком,

нам с детства дарована тёплая доля —
петь гимны в тисках золочёной неволи
да оды слагать окровавленным ртом...
Но с нами дорога, и небо, и слово.
Но нищая муза к скитаньям готова —
кого же ты в хоженье славишь своим?

Влекума любовью и болью, по ком
рыдает душа в долгих шелестах вьюги?
Скрипит над державой заржавленный флюгер —
всё царь, всё разбойник, всё шут с бубенцом,
то юг польхает, то запад дымится...
И мечется сердце в багряной темнице,
и горло тревожит мольбой и стихом...
С псалтырью и хлебом, нежданно никем,
под небом высоким угрюмой отчизны,
по градам и весям от детства до тризны
поём ли, глаголем в негромкой строке
о Боге и свете! О льве златокудром...
Пусть будет язык наш, как снег, целомудрен,
как звёздная россыпь на Млечной реке...

Смеркается рано, мой певческий брат.
Крещенье. Крепчает январская стужа —
позёмка над вёрстами дальними кружит,
и путь непокойный метелью чреват.
Лишь белая чайка в смятенье и хладе
над нами поводит крылом в снегопаде,
и горние крохи ей клюв серебрят.

Шелест ветра

В краю, где в чести достархан и коран,
где льдами сверкают Небесные горы,
свой короб ещё не открыла Пандора,
и мир архаичен, скуласт, первоздан.
Там, в детстве азийском, как сон, безмятежном,
щербетное лето и матери нежность,
знакомый чайханщик, базар да казан.
А в утреннем парке, лучами согрет,
картавит арык, терпелив и смиренен,
и каплет на кипы лиловой сирени,

кораллово-розов диковинный свет.
Там в сумерках ранних рассветной нирваны
над озером горным текучи туманы,
и времени нет...
Там лбы обжигает полуденный зной,
дыханье песков раскалённой пустыни
несут суховеи в барханной гордыне,
в их шелесте — хриплый напев горловой,
поверья седые о жизни, о смерти,
о битве и небе... И беркуты чертят
в потоках круги над моей головой...
И матери голос, и шорох страниц —
кочевников древние кличи ли, притчи ль,
и эпос суровый, и старый обычай...
Путь звёздный омыт молоком кобылиц,
бредут облака, как овечьи отары,
о дружбе поёт манасчи сухопарый,
как плод, смуглолиц...

Но век изувечен, прими и трезвей,
дурманном вином межусобиц и розни
отравлены недра, и воды, и воздух...
И каменным Янусом, неба немей,
Евразии сторож — двуглавая птица —
в смятенье и скорби глядит сквозь границы
в бескрайний простор азиатских степей,
где в смене эпох полыхает мятеж
и грозные армии широкоскулых
раскосых племён, покидая аулы,
встают на голодный кровавый рубеж,
мечты о земле и достатке лелея...
Над миром тревожная тень Водолея
и трепет надежд...

На Трубеже

Полощет дева на мостках
тряпицы розовых рубах.
Чуть в дымке, в зеркале реки
белеют рук тугие стебли —
живую гладь воды колеблют
и нежных лилий хохолки.

Кувшинок круглые листья,
что блюдца, мыты и чисты...
Косит лазоревым зрачком
Алёнин глаз, как на иконе,
язями плещутся ладони
над пескариным бытиём,

полны и луны, как сервиз,
колени под глазурью брызг.
В плетенье трав на берегу
хрустит ребёнок босоногий
румяным яблоком, и боги
покой и Трубеж берегут:

лодчонок деревянных скрип,
грачиный хор, суров и хрипл,
на сходнях стуки топоров,
лёт ласточек, высокий, вёрткий,
далёкий говорок моторки
и свежий рыбарей улов.

А в голубых тенях раки
на волнах церковка рябит,
мерцает синий куполок
людской заступницы Марии,
дробятся башенки лепные,
свод неба светел и глубок...

О квазимодо

Горбат и стар, благословляя летний жар,
сарай кривил хребет в расплавленную синь.
О, квазимодо.
Ворчал и слушал, как под брюхом небосвода
качались мята, зверобой, чабрец, полынь,
резным венцом узорный лист мерцал с ленцой,
знобим слегка, когда венозные бока
царапал ветер,
что навещал забытый край, блажен и светел,
в зелёных космах шелестя березняка,
и лопотал ни с кем на птичьем языке

свирельный бог, отшельник гулких пустырей.
Крылатый странник
арканил облако в воздушной таракани ,
клонил дыханием татарник да репей.

Сарай скрипел, бурча про нищенский удел,
в утробе шмыгали и, сено вороша,
шуршали мыши.
Смола слезой текла, к дождям сквозила крыша,
где гостевали мох лохматый и лишай.

О, день так мал, когда шиповник отдавал
последний свет, всходили две больших звезды
над чёрной степью,
как очи Господа — благоговейный лепет
в потёмках полнил полудрёмные сады,
вздыхал сенник, в астральный вглядываясь лик,
молил стропила подпереть до белых мух —
ему не к спеху,
надежды робкие ворочалась под стрехой,
он засыпал, и детство грезилось ему.

Время астероидов

Н.Х.

Древний ужас в порах памяти ли, в трещинах —
как валькирии, среди семян трепещущих
горних звёзд, летят во мраке и безмолвии
глыбы тёмные, угрюмые, как молоты,
а над сколами их льдистыми — посыльные
смерти вестники — в ночи поводят крыльями...

День к закату. За оградой на Ваганькове
по весне прозрачен вечер, филигрань в листве,
над лохматою сиренью — непокой и порх
сыплет просо колокольцев бубенцовый хор.
В небесах узорны кроны. Серо-розовы,
облака горят клоками над берёзами,
над молчанием камней лишь ветра шорохи,
тишь пустынная аллеи. В сонном мороке
приглушённые свирели одиночества,
вязь кириллицы: «Прими»... имя... отчество...

За строкой сухою — плечико, дыхание,
пальцев лёгкий холодок, пионы ранние,
по реке прогулки на ночном кораблике,
музыкант в кафешке, запахи арабики,
семь ступенек в мастерскую на Бакунинской,
в полусумраке тепло и нежность губ искать,
припадать с душой дрожащей к вечным идолам,
полыхать в ночи в мерцании карминовом...
Дым надежд... В глаза ли пепел — что с тобой, герой?
Поцелуй студёный смерти так нелеп весной.
Дом счастливый — мир негромкий — льдом беды разъят,
над Ваганьковым крахмальная плывёт ладья...

Двадцать лет, что миг, всё чаще в дымке зелени
чёрный креп затягивает льдышку зеркала.
Фант судьбы ль? Бросает камни ли Вселенная?
Но скудеет поле жизни драгоценное
без любимых, верных, близких. Мир велик, но вдов,
хлеб горчит в глухую в пору астероидов.

Капли алые кагора поминального.
Так отважно прорастает сквозь асфальт трава,
век несёт свои заботы в быстротечности...
Лёгкий шелест за спиною
ветра ль?
Вечности ль?

Анатолий Берлин (США, Лос-Анджелес)

Лауреат номинации «Верность памяти» Международной премии имени Игоря Царёва

Берлин Анатолий Ильич

Так, ни о чём...

Начну с цитаты: «Мир сошёл с ума —
История нас ничему не учит»...
Перенасыщены страданьем закрома
Породы человеческой и сути.

Остались лишь надежда да сума
От всей природной щедрости фертильной,
Дворцы, лачуги, избы и дома
Перекосились ношей непосильной.

Печально наблюдать за пантомимой
Людских забот, терзаний и тревог,
За множеством истоптанных дорог,
Ведущих к цели и ведущих мимо.

Жизнь бьёт ключом и часто не попад,
И повторяется усердно и стократ,
А все дороги, ждущие топтанья,
Оцепенели в ритме ожидания.

Я знаю цену маленьким интрижкам,
У коих мы находимся в плену.
Мужчина пьёт или ведёт войну,
Навечно продолжая быть мальчишкой.

А женщина пытается помочь,
Живя свой срок в усладе всепрощенья,
Но безнадежна вера в очищенье —
Мы этот крах не в силах превозмочь.

Святой Петербург

Как всё-таки построен Петербург?
Ответ смущённый, неопределённый...
Чей легкий стиль и горделивый дух
Сумел создать сей град непревзойдённый?

Чей гений обеспечил беспредел
Изящества и параллельных линий,
Дворцов, висящих в тишине идиллий,
И куполов, где воздух поредел?

Я поражён величием колонн,
Надёжностью и точностью округов,
Созвучием следящей друг за другом
Гранитной стати, рвущей небосклон.

Загадочный, стоит надменный град,
Манерностью своею поражая,
И всадники за кружевом оград
Величие его преумножают.

Непреложный факт

*Одиночество — прекрасная вещь. Но обязательно
рядом должен быть кто-то, кому можно будет
рассказать, какая прекрасная вещь одиночество...*

Оноре де Бальзак

Писать об одиночестве в тиши
Пустынной кельи своего несчастья...
О, как оно похоже на пристрастие
К зелью...

Друг мой, не пиши —
Высказывайся мысленно, орально...
Ибо ничтожно, скучно и банально
Скрипеть пером, ломать карандаши...
Оставь свой ямб и, право, не пиши!

Мы одиноки — непреложный факт!
Но чтоб осмыслить, как мы одиноки,
Нам нужен кто-то, добрый ли, жестокий,
Философ и мудрец или простой дурак,
Чтоб выслушал, не получив инфаркт.

И каждый сам готовит свой уход,
И возвращенье сам себе готовит...
Прерву свой стих на этом тихом слове,
Пусть Провидение меня убержёт.

Нет у песни нот

Вспоминая Игоря Царёва

Вдохновение — песня ангела,
а сомнение — шёпот демона,
что же песня мне душу ранила,
видно, шёпотом она предана.

На святой Руси нет у песни нот,
память прошлого да истошный звук,
от лихой езды перекошен рот,
звон бубенчиков да снега вокруг.

Кто-то истово Богу молится,
кто-то крестится на беззвучии,
только с бесами если водишься,
не сойдёт тебе, хоть везучий ты.

Словно нищенка пошаманила,
перекроена, переделана,
в храме слышится песня ангела,
вперемежку с ней — шёпот демона.

Прошедших лет не замечаю

Моя жена немного постарела?
О чём Вы говорите, не пойму.
Её глаза, её душа и тело
Прекрасны, как всегда, не потому,
Что у любимой не видны морщины...
Пусть годы растворяются, как дым,
Я для неё единственный мужчина,
Оставшийся навечно молодым.

И я прошедших лет не замечаю,
Не слышу боли в сердце, не ропщу..
Есть женщина — она моя Святая,
И я бокал вина не расплещу.

Cogito

*...Предпочитая движение мысли
иным прогулкам.*

Игорь Царёв

Раздумывая, существую...
Роятся мысли день и ночь,

Одна торопится другую
Сменить.
Не в силах превозмочь
Их бег стремительный, упругий,
Я подставляю лоб ветрам,
И рифмы — верные подруги —
Творят мой виртуальный храм.

Улавливаю ход событий,
Предвижу времени разбег,
И чудом истинных наитий
Отмечен электронный век.

Мне путешествовать не надо:
Я видел всё — не всё сказал,
Я узник светлого экрана,
Я мышью чуткой правлю бал.

По адресу прекрасной даме
Пересылаю новый стих,
Очаровав её словами,
Значеньем каждого из них.

Кленовый лист

Он стар и болен, жить ему невмочь,
меж двух миров он временно завис,
а рядом сыновья, хлопочет дочь,
рассматривая скорбный эпикриз.

Встаёт с постели тяжко, оробев,
а падает легко — кленовый лист,
что отжил век сезонный, пожелтев,
пред медленным вальсированьем вниз.

Вспорхнёт душа, помедлив, за окном,
печальную смахнёт слезу карниз,
прикроет ставни сиротливый дом,
«Аминь» прошепчет пролетевший бриз.

Елена Крадожён-Мазурова (Россия, Хабаровск)

Лауреат номинации «Верность памяти» Международной премии имени Игоря Царёва

Елена Крадожён-Мазурова

Из семейного альбома

Отец курил, как все фронтовики,
А я ему вертела «козью ножку»,
Затягивалась тоже «понарошку» —
Смешные невозвратные деньки...

Амур. Рыбалка. Жарко. Комарьё.
На спиннинге сторожкий колокольчик.
Вот детство беззаботное моё.
Смотрю на фото. Вспоминаю молча.

Сегодня папе столько бы сказать,
Прижаться лбом к щеке его колючей.
...На мраморе портрет не самый лучший...
А лучшего теперь мне негде взять...

Игорю Царёву

Завораживают, закручивают
И уводят, куда-то маня,
Поэтические эти кручи
Не одну, не одну меня...
Околдованы словом Игоря,
К восхождению готовы полки
От Гродеково до Билибина
И до станции Петушки...
Эх, нельзя объять необъятное,
Но набатом опять звучит
Повторённое, многократное:
«Настоящий поэт не молчит!»
И опять над страной чёрны вороны
Кружат, каркая: «Беспредел!»
Он писал, как нас тащит в сторону..
Он тогда как в воду глядел!

Ноябрь 2014.

* * *

Сад созерцания, сад дзен —
Минимализм и гениальность,
Непостижимая реальность
И ... статика буддийских сцен.

Галина Пысина (Россия, Хабаровск)

Лауреат номинации «Верность памяти» Международной премии имени Игоря Царёва

Пысина Галина Александровна

Врываюсь ветром

Врываюсь ветром я против воли
и силы зла.
И с вами даже не буду спорить.
Всё поняла.
Со мною доли той дивной свежесть.
Моё добро.
Свершится чудо. Господь уверен —
и это всё.
Добром рождённый, добро творящий —
не враг тому,
Кто избавляет мир от несчастий
и гасит тьму.
Свет растворяет в своей спирали
порок и зло.
И направляет поток энергий
лишь на добро.
Урок тот сложно порой усвоить,
но суждено.
И зло уходит с весенним снегом
уже давно.
Страна восстанет из пепла, грязи,
как уж не раз.
Играет гранями всех алмазов
душа у нас.

Православное обличье

В асфальте отразилась осень
 Слезами радостных дождей,
 И желтизна в листве, как проседь
 Причёсок верных матерей.
 День Богородицы. Успенье,
 Воспетое на всей Руси,
 Даруй им всем своё спасенье.
 Пред Господом о том проси.

Амур красив в своём величье,
 В разливе мощных рукавов,
 Здесь православное обличье
 Высоких русских берегов.
 И Мать всех детей России
 Оберегает мирный сон,
 И укрывает их отныне
 Под нежный колокольный звон.

Апрель в Хабаровске

А в Хабаровске апрель
 С неба вместе с солнцем брызжет.
 И весенняя свирель
 Для него – доступный виджет.

Столько солнца и тепла
 Две недели уж не знала.
 Столько времени была
 В сумерках снеготумана.

Я и город – интерфейс.
 Мы сейчас друг против друга.
 И отправились мы в рейс
 Без спасательного круга.

И, как падчерица, я
 У отца родного. Видно,
 Больше мачеха мила.
 Но мне вовсе не обидно.

Лишь тебе принадлежу –
 Родину не выбирают.
 Лишь тобою дорожу!
 Лишь тебя я воспеваю!

Владимир Литвишко (Россия, Ессентуки)

Лауреат номинации «Верность памяти» Международной премии имени Игоря Царёва

Литвишко Владимир Аполлонович**Тает вечер на холодном хребте**

Тает вечер на холодном хребте.
 Ввысь вздымается созвездие гор.
 Скоро туча, сев к привычной черте,
 тронет лапой чуть притихший костёр.

Слабо речки слышен издали гул,
 будто в мире – ни людей, ни зверья.
 Мокнет камень, заменивший здесь стул.
 Смотрит в сумерки палатка моя.

Делать нечего, а спать не резон,
 и гитара отдыхает с утра.
 Пару дней – и завершится сезон.
 Вновь в ущелье нам спускаться пора.

Загорел. Слегка оброс. Похудел.
 Растерял привычный лоск городской.
 Осень – время, чуть отпрянув от дел,
 зарядиться на всю зиму тоской.

Вниз уйти, в людской обыденный круг,
 разложить из впечатлений альбом.
 Вспоминать тропинки здешние вдруг,
 ощущая с сожалением ком
 недопетых, недосказанных фраз,
 наболевшей за всю жизнь чистоты.

Через месяц поседевший Кавказ
 пледом снега скроет наши следы.

Платила платиной листвы, кармином, златом

Платила платиной листвы, кармином, златом.
Кроила в изумруд травы печаль заплаток.
Дарила щедростью плодов, вином свежайшим,
неоголения кустов прося нижайше.

Сбегала в струйках светлых слёз по скулам зданий,
меняя облик наших грёз и ожиданий,
вобрала оттенки всех цветов в свои букеты,
пронзив строкой подкожных слов стихи поэта.

Грибы в подоле нам несли, лукошки ягод.
Косила сено, где могла, запасом на год.
Её парное молоко и хмель душистый –
забыть нам будет нелегко и луг росистый.

Скиталась в пустоте полей, брела садами,
грустила тщетно у дверей, закрытых нами,
стерпев ожоги от костров, скорбя безвинно,
мир разделив на двор и кров – две половины.

Саднило искоса, в ребро – дождём и градом.
Пушистый снег, как серебро, ей лёг в награду.
Сдавались медленно тепло и неба просинь.
Что всё же мимо нас прошло?.. Всего лишь Осень.

Осень-Елена, гривастая медь

Осень-Елена – гривастая медь. Край первоклашек,
упрятанных в ранцы.
Время базаров, чья спелая снедь фруктов развалами
просится в танцы...
Песенный облик, слезинки дождей, листья,
спешащие в рук вереницы,
дни для того, чтоб взглядеться в людей: с кем зимовать,
а кого – сторониться...

Осень-Мария – дорожная пыль. Росы на травах, зарница заката,
взоры потухшие, сникший ковыль... Чем-то природа опять
виновата...

Спелость орехов, берёз нагота. Дач заколоченных в досках оконца.
Подведена отпускная черта. Тучки на небе, осколочки солнца...

Осень-Татьяна – предельный порог. Белые мухи вот-вот
закружатся.
Топим котлы, кот свернулся у ног. Повод грустить,
непогоды бояться...
Час размышления, тёплых одежд. Зонтиков спелых в руках
разномастность.
Грязь на машинах и грубость невежд. Время для душ
ощущать сопричастность....

В плену дома. Под флаги белых крыш

Ну вот и снег, влетевший в эту ночь,
сразивший землю тишиной бездонной.
Его ковёр наброшен вновь точь-в-точь
на лик природы вязью заоконной.

В плену дома. Под флаги белых крыш,
клонится всё: деревья и заборы.
Ты видишь это и, застыв, молчишь,
не тратя сил в напрасных разговорах.

В цепях природа. В этой белизне
местами лишь иного цвета пятна.
Притихший мир, проснувшись, в новизне
сравнения ищет, что ему приятны.

Ещё следами не прорезан двор,
сугробами не скрыта перспектива,
но не услышать птиц весёлый хор –
ждать до весны их бойкие мотивы.

И пусть тонка покрытая пелена,
большой зимы не замкнуто объятие,
от городов склонившихся страна
сдаёт ключи, сменив свои печати.

Любовь Сушко (Россия, Омск)

Лауреат номинации «Верность памяти» Международной премии имени Игоря Царёва

Сушко Любовь Николаевна

Великолепный. Сон о Блоке

*У него глаза такие, что влюбиться каждый должен.
А.Ахматова*

Она исчезает, во мраке она растворится,
А он не окликнет. Останутся только стихи.
Лишь маски мелькают в метели, теряются лица.
За ним, как метель, незнакомка напрасно летит.

Смеётся старик, в эту бездну его увлекая,
Молчит пианист, и хрипит обречённо рояль,
И только цыганка, из вьюги немой возникая,
Танцует над бездною, сбросив одежды, он шаль
Протянет ей снова, укутает он, обнимая,
О, жрица немая, с тобой откровенен поэт.
Тебе он поверит, актрисы притворно рыдают,
И громко смеются враги, и прощенья нет.

Игрушка судьбы, чародей запоздалой метели,
Куда он несётся, и с кем проведёт эту ночь
В пылу маскарада, куда его тройки летели,
И черная роза покорно лежала у ног.

Страшна его власть, а стихи его странно прекрасны,
И демон безумный впервые парит в небесах.
Молчит Пианист, все мольбы и усмешки напрасны.
Коснутся щеки, утонуть в этих синих глазах.

И после не жить, а писать и случайно встречаться,
И память хранить о растаявшей где-то вдали
Отчаянной встрече, им было обещано счастье.
Безумное счастье, но им не дожить до любви.

Буря вдохновения и страсти

Памяти Николая Гумилева

Как Летучий голландец, душа уносилась во тьму.
И шутили матросы о чём-то и долго смеялись.
Был суров капитан, и приблизился Дьявол к нему.
И забытые сны в этой бездне суровой остались.

Море дико ревёт и бросает нас снова в туман,
И далёкие скалы я вижу яснее и ближе.
—Мы погибнуть должны? Улыбается мне капитан:
— Невозможно погибнуть. И взор его снова я вижу.

Но о чём он опять? Мне узнать это странно теперь,
Только дикие волны куда-то уносятся с хрипом,
Альбатрос покачнётся, какой-то невиданный зверь
Посейдоном подарен нам, снова я слышу и вижу,

Как шальная гроза всё тревожит усталую ночь.
И в тумане они проступают, и ждут в суматохе,
А Летучий голландец уносится яростно прочь.
Океан проглотил этот миф и немой, и жестокий.

Только снова в тумане все ищут обратно пути,
Капитаны, которым назад никогда не вернуться.
И душа моя снова в те бури и стоны летит.
И приблизился Один, Аттила из тьмы улыбнулся.

Снова Дикой охотой закончился яростный сон,
Волны, черные псы, в темноте небывалой ревели.
Гулко падали в бездну герои минувших времён,
Звезды сыпались вниз, и от страха матросы хмелели.

* * *

Я в бокалы с вином добавляю осеннюю нежность
Золотистого света летящей куда-то мечты,
И улыбку печали, и страсти внезапной безбрежность.
Проступает на лицах влюблённых восторг немоты.

Листопада задор окрыляет мелодией души,
И иная реальность становится ближе на миг.
Я спою тебе снова, а ты улыбнись и послушай
Эту тихую песню, писала её для двоих.

Наша чудная осень украла тоску и печали,
Эта полночь светла от улыбки весёлой твоей.
Я в бокалы с вином добавляю любовь и печали,
Лунный свет, тишину, золотую безбрежность полей.

— Всё проходит, — твердят, и исчезнет весёлая осень.
Но не сможем забыть и в метели то золото грёз,
Ловим листья на счастье, и в комнату снова приносим
Песню сонного ветра, ворчанье стихающих гроз.

И улыбка печали, и страсти внезапной безбрежность —
Проступает на лицах влюблённых восторг немоты,
Я в бокалы с вином добавляю осеннюю нежность
Золотистого света летящей куда-то мечты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Бесспорной удачей конкурса его организаторы считают открытие новых авторских имён. Верим, что с нашей «лёгкой руки» начнётся активное движение их произведений к своему читателю. И мы желаем им на этом пути удачи и успеха!

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ	7
ОТ ЛИТЕРАТУРНОГО ОБОЗРЕВАТЕЛЯ	9

ПОБЕДИТЕЛИ ПОЭТИЧЕСКОГО КОНКУРСА

Юрий Гладкевич	11
Владимир Квашнин	18

ФИНАЛИСТЫ ПОЭТИЧЕСКОГО КОНКУРСА

Евгения Баранова	31
Лариса Подистова	38
Валерий Рыльцов	45
Клавдия Смирягина	52
Майя Шварцман	60
Олег Сешко	71
Геннадий Миронов	79

ЛАУРЕАТЫ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПРИЗОВ В НОМИНАЦИИ «ПОЭЗИЯ»

Виктория Измайлова	90
Наталья Колмогорова	98
Наталья Кравченко	107
Наталья Прилепо	113
Григорий Певзнер	120
Елена Сурина	127
Александр Топчий	133

ПРЕТЕНДЕНТЫ НА ВЫХОД В ФИНАЛ В НОМИНАЦИИ «ПОЭЗИЯ»

Никита Брагин	142
Анатолий Болгов	149
Алексей Демич	157
Татьяна Жилинская	169
Андрей Земсков	176
Кирилл Алейников	186
Евгений Иваницкий	193
Елизавета Канибаловская	200
Игорь Панасенко	208
Елена Крикливец	216
Наталья Крофтс	223
Надежда Кутуева	229
Денис Садыков	236
Ришат Халиуллин	240
Георгий Яропольский	247
Владимир Штокман	255

ЛАУРЕАТЫ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПРИЗОВ
В НОМИНАЦИИ «ВЕРНОСТЬ ПАМЯТИ»

Игорь Лукшт	264
Анатолий Берлин	273
Елена Крадожён-Мазурова	278
Галина Пысина	279
Владимир Литвишко	281
Любовь Сушко	284
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	286

6+

СБОРНИК СТИХОВ

лауреатов Первого поэтического конкурса «Пятая стихия»
Международной литературной премии имени Игоря Царёва
(сезон 2013–2014 гг.)

ISBN 978-5-88898-536-6

Подписано в печать 10.10.2015 г. Формат 84x108^{1/32}.
Гарнитура NewtonС. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 16,74. Тираж 1146 экз. Заказ № 1146.

Отпечатано в ГУП «Клинцовская городская типография».
243140, Брянская область, г. Клинцы, пер. Богунского полка, 4а.
Тел. (48336): 4-04-18, 4-35-89, 4-24-56.
E-mail: kltip@online.debryansk.ru
zakaz-kltip@mail.ru